

НАСЛЕДИЕ ВЕРХОВНОЙ ЛУНЫ ПРОБУЖДЕНИЕ

The cover features a central, glowing blue moon with a cracked surface, set against a dark, swirling blue background. Above the moon is a faint, ethereal figure with wings. In the foreground, a silhouette of a woman with long hair and a flowing dress stands with her back to the viewer, looking up at the moon. The overall atmosphere is mysterious and magical.

САНАА БОВА

18+

СанаА Бова
Bova Team
Наследие Верховной Луны:
Книга1. Пробуждение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71286253

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, что у всего есть начало и конец, но что, если в реальном восприятии энергий дела обстоят несколько иначе и абстрактным финалом становится многоточие, которое было поставлено лишь из-за невозможности продолжить действие именно сейчас?

Что, если разрушение и смерть являются лишь отправной точкой в новую реальность, пробуждаясь в которой нам всем предстоит проделать работу над ошибками и сделать то, на что в прошлом не хватило времени и ресурсов?

Когда-то могущественная семья Верховной луны правила Тримирием и создала Вселенную, в которой мы и живём, а сейчас все её представители разбросаны по разным уголкам миров Димисар, не имея возможности воссоединиться. Но что, если существует лазейка, способная соединить некогда величественную семью вновь, и что станет с привычным миром, если им удастся возродить Верховную Луну?

Содержание

«Ты можешь и не знать моего имени,	5
Дорогой Странник,	6
ПРОЛОГ: УТОПИЯ	8
ГЛАВА 1. НАЙДИ МЕНЯ	38
1–1 Я ВПЛЕТАЮ ТЕБЯ В ДУШУ	40
1–2 МЕЖДУСТРОЧИЕ: ПОЖАЛУЙСТА,	56
УСЛЫШЬ МОЙ ЗОВ	
1–3 Я ПРОПУСКАЮ ТЕБЯ ПО ВЕНАМ	67
1–4 ПОЗВОЛИВ СТАТЬ МОИМ	79
ОТРАЖЕНИЕМ	
1–5 СИНГУЛЯРНОСТЬ	84
1–6 БЕЛЫЙ САД СОЛНЦА ДНЯ	93
1–7 НЕПОНЯТНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	101
ГЛАВА 2 УСЛЫШЬ МЕНЯ	106
2–1 ЧУЖИЕ НИКОГДА НЕ СТАНУТ КЕМ-ТО	108
ВАЖНЫМ	
2–2 ЗАМОК СЕСТЁР БОНТЕЛАНАС	116
2–3 ВЕРХОВНАЯ ЛУНА	125
2–4 САД БОНТЕЛАНАС	136
2–5 КЛЯТВАМИ СКРЕПЛЁННЫЕ	146
ГЛАВА 3 ВСПОМНИ МЕНЯ	157
3–1 НЕРОДНАЯ РОДНЯ	159
3–2 СВИДАНИЕ СО СНОМ	167

3-3 ПАДАЯ В БЕЗДНУ ПРОШЛОГО

182

3-4 РАЗРУШАЯ ПЛАНЫ ИНЫХ

197

Конец ознакомительного фрагмента.

205

Наследие Верховной Луны: Книга1. Пробуждение

**«Ты можешь и не
знать моего имени,**

**но я буду стоять у тебя за спиной, являясь твоими
крыльями»**

Дорогой Странник,

приветствую тебя на страницах рукописей Димисар, где собрана история сотворения Вселенной, в основу которой Первородные Боги заложили развитие души. Окунувшись в тексты, что удалось мне, как Хранителю историй, собрать на окраинах миров, ты осознаешь, к какой линии крови принадлежишь, и какими особенностями пропитана твоя душа. Однажды открыв страницы летописей Димисар, ты уже не сможешь забыть про значимость рода, его предназначение и твоё место на необъятных просторах Вселенной.

Повествование ведётся от лица нескольких персонажей, которые иногда находятся в разных мирах, измерениях или, что проще, на противоположных частях единого мира.

Период действия одной главы тоже может отличаться: так в одном случае – это часы или минуты, в другом – сутки, в третьем – десятки, сотни, тысячи лет. Естественно, при такой структуре книги, повествование не может быть последовательным, а важные события могут происходить одновременно.

Для твоего удобства в начале каждого подглавия указана дата, время (при необходимости) и место события, что описывается от лица конкретного персонажа. Надеюсь, тебе не

будет сложно, и ты не заблудишься в хаотичном наполнении нашей Вселенной, получив максимум удовольствия от всех историй, что раскроются твоему взору в числе первых.

Спасибо, что стал избранным, мой дорогой Странник, и до скорых встреч на страницах рукописей Димисар.

Хранитель твоих историй
– Кёомэ.

ПРОЛОГ: УТОПИЯ

POV: АНАДЖАМУН

*Я не позволю тебе упасть с неба
И не дам шанса забыться под гнётом обид.
Расправив крылья сейчас, полетим вдоль рассвета,
Чтобы спастись, от заката друг друга закрыв.
Все наши горечи стали минором
И суть их больше едва ли важна,
Мы не посмотрим друг в друга с укором,
Ведь прочитаем мгновенно, что скажут глаза.*

Мы существуем на границе миров, погружённые в вибрации трёх измерений, пытаюсь не растерять необходимые для жизни энергии. Пребывание в современных реалиях уже давно приобрело статус – выжить, сохранив ресурсное состояние для необходимого развития души. Нам приходится буквально вырывать мгновения для возможности переосмыслить происходящее, до момента, когда уже последует наказание. Больше нет времени медлить. У нас нет ни одного шанса на ошибку в мышлении, ведь наказание прилетает

молниеносно.

Теперь наши реалии превратились в нечто, тренирующее душу воспринимать любую действительность, но едва способствующее обучению уклониться, а уж тем более, защититься от апперкота, что жизнь наносит нам ежедневно. Мы превратились в своенравно-неуравновешенных оболтусов, стремящихся перейти на новый уровень самосовершенствования, но не имея для этого должного развития.

Достаточно сложная шахматная партия с той самой Вселенной, частью которой мы являемся, превратившаяся из дружеского поединка в борьбу за выживание.

Дата:

22 сентября 2026 года

– период смертного исчисления

Местоположение:

мир Праносталь, город Нью-Йорк,

Эфемерная реальность

Отворив створки панорамного окна, я испытала временное облегчение. Пусть это и длилось всего мгновение, мне было радостно уже от того, что удалось глотнуть свежего воздуха, но не в привычном понимании кислорода, а скорее соотносящимся с освобождением души от тяжкого груза, давящего на сердце.

За последние несколько месяцев я перенасытилась эмо-

циями и уже начала на физическом уровне чувствовать дискомфорт. В какой-то момент всё вокруг перестало радовать и казаться чем-то значимым. Я как будто до краёв наполнилась тем, о чём грезила всю жизнь, а обретя, не смогла получить желаемого удовольствия.

Где-то в глубине пентхауса слышались голоса спорящих девчонок, так и не решивших, кому сегодня придётся переместиться в Аэросталь, а кто отправится в гости и посетит Огненный замок, чтобы подписать очередной контракт. Они так яро доказывали своё право на отдых, что я непроизвольно усмехнулась.

Мне нравилось быть рядом с близкими, и я научилась не обращать внимания на их капризы, ведь после стольких лет сна время, проведённое с ними, стало самым значимым приобретением. Пусть и не сразу, но я смогла начать ценить тех, кто делит со мной тяготы судьбы.

Мы не способны пробудить желание изменить что-то, пока не наступит точка невозврата в то состояние, которое привело нас к утопическому кризу. Каждой душе необходимо пройти через Путь Сагнации или же, обрести покой в Пустоте. Все мы, будь то Сагниты, Сагны или даже Высшие, прошли путь самосовершенствования лишь благодаря усердному прохождению испытаний, что на нас возложил самоназванный совет – Око Агрона, не имеющий ничего общего с Хаосом.

Надо сказать, что само это название порочило Агрона и

всех его потомков, ведь эти ничтожества, напялившие на себя белоснежные мантии, постоянно издавали приказы, противоречащие моральным ценностям Хаоса.

– Ваше Высочество, – едва уловимая энергия открывшегося портала слегка пощекотала кожу, вызвав на лице улыбку – я пришёл доложить, что все города Ореола Праносталь признали власть Верховной Луны и готовы занять нашу сторону в предстоящей Третьей войне силы.

Эх, сначала было бы прекрасно завершить войну Трёх измерений. В последнее время все мои мысли всецело были поглощены бесчисленными сражениями, и я совершенно не понимала, как освободить Димисар от этого нескончаемого кровопролития.

Стоило мне взойти на трон, как семью Верховной луны стали преследовать неприятности, но уже в совершенно новой и более извращённой интерпретации.

– Встань с колен, – подойдя к Каю и подав ему руку, я желала почувствовать истинную энергию давно забытого Первородного огня. Хрупкое лицо было покрыто застывшей кровью смертных и долголетов, сражающихся на стороне Теневой луны. – Ты так истощён. – я проговаривала эту фразу скорее для себя, ведь мой верный рыцарь прекрасно осведомлён как о своём, так и о состоянии армии в целом.

На самом деле, назначить Кая главой войска Верховной луны стало лучшим моим решением. Он всегда сражался так яростно и отважно, словно являлся истинным Богом войны

и несмотря на всё его безумие, он являлся лучшим выбором из всех, что я могла сделать. Задержав ладонь на его лице, я выпустила пурпурный луч, очищающий его кожу и наполняющий энергией.

Так-то лучше. Теперь ему удастся восстановить силы гораздо быстрее, ведь не известно, когда на нас нападут воины измерения Вечной тьмы, под предводительством рыцаря Вариуса. Наверное, я боялась его гораздо сильнее, чем пыталась показать, да и в целом, мне жутко не хотелось признавать тот факт, что Вариус способен навредить семье Верховной луны. А он, безусловно, сделает это.

– Прости. – слегка растерявшись, синеглазый блондин вскочил на ноги и, в свойственной ему манере передёргивания плечами, вызвал небольшой энергетический поток, направляющий одежду. – Мы встретили много воинов Теневой луны и повстанцев измерения Вечной тьмы.

– Пора уже дать всем измерениям упрощённые названия, а то язык ломается от разнообразия «тьмы» в наших жизнях. – обернувшись к окну, я прорисовала магические треугольники раскрытия измерений, и пелена Эфемерной реальности рассеялась, показав масштабы разрушения, что претерпели миры Праносталь. – Как наши войска?

Высотки были надкушены драконами, а какие-то и вовсе полуразрушены их крыльями. Вот, что значит – быть частью совершенно иного мира. Эти рептилии слишком большие и не могли комфортно перемещаться среди строений совре-

менных городов смертного мира.

– Они держат оборону и пробираются к сердцевине Праносталь. Если всё пойдёт так же хорошо, то мы сможем пробудить Первородный Дух спящего Лотоса в ближайшие недели.

– Сад души Амтары очень сложный и необходимо быть аккуратными, ведь заселение его просторов душами смертных чрезмерно... Даже по меркам Белой луны. Необходимо продумать каждый шаг. Только одна её рука, высвободившись из заточения сна, способна уничтожить оболочку, которую люди считают своей планетой.

– Моя королева, мы обещали тебе, что мир людей не пострадает. Мы успеем переместить Амтару до того, как планета подвергнется уничтожению.

– Что с её супругом?

– Здесь дела обстоят сложнее. Сад Дарсандуса раскалился до своих пределов, и мы едва сдерживаем пробуждение Солнца, ведь его трещины уже невозможно залатать ни одной печатью, известной нам.

– Получается, что Дарсандус пробудится намного раньше, чем Амтара. – Ух, не хотела бы я разбираться с ним पहले, чем с этой истеричкой, поглощающей знания людей для своего восстановления. – Неприятная новость. Амтара начала своё пробуждение не более десятка лет назад по времени смертных, и человечество уже заметно потеряло в развитии, а взрослые особи и вовсе приравнялись к уровню подрост-

ков, которые стали превосходить их по опыту и рассуждениям. Страшно представить, что произойдёт, когда Дарсандусу потребуется пища.

– Не о пробуждении его нам стоит переживать, а о том, что он с лёгкостью может уничтожить Праносталь, пусть и не от истинного желания, а по нелепой случайности, но мы не сможем противостоять ему.

– Сможем.

– Ты свихнулась, если хочешь пробудить Первородный дух Мунь Яо и Тань Шань! – сойдя на крик, Кай даже не заметил, как схватил меня за плечи. – Не думай даже об этом!

– И куда подевалась вся твоя учтивость? – усмехнувшись с его наивной заботы и положив ладонь на горячую щеку, я непроизвольно улыбнулась. Душа Кайонамфера всегда вызвала во мне самые тёплые чувства, но его забота являлась удушающей. – Я буду в порядке, а Димисар защищён.

– Нэйя Шэдов уже выпустила Первородный дух своей души, и все мы прекрасно знаем, чем закончилась её история!

– А кто сказал, что её история закончилась?

– Высвобождение Первородного духа не может остаться незамеченным для носителя.

– Меня защитит Бэгги, а моего супруга Жемчужинка. Не переживай, Кай. Мы способны постоять за себя и наши фамильяры души всегда станут стеной, укрывая от любой атаки.

– Даже фамильяры не способны оградить вас от того, что

может пробудиться с Мунь Яо и Тань Шань.

– Фамильяры души! – меня злило его упорство в нежелании придавать значимость различиям некоторых понятий. Кажется, ему проще придумать новые названия, чем запомнить отличия. – Перестань оскорблять великих Духов силы.

– Ой, простите, ещё не возвращённые духи Чёрной пантеры Бездны Пустоши и непокорной драконихи Жемчужного замка могучего Первородного лотоса. – Кай демонстративно поклонился и, скривив недовольную гримасу, материализовал в руках серебряный кубок. – За вас!

– Пожалуй, я позволю им в момент своего возрождения поиграть с тобой.

– Почту за честь! – Кай злился, ведь хорошо понимал, что я не изменю своего решения и никто не сможет повлиять даже на отсрочку исполнения этого плана. Я прекрасно знала, что Дух огня не хотел терять никого из нас, но мы не оставляли ему выбора. – И давно вы это решили?

– Не забивай себе голову нашими решениями, прошу. Сосредоточься на Амтаре и Дарсандусе, ведь Солнце рано или поздно, начнёт поглощать живительные силы смертных. Мы не можем позволить этому случиться.

– Хотим мы признавать подобный факт или нет, но это уже происходит на протяжении нескольких лет. Высший Дух огня давно поглощает силы жителей Димисар, а в их число входим и все мы, моя королева.

– Ты прав, я не хочу признавать его влияния на Трими-

рие и Верховную луну, – тяжело выдохнув, мне так и не удалось набрать свежего воздуха и это вызвало спазмы. Переведя взгляд в окно, я увидела, как драконы Белой и Теневой лун сжигают башни Нью-Эджена в Праносталь Эфемерной реальности. – Но мне придётся.

Когда Праносталь окутали три измерения, привычный уклад энергий изменился настолько, что даже спустя сотни лет мы так и не научились контролировать вибрации этих противоположных сил.

– Возможно, и не... – неожиданно появившиеся вспышки ослепили и не позволили Каю договорить, притянув внимание на себя.

– Гавриил пал в Нью-Эджен, – окровавленный Святослав влетел в пентхаус, материализовавшись из яркого синего свечения, заполнившего морозной свежестью пространство – и встал на защиту смертных того измерения.

Давненько этот пернатый не был так напуган. Мы ступили на неизведанную тропу, ведущую к череде пугающих составляющих. Я видела Свята в разных ситуациях и знала все его реакции, но сейчас он не был похож на самого себя. Фиолетовые глаза пронизывали золотистые прожилки, а зрачки раздвоились.

Он увидел что-то настолько шокирующее, что едва контролировал сердцебиение, а пульсирующая по венам золотая ангельская кровь загустела.

– Что случилось? – я ненавидела общаться в сознании, но

Свят не доверял никому, а Кая и вовсе презирал. – Тебя как будто искупали в ванне с кровью.

– Все улицы кишат тварями из междумирий. – он отрянул одежду, и багровые капли украсили белоснежный ковёр. Супер! Теперь предстоит платить за нашу неряшливость.

– Их не должна была затронуть война Трёх измерений. – кожа ангела начала светиться, и это вызывало дискомфорт.

– Мы в жопе, королева Верховной луны! – Наш стиль общения, совмещающий высокопарность, жаргонность и обценную лексику давно стал визитной карточкой семьи Верховной луны. К нам долго привыкали, нас не понимали, но никто не осмеливался противоречить, в конце концов, приняв нас такими.

– Давно ты меня так не называл.

– Ну, вот назвал же. – для Свята этот титул означал гораздо больше, чем чин и роль в иерархии. – Они падальщички! Просто уловили момент, чтобы вдоволь пожрать.

– Но зачем это Гавриилу? – я не понимала, почему те, кто никогда прежде не вмешивались, вдруг проявили заинтересованность в делах Димисар. Аэростальцы всегда волновались лишь за собственные пернатые шкуры и оставались в стороне при любых конфликтах.

– Думаю, он решил перестать быть бесправным послушником Аэросталь. – ангел пытался восстановить силы и образовал вокруг себя полупрозрачные крылья.

– А, быть может, не потерпел славы Люцифера, вставшего на защиту смертных измерения Вечной тьмы и Михаила, занявшего место защитника измерения Всепоглощающего света. Эти братья славятся своей враждой во всех религиях и летописях Димисар. Не удивлюсь, если и здесь они решили попросту помериться рангом своих крыльев.

– Не уверен, что тут замешены соревновательные мотивы, – Кай усмехнулся и протянул ангелу свой кубок. – Выпей лучше и успокойся. Тяжёлые деньки начались.

– Словно когда-то они носили иной характер. – сквозь зубы прошипел Свят и, к удивлению Кая, опустошил кубок.

– Тебе необходимо вмешаться в происходящее, ведь дальнейшее сохранение нейтралитета от королевы Верховной луны не приведёт ни к чему хорошему. – Святослав не мог понять мою позицию и злился на бездействие.

– Война Трёх измерений не имеет отношения ко мне, Свят. – Конечно же, я врала, ведь попросту не хотела признавать свою причастность к началу этого сопротивления и слияния измерений.

– Пророчество изначально говорило о войне Трёх измерений, как о последствии возрождения души Первородного.

– Я не Первородная!

– Отсутствие печати не говорит о том, что ты перестала являться Первородной.

– Давай не...

– Королева! Принц Времени попал в ловушку трёх из-

мерений! – взволнованная и взъерошенная Динь вылетела из очередного портала, сбив несколько ваз с сухоцветами. – Даркус напал на Золотой сад и, застав врасплох всех, поглотил Кёнифана в лабиринт измерений. – ей с трудом удалось восстановить дыхание и, наконец, придя в себя, она выпрямилась.

– Что? Все три осколка оказались рядом с истинным духом принца Времени?

От этой новости я едва не пошатнулась.

Мне нельзя показывать обеспокоенности, но скрывать свои эмоции в последнее время удавалось всё труднее.

– Да, моя госпожа. Прошу простить меня, я не смогла уберечь седьмого принца от посягательств тёмных сил. – маленькая и хрупкая девчушка упала на колени, стараясь показать своё искреннее сожаление, но все присутствующие тут понимали, что даже попробуй она вмешаться, в лучшем случае лишилась бы своих серебряных крыльев.

– Однажды он уже застрял в лабиринте измерений и чуть не погиб, но тогда шла охота на осколки наших душ... Сейчас же... Как мы сможем его спасти? – меньше всего я хотела думать об опасностях, подстерегающих Кёни.

Как же прекрасно завершился этот день.

Навалив на меня кучу всевозможных новостей и незапланированных проблем, энергии этих суток превратились в тягучий поток токсичности. Забавно звучит. А ведь я действительно уже привыкла планировать всё, в том числе и непри-

ятности, что могут возникнуть, выделяя для них необходимое время в расписании. Я не могла даже предположить, что Кёнифан повторно попадёт в ловушку. Ему я всегда доверяла больше всех. Только он умел занимать безопасную зону и сохранять позиции вне основного эпицентра событий, концентрируясь на доме Верховной луны.

– Моя королева, – неуверенная интонация насторожила – есть ещё кое-что. – повинная голова Динь буквально притянулась к полу. – Всадник Смерти и Дух Истинной тьмы ранены... и... – то ли от испуга, то ли от страха она упала на пол и закрыла глаза ладонями – застряли в Эфемерной реальности.

– Что ты сказала? – переместившись за долю секунды и схватив её за плечи, я подняла Динь на ноги и, всматриваясь в испуганные розовые глаза, с ужасом понимала, что это суровая действительность.

– Генералы доложили, что в поисках Печали и Счастья, Артэс и Тиан попали в ловушку, из которой едва смогли выбраться.

– Почему они вообще отправились на поиски Босона и Налина? – Я не понимала, какого ответа хотела дожидаться, ведь Динь не могла знать того, о чём я спрашивала. – В этом рождении эти двое старались держать нейтралитет и не вмешивались в наши сражения. Они просто жили своей жизнью.

– Насколько мне известно...

– Мы не хотели говорить тебе, – Свят и Кай перегляну-

лись, позволяя друг другу перехватить инициативу – но все потомки детей Новолуния уже несколько месяцев получают тревожные послания. – голос Кая дрожал и, произнося каждое слово, он как будто бы отдалялся, в надежде как можно быстрее исчезнуть из пентхауса.

– Просто нам показалось, что у тебя и без этого много тревог, – поймав на себе мой яростный взгляд Свят пошатнулся и, споткнувшись, упал на спинку дивана, перевернувшись через которую оказался на полу.

– Значит, вы сговорились за моей спиной, и позволили себе держать меня в неведении?

– Наверное, нам лучше вернуться к своим обязанностям... – Кай помог Святославу встать и дружелюбно улыбнулся, надеясь, что я так легко отпущу их.

– Стоять! – прорычав сквозь зубы, я замахнулась руками, образовав янтарную сферу со множеством кристаллов, готовых вонзиться в каждого. – У меня для вас подарочек!

Яркий свет ослеплял, а опустошение, что я испытывала из-за полученных новостей, вызывало ужас. Мне просто хотелось хотя бы на небольшой отрезок времени не думать о тех сражениях и кровопролитиях, что происходили в трёх измерениях. Мы так долго находились в пограничном состоянии, что сроднились с ним, совершенно позабыв о вариантах нормальной жизни.

Открывать глаза не больно,

больно в свете видеть тьму...

Я скучала по нему, не помня о нём ничего.

*В этой тоске происходило то самое разрушение
моего сердца, что не позволяло
здравомыслию взять верх.*

Ладно, неважно. Чтобы не происходило во Вселенной, я не имела права откладывать собственную жизнь. Никто не должен позволять обстоятельствам нарушать свои планы, ведь: Смерть не умирает; Начало всего не живёт; Огонь не обжигает; Вода не тонет; Воздух не дышит, а Земля не твердеет... В Димисар всё закономерно. Каждая частица имеет значимость, а её свойства не способен перенять никто другой, как ничто не впитает и эти отличительные особенности.

Несмотря на весь творящийся хаос в трёх измерениях и энергетические всплески, мир смертных двигался в прежнем русле. Огни ночного города манили, но я знала, что смогу насладиться этим видом в полной мере, лишь закончив интервью. Это была та самая точка, и нам было необходимо её поставить, чтобы обрести долгожданный покой, о котором мы грезили десятки тысячелетий, затерявшись в бесконечной череде перерождений. Я хотела просто закрыть уже зачитанную до дыр книгу и, открыв чистый блокнот с белоснежными страницами, начать писать новую историю. Историю жизни, без оглядки на прошлое, которое превратило наши души в решето.

Эти три года выдались тяжёлыми настолько, что я до сих пор не научилась дышать полной грудью, продолжая делать это урывками. Обычная человеческая жизнь банальна и проста: необходимы жильё, зарплата, еда, кто-то рядом, здоровье и ощущение счастья, позволяющее данному самообмену длиться до последнего вздоха. Жизнь человека проста – прими решение и следуй выбранному пути. В людском бытии нет нерешаемых уравнений, как не существует и ни одного сложно составляющего элемента. Просто живи, следуя мечте, а не разлагайся. Просто будь, а не кажись. Но даже это для смертных – непосильная задача. Знаю, на своей шкуре смогла прощупать в полной степени. Но моя жизнь – намного запутаннее и состоит из множества неизвестных, которые делают её труднодоступной для восприятия. Моя жизнь – цепочка решений, принятых в прошлых воплощениях, и ответственность за выбор, сделанный в момент зарождения души.

Как бы это ни было тяжело в настоящем, я ни о чём не жалела, ведь любые действия в прошлых жизнях, наконец, привели в объятия того, для кого была создана моя душа. Ни одно испытание, через которое нам пришлось пройти, ни один жизненный урок, что ранил и заставил сомневаться в собственных силах, ни всё то бесчисленное количество тренировок, занятий и бессонных ночей – ничто из этого не смогло отдалить нас, а, напротив, благодаря этому мы научились сражаться за собственные ценности. Эта смертная реинкарнация смогла сделать нас сильнее тех, кем мы были рождены

в изначальной своей ипостаси.

– А... – растерянность на лице Малисы забавляла, ведь кому-кому, а этой девчонке давно было пора привыкнуть к непостоянности нашего настоящего. – Анадж, – чем-то недовольная Мелочь стояла на входе в пентхаус и косилась в сторону двери, – пришёл журналист. – Я хорошо знала это выражение лица – тотальное разочарование в происходящем вкупе с подавляемой злостью.

В такие моменты зелёно-жёлтые глаза этой девчульки отражали яркие лампы и выглядели неестественными для смертных, а её мелкий носик мгновенно искривлялся, демонстрируя нежелание принимать происходящее. В такие мгновения эта коротышка выглядела шкодным, недовольным ребёнком, которому отказали в покупке желаемой сладости.

Лиса уже давно перестала скрывать эмоции, научив окружение принимать её всецело и не задаваться лишними вопросами. Умная девочка. Смелая. Она достаточно сильно повлияла на наши твердолобые характеры, закалённые многовековыми тайнами и ложью, научив слушать и слышать. В принципе, все мы уже знали друг друга настолько хорошо, что любые вопросы и вовсе теряли смысл. Одного взгляда хватало, чтобы понять суть дела и сориентироваться в происходящем.

– Хорошо, пусть проходит... – Я не до конца понимала, чем вызвано недовольство на этом личике, но отчётливо зна-

ла, что будет жарко.

Ничего не происходит с нами просто так или по случайности, а значит, внесённые изменения в книгу судеб были вызваны очередным вскрытием загноившегося нарыва, с которым предстоит разобраться в скором будущем.

– Это не тот журналист, о котором мы договаривались, – сквозь зубы прошипела она, проходя в комнату и не дожидаясь нашего гостя даже ради приличия и норм этикета. – Сина будет, скорее всего, в ярости от замены.

– Не тот, которого я выбрала? – хм, надо признать, меня удивил факт спонтанности. Подобного с нами не происходило очень давно, ведь Лиса упёрто просчитывала любую ситуацию если не на десять шагов наперёд, то на парочку однозначно. – И даже не тот, с которым ты вела переговоры? – Я знала, что она подготовила запасной вариант интервьюера, так как мой выбор не вызвал у неё доверия изначально.

– Да. Пришло нечто иного формата, – Лиса скривилась и указала на медленно входящую в комнату девушку азиатского происхождения. Это вызвало растерянность, ведь я выбрала мужчину сорока лет, занимающегося биографиями и исследованиями паранормального со стажем работы более пятнадцати лет. – Я боюсь, возникнут проблемы с менталитетом.

Мелочь опасалась, что это могло быть провокацией, ведь азиатская пресса относилась ко мне предвзято ввиду ряда причин, и, даже несмотря на то, что у нас были миллионные

контракты практически с каждой страной данного, так сказать, округа, меня не радовал факт интервьюера оттуда.

– Не возникнут, – брюнетка смело встряла в диалог и практически взмолившись посмотрела на меня. – Не возникнет никаких проблем, клянусь. Мой парень заболел и...

– Попросил вас выполнить его работу, – я прервала её сразу же, ведь вспомнила десяток сценариев подобного содержания. – Проблема немного в другом... Я выбирала максимально дерзкого и наглого журналиста, способного задать любой вопрос и обнародовать любую правду. При всём уважении, но ваша медлительность и неуверенность заметна с первых секунд. – Мне не очень-то хотелось её оскорблять, но подобного рода самоуправство я терпеть не могла. – Едва ли...

– Я смогу! – в одно мгновение её взгляд стал дерзким, и, к моему удивлению, она смотрела прямо в мои глаза без какой-либо примеси испуга и сомнения. Без стеснения и страха. Это увлекало. – Меня зовут Синьхуа. Раз цель этого интервью – создание биографии, начнём с главного факта вашей жизни... – она открыто бросила мне вызов. – Как вы получили и влюбили в себя мировую знаменитость, оставившего ради вас свою группу и карьеру в прошлом? – вопрос, к которому я не могла быть готова с первых секунд встречи... Но именно эта дерзость и смогла меня заинтересовать.

Ещё не сев за стол, она заставила меня забыть про убеждения, что были вбиты в мою голову относительно воспитан-

ности этих национальностей, и стереть из памяти все те многочисленные малоприятные беседы с журналистами, жаждущими моей крови и сенсации.

– Так, дамочка! – Лиса уже была готова выпроводить её прочь. Я видела, как вздымаются её рыжие волосы, уничтожая очередную попытку укладки. Этой девчонке никогда не удавалось продержаться аккуратную причёску дольше двух часов, что стало неотъемлемой частью образа. – Брюнетика не трогать!

Удивление стало синонимом этого вечера, ведь Мелочь никогда не заступалась за моего супруга и, уж точно, не выгораживала его, отстаивая честь. Для неё было свойственное скорчить ему насмешливую рожицу или, пока он отвернулся, насыпать в еду тройную порцию перца. Да что угодно! Кроме дружелюбного приветствия и поддержки. Я бы даже не удивилась, если бы малая ему покрасила волосы, пока тот спит.

Пусть Синьхуа и выделила главный фактор моей биографии, в таком контексте я не могла поспорить, ведь моя жизнь действительно крутилась вокруг него и нашей многовековой склейки. А для смертного мира я была обычной выскочкой, добившейся успеха на везении, но сумевшей забрать у них айдола, ставшего их Богом. Пусть я и хотела возразить и сказать, что это не так... Не могла. Мы были едины и с момента нашей встречи отодвинули всё на второй план, развиваясь как совместно, так и каждый в своём направлении, но про-

шлые цели действительно потеряли значимость. Мы нашли множество новых направлений, которые общество не всегда принимало с готовностью.

– Оставь её, Лиса. Я отвечу на этот вопрос, а с вменяемостью последующих разберёмся по ходу. – Меня заинтересовала её сущность, которая сканировалась настолько легко, что даже скучно, но при этом было что-то мне непонятное до конца. – Синьхуа, что вы знаете обо мне?

– Вы за три года стали основателем многомиллионного бренда, известного по всему миру. У вас хорошая по качеству линейка одежды, парфюмерии и косметики. Никто не знает, из какой вы страны, и по вашей внешности можно определить лишь... – она запнулась, – многонациональное кровосмешение. Имя менялось трижды, то ли из-за влияния стран, где публиковалась ваша серия книг, то ли из-за отношений с мужчинами. – Сказав последние слова, она заметно смутилась и замолчала.

– То ли оттого, что возникала надобность его трансформировать, – я вздохнула, не пытаясь скрыть своего разочарования. – Моя жизнь складывалась этапами, и иногда, чтобы перечеркнуть прошлое, приходилось менять и собственную идентичность. – Радовало, что она додумалась включить диктофон. – Моё имя означает «вечность», и в этой вечности я и пребывала, пока не встретила...

– Брюнетика? – Синьхуа передразнила Лису, намешивающую моктейли, даже не заметив, что по-панибратски пере-

била меня.

Странно, но запах этой журналистки был знаком. Я улавливала нотки пачули и отдалённого дуновения лунного бриза, который всегда пропитывал представителей лунных семей. Только энергетика была совершенно сбитой и как будто бы зашифрованной. Её чёрные волосы, хоть и были аккуратно завязаны в хвост, постоянно оказывались на лице, словно пытаясь скрыть голубоватый отлив карих глаз.

– Его самого. С ним я впервые взяла имя, положенное женщине после замужества. Именно подобное принятие законов смертного мира и привело нас в это место, время и город. Именно эта смена имени стала предвестником всех слухов, статей и того хаоса, что возник в мире. Мы пошли против правил, чтобы получить возможность быть вместе, и от многого отказались, чтобы жить так, как того хотели, не думая о нашем статусе и том влиянии, что оказываем на социум.

– Ваше влияние на социум иногда выходит за рамки. Если честно, я никогда не встречала подобного явления. Вы просто вдруг возникли, став единым целым, и перестроили устои, которые были основой не одно десятилетие.

– Никто из нас не встречал. Просто в один из дней нам пришлось смириться с тем фактом, что любое наше слово и действие становится чем-то значимым для многомиллионного сообщества. Когда мы научились жить с этим, то пошли дальше и научили весь этот человеческий муравейник пони-

мать, что для нас двоих мы всегда будем на первом месте и не позволим никому вмешиваться в личную жизнь, а уж тем более диктовать какие-то там условия. Теперь наше влияние нацелено на улучшение мира и реставрацию того, что надломлено или же вовсе разрушено.

Ответ устроил Синьхуа, но она делала вид, что совершенно не заинтересована в сказанном. Её выдавало лишь голубое свечение в глазах, которое появлялось в момент удовлетворения происходящим.

– Я жду ответа на первый вопрос. – Мне понравилась её интонация. Неприятно признавать, но эта журналистка начинала мне немного нравиться.

– У меня не было цели влюбить его в себя, как не было и цели познакомиться с ним в качестве кумира. Он никогда не был моим айдолом, но всегда восхищал. Многие считают знаменитостей кем-то не из мира смертных, отчасти это является правдой, но не в тех масштабах, что были затронуты нами. Мы всегда были равными друг другу если не по статусу мира людей, то по уровню развития душ. – Получив долгожданный моктейль от Лисы, я удивилась её молчаливости. Мелкая просто совершала какие-то действия, как будто бы пытаясь этой видимостью скрыть внутренне волнение. – Так получилось, что мы изначально были предначертаны друг для друга, а, соответственно, у нас не было ни одного шанса не встретиться.

– Романтично, но пафосно... – журналистка держалась

довольно высокомерно, и это начинало вызывать уважение. В моём присутствии большинство людей терялось и путалось в произносимых речах, превращаясь в легкоуправляемых кукол. Но не она. Её взгляд был уверенным и даже дерзким. Она, возможно, даже была приближена ко мне по Первородной силе духа.

– А вы решили говорить со мной лишь об отношениях, которые и так ни перед кем не скрываются вот уже как год. Глупо. И не имеет смысла.

– Ваша любовь вспыхнула вопреки всем законам и правилами. Вы сами это выше подтвердили. За считанные недели ваши отношения заполонили все таблоиды. Скорость, с которой всё развивалось... – Синьхуа пыталась найти подходящие слова и делала это столь явно, что я начала улыбаться. – Но вы нигде не говорили о своём знакомстве. Учитывая, что вы с разных частей нашей планеты... Это куда интереснее того, что сейчас происходит в ваших уже семейных взаимоотношениях.

– Остановимся на этом, – я усмехнулась. Недооценила я желание смертных копаться в чужом белье. – В нашем с ним понимании времени нет тех стереотипов, что присутствуют у большинства людей, а оттого и скорость, с которой мы живём, отличается от общепринятой в социуме. На многое у нас часто не хватает времени, и это, как правило, самые обычные вещи для всех вас, а что-то присутствует в расписании на постоянной основе и это то самое, чего не хватает

обычным людям для достижения поставленных целей. Мы не торопились жить. Мы просто всегда жили и продолжаем жить вне каких-либо временных ограничений. Так что закончим тему скоростного развития наших отношений. Мы и так достаточно открыты публике и стараемся не скрывать каких-то важных моментов.

– Вы уже приняли решение в какой стране, городе обоснетесь и, так сказать, создадите уютное семейное гнёздышко?

– На данный момент это недоступная роскошь, – я вспомнила стены нашей виллы, и улыбка непроизвольно появилась на лице. – Дом там, где нам удаётся оказаться вместе. Расписание настолько плотное, что даже обстановка в нашем самолёте и автобусе уже напоминает домашний интерьер. Так что... – усмехнулась, от понимания, что хочу получить на завтрак запечённый сэндвич, приготовленный им на только отремонтированной кухне. – Мы несём наш дом в сердцах, и он путешествует вместе с нами по всему миру и Вселенной в целом.

– А если бы это стало доступным?

– Совершенно точно это был бы потрясающе красивый остров вдали от любопытных глаз.

... Или планета, или специально созданный для нас мир. Так много вариантов, но лишь один из них идеален – Верховная луна.

– Бремя популярности настолько тяготит вас? – её вопросы были интуитивны, и это забавляло. Я не могла просчитать

наперёд, что же выйдет из нашего диалога.

– Нет. Это был мой осознанный выбор, и я точно знала, куда и на что шла. Глупо было бы жаловаться на все сопутствующие успеху ограничения и обстоятельства. Каждый, кто заходит на тернистый путь популярности, отчётливо понимает, какие лишения ему предстоят.

– Ваш успех, скорее, феномен, Анадж, чем правило. Я никогда не видела столь мощного и стремительного взлёта. Даже в отношениях со знаменитостями партнёры не достигали таких высот.

– Хм... – я услышала смешок Лисы на заднем фоне, но не придавала этому значения. Вот-вот Важная мелочь взорвётся, и тогда всем достанется по полной.

– Просто я была рождена для этого, и вся моя жизнь оказалась подготовкой к тому, что я переживаю сейчас. У некоторых просто нет иного выбора, и они приходят в этот мир для того, чтобы изменить всё вокруг себя. Просто у всего свои тайминги и временные интервалы, которые необходимо терпеливо выждать, чтобы обрести долгожданное место в этом мире.

– ...И мир в целом, – Лиса неожиданно прошипела сквозь зубы эти слова с таким нетерпением, словно злилась на нарочно заниженную значимость сказанного мной.

– Простите? – естественно, Синьхуа не могла оставить это незамеченным. – Что вы имеете в виду, Лиса?

– А то, что Анадж в прямом смысле занимается перепро-

граммированием сознания, а её творчество помогает видеть мир иначе и стремиться к мечтам! Она делает так много для людей, но всех волнуют лишь её отношения... – Лиса огорчённо посмотрела на меня, – ... с брюнетиком. – Мелочь резко подскочила и поставила перед нами на журнальный столик бутылку шампанского и бокалы. – Почему вас не волнует то, сколько прекрасного они оба делают для людей в целом и что несут своим творчеством? Неужели куда важнее натянутые журналистами ярлыки и истории а-ля золушка? Анадж – ни черта не золушка, и она, совершенно точно, была рождена на одной ступени с тем, кому вы так привыкли поклоняться. По этой причине вы не желаете принимать его выбор в виде девушки, пришедшей, как, опять-таки, кажется вам, из ниоткуда.

– Я ничего такого... – Синьхуа смущённо опустила взгляд, – не имела в виду. Вы же понимаете, что...

– Мы всё понимаем, – Лиса говорила достаточно резко, и это выбило журналистку из темпа, – а вот вы, заявившись на интервью, задаёте неуместные вопросы, дамочка. – Наполнив три бокала, Лиса откинулась в кресле, скрестив руки на груди. – Без алкоголя, как выяснилось, ничего не выйдет. – Мелочь взглядом указала нам на бокалы, намекая на необходимость снять напряжение. – А теперь предлагаю, наконец, начать настоящее интервью с теми вопросами, что подготовил ваш бойфренд, на чью замену вы имели наглость явиться.

– Простите, – Синьхуа суетливо начала рыться в сумочке и, достав помятый лист, кажется, с облегчением вздохнула. – Ваш путь начинался с эзотерического телешоу и привёл к невероятному творческому успеху в качестве писателя и автора песен в достаточно своеобразной тематике. В чём секрет этого взлёта? – Вот тут я уже узнала стиль Лисы в её дрессировке прессы и отшлифованных вопросах. Уверена, что она дня два доставала дядьку, так и не дошедшего до нас, тематикой и направленностью вопросов, которые он имеет право задавать, а ещё дольше давала ему наставления о запрещённых темах.

– В банальном трудолюбии, уверенности в собственных силах и магической составляющей нашей Вселенной, – неожиданно изменённый градус общения и направления диалога заставили меня улыбнуться. Я не была против говорить о моём муже, ведь он был достоин того, чтобы его имя звучало повсюду, но целью интервью было – приоткрыть завесу тайны вселенной Димисар и начать погружение мира смертных в многослойную истину.

– Магической?

– Синьхуа, вы замечали, что успеха добиваются избранные, среди которых есть те, кто, безусловно, талантлив и находится как будто за пределами человеческих возможностей? И есть те, кто расположился на той же вершине, но не обладает даже минимумом навыков, а о каких-то талантах, кроме, разве что, завышенного пафоса, говорить и вовсе не

приходится.

– Никогда не задумывалась, но... – она вспоминала приемы, – таких звёзд полно по всему миру.

– Именно. Это и есть та самая магическая сторона, о которой я упомянула ранее.

– Контракты с дьяволом? – она непонимающе скривилась, а Лиса залпом опустошила бокал.

Мне казалось, что Мелочь сейчас начнёт шипеть и возмущаться, но она сдерживалась.

– Всё немного сложнее, а тому, кого вы называете дьяволом, нет дела до человеческого мира. – Теперь и мне захотелось шампанского. Взяв бокал, я непроизвольно облизнула губы, неожиданно осознав, как давно не питалась необходимыми мне энергиями. – Контрактами на исполнение желаний и продажей душ занимаются обычные демоны, даже не высшие. Именно благодаря таким сделкам высокомерные бесталанные выскочки и добиваются признания.

– А как тогда истинные таланты пробиваются на вершину, если там много так называемых контрактников?

– Талант присущ бессмертной душе, что переродилась в теле человека, и именно эта душа возносит физическую оболочку на Олимп.

– О какой душе идёт речь?

– О той, что проявляется с самого рождения и своими талантами выделяет носителя среди остальных, – улыбнувшись, я намеренно сверкнула глазами, ведь знала, что синие

искры придают мне некий шарм, но человеку я показала их впервые.

Что ж, игра началась... Теперь у смертных нет шанса остаться в неведении, а все мы, наконец, выйдем из тени. Теперь люди будут понимать, с какими силами контактируют и кому поклоняются.

Именно сегодня я открыла дверь каждому, кто желает познать правду и не оставила ни единого шанса скрыться от неё тем, кто стремится пребывать в неведении.

С этого момента мир никогда более не будет прежним.

ГЛАВА 1. НАЙДИ МЕНЯ

*В этой комнате время течёт по-другому
И замирает, когда покидают её.*

*В этом доме и жизнь вся идёт по-иному,
Но не заменишь сей быт ни на что.*

Существует теория, что у каждой души, зародившейся в этой Вселенной, есть душа-близнец, и именно с ней они на протяжении всех своих рождений и трансформаций проходят череду испытаний, сливающихся в мучительный путь одиночества, который в итоге и является их проводником в объятия друг друга. Эта теория была рассказана многими Бессмертными и передаётся из уст в уста каждым почтенным Долголетом. Путь одиночества превратился в оправдание неспособности обрести партнёра, став своеобразным статусом фарса.

Даже в современных реалиях мира, где мистика лишь модный тренд, смертные продолжают верить в так называемое «близнецовое пламя», посланное свыше. Да, допускаю, что люди запутались в том, что считают истиной и что вообще подвластно их пониманию, но прописывать нечто сверхъестественное на страницах истории мира, где нет ни капельки магии – смешно.

Смешно для таких, как мы. Смешно для такой, как я.

В умах смертных вера и безверие слились в единое целое, сводящее с ума каждого из них. Молиться незримым Богам или быть закоренелым атеистом, призывающим Богов находясь на грани смерти. В этом всё и заключено скудоумие нынешнего менталитета – сюрреализм желаний, контрастирующий с обыденностью. Непринятие того, что и без того заложено в ДНК, но так манящее к себе рациональный ум неверующих, стремящихся прикрыться понятием о науке.

1-1 Я ВПЛЕТАЮ ТЕБЯ В ДУШУ

POV: АНАДЖ

*Я ворвусь в твои сны, словно буря,
Разрушая все стены, что ты возводил.
Через сны, на бумаге твою нежность рисуя,
Воссоздам мир волшебный, что в тени ты сокрыл.*

Дата:

23 сентября 2023 года

– период смертного исчисления

Местоположение:

мир Праносталь, город Мэджик-Стил,

дом Анадж Ли Рэйвен Филс

Мы требуем нормальности в моментах невероятного безумства и хаоса, опасаясь полной утраты контроля над обстоятельствами. Мы ищем необычности в повседневных заботах, пытаюсь придать значимость чрезмерно заурядным бытовым вещам. Именно такие несуразности и делают нас людьми, проживающими свои жизни в поиске комфорта. Не знаю, мне кажется это чем-то, совершенно утратившим изначальную смысловую нагрузку, ведь смирение и принятие окружающей действительности и есть то небольшое, что дано

человеческому виду.

Как правило, любая попытка что-либо изменить приводит к ещё большему бардаку, а потому иной раз проще заморозить все свои амбиции и плыть по течению. Не каждый способен справиться с последствиями нежелания жить по общепринятым правилам социума. Я могу допустить, что и сама преследовала подобные цели. Когда-то меня действительно интересовало происходящее вокруг и какое место конкретно я занимаю в иерархии общества. Но не сейчас. В жизни нет ничего такого, что стоило бы столь детального внимания и заикленности.

Даже осматривая интерьер уютной комнаты, создаваемой неспешно на протяжении чуть ли не двух лет, я испытывала лёгкую грусть. Мне стало безразлично всё вокруг. Уйдя в работу и добровольно занявшись реставрацией чужих судеб, я утратила контроль над собственной жизнью, даже в таких простых мелочах, как расположение объектов. Моим домом занималась Алисия, а я, хоть и являлась хозяйкой, чувствовала себя гостем.

– Кто ж дал тебе такое право... – усмехнувшись, я заметила на круглой мраморной столешнице аккуратно уложенное среди сухоцветов письмо.

Я привыкла, что моя своенравная помощница позволяла себе иногда чрезмерное нарушение границ, но сегодня подобное проявление «заботы» как никогда вывело из себя. Тяжело вздохнув, я неохотно прикоснулась к твёрдой бумаге,

пропитанной ядрёным парфюмом моей матери. Никогда не любила этот запах, а ещё меньше понимала, как можно наносить нечто подобное на своё тело.

Фу. Брезгливо поморщившись, я замерла лишь на мгновение, окончательно осознав, что не хочу портить и без того не лучшее настроение. Зная, что я не отвечу на её звонки, эта женщина пошла на опережение, заранее оставив Алисии письмо, содержание которого я не желала знать. Хотя, она и была моей матерью, я никогда не чувствовала положенной при данном родстве связи. Мы не понимали друг друга и не могли находиться рядом дольше пяти минут.

Резкий шум случайно включившегося телевизора напугал и вздрогнув, я попыталась найти пульт, но он как будто бы в воздухе растворился.

«Двадцать второго сентября две тысячи двадцать третьего года серия из четырёх торнадо обрушилась на Италию, стихия принесла с собой большие разрушения. Двадцать второго сентября в провинции Милан образовавшийся торнадо срывал кровли домов, переворачивал автомобили, с корнем вырывал деревья.»

В коммуне Прегнана Миланезе эвакуировали школу. Торнадо прошёлся и по Боргорикко, провинция Падуя и, дойдя до пика своей активности двадцать третьего сентября, привёл к множеству жертв. Количество пострадавших уточняется.»

Переключение канала и очередная неприятная новость

гласила:

«Двадцать третьего сентября зафиксирован смерч в штате Южная Дакота (США), а в городе Баже (Бразилия, Риу-Гранди-ду-Сул) прошёл настоящий градовой шторм, где осколки льда достигали десяти сантиметров».

– И без тебя знаю! – эта энергия часто хозяйничала в стенах моего жилища, но иногда это переходило нормы допустимого.

Повезло же мне оказаться окружённой столь навязчивым обществом, как в физическом мире – в лице Алисии, так и в духовной проекции этой реальности. Даже забавно, что я практически не реагировала на подобные выходки, а ведь когда-то пугалась и пыталась спрятаться от всего этого.

Но от себя и, так называемого дара, не убежишь.

Правда, являлись ли мои способности благословением или же проклятьем я так и не определилась.

Нащупав пульт под подушкой кресла, на котором и сидела, я рассмеялась:

– Нет, ну неужели нельзя спрятать получше. – бурча под нос фразы, на которые никто не способен ответить, ещё острее чувствовалось моё одиночество.

Раздражающие шумы умолкли и лишь расслабляющий, едва уловимый звук треска поленьев в камине напоминал о том, насколько сильно я погрузилась в отшельнический образ жизни. Да, каждый мой день рождения превращался в набор катастроф и катаклизмов, новости о которых внача-

ле шокировали, а потом приобрели статус обыденности. За день до и день после планета погружалась в какой-то хаос и, казалось, разрушение отдавало мне честь, победоносно шествуя по городам и странам, принося жертвенные поклонения. Абсурдность этой мысли уже приобрела статус заурядной шутки, которую то и дело при любом удобном случае бросали вслед знакомые.

– Тоскааааа... – потягиваясь и пытаясь расслабить спину, я словно мурчала, довольно ощущая, как позвонки встают на место.

Взгляд зафиксировался на стенах, и я почему-то замерла. Едва отличающиеся между собой оттенки пастельных тонов поглотили убранство моего дома, и я уверена, что сделала этот дизайн неосознанно, желая хоть как-то приглушить внутреннюю агонию. Треск поленьев в камине успокаивал так же, как и отстранённые силуэты, изображённые на серо-охровых полотнах. Я как будто заточила себя в замке, выстроенном на руинах одиночества и отрешённости, пребывая в нём добровольно.

Неужели в этом мире может найтись хоть что-то, способное высвободить мою душу из эмоциональной спячки и заглушить внутреннее пламя безысходности? Это состояние настолько поглотило меня, сжигая изнутри, что в какой-то из дней я захотела попробовать стать «как все». Тогда и появились эти оттенки интерьера. Мне вдруг показалось, что такое смирение сможет подарить подобие перерыва и освободить

от боли, пусть и ненадолго. Но в итоге я возненавидела небо и запах того мира, в котором была вынуждена существовать среди общества, не имеющего ко мне настоящей никакого отношения. И плевать, что поведение, подобное моему, принято считать ребячеством.

Мы ещё долго будем примерять на себя роли тех детей, что безвозвратно потерялись в реалиях взрослой жизни. Какими бы самодостаточными нам ни хотелось казаться перед самими собой – мы навсегда останемся ранеными детьми, готовыми расплакаться сразу же, как только им не дали желаемое или же, упаси бог, забрали любимую игрушку.

Сценарии всё те же. Вот только ценности игрушек давно изменились. Теперь мы всё чаще путали кого-то живого с неодушевлённым, кого-то незначимого делали центром своей вселенной, а того, кто по-настоящему был способен принести в жизнь что-то ценное и заставить душу встрепенуться, мы обижали и безжалостно растаптывали.

Ведь так было проще. Ведь это закономерность нашего несовершенного мира, не так ли? Кто-то когда-то разрушил в песочнице наш куличик, растоптав вместе с хрупкой конструкцией и наше чувство гордости за создание чего-то, а теперь и мы безжалостно уничтожали и ранили чувства тех, кто открыл нам своё сердце. Так мы доказываем себе, что в том обиженном ребёнке, всё ещё живущем где-то там, внутри, есть чувство гордости и самосохранения, забывая при этом лишь одну маленькую деталь – мы мстим не нашим

обидчикам.

Нет. Мы разрушаем невинность совершенно непричастных людей. Мы уничтожаем чувства тех, кто мог бы нас окутать своим теплом и сделать лучше, чем мы есть на самом деле. В глазах этих людей мы были кем-то, кто достоин любви. Были... До момента, когда сами же и не разрушили возможность стать счастливыми.

Думаю, я не была готова повзрослеть в полной мере, ведь иначе мне пришлось бы принять всю пережитую боль, а не пытаться обвинить в первопричинах её происхождения разочаровавшее меня окружение. Та концентрация этого чувства, что растворена в моих венах, способна убить.

Мне действительно страшно посмотреть в лицо всему, что я закрыла за сотнями замков, ведь я не уверена, что в ком-то вообще может быть достаточно силы принять такую дозировку боли, что струится в недрах меня.

*Моя душа не в состоянии смириться
с данной в этом рождении жизнью.*

*Я чётко понимаю свою принадлежность
к совершенно иному миру...*

*Миру, который ощущаю капиллярами
и к которому стремлюсь, поддавшись инстинктам,
вопреки здравому смыслу.*

Появление мурашек на теле в очередной раз стало пред-

вестником чьего-то незримого присутствия в комнате. Что ж, в последнее время ко мне зачастило сразу три гостя, и энергия каждого нащупывалась по-особенному. Этого товарища я любила чуть больше остальных, ведь он хотя бы не вызывал приступа головной боли.

– Опять ты... – устало выдохнув застоявшийся давящий воздух и, сжав переносицу, в этот раз я не испытала облегчения.

Чувство чьего-то присутствия заставляло меня постоянно защищаться, но это происходило скорее автоматически, чем интуитивно, ведь от этого навязчивого гостя не исходило ни капли агрессии. Он просто проникал в мой дом и, изучая его пространство и наполнение в мельчайших деталях, заполнял своей холодной пустотой всё, к чему прикасался.

Мне же оставалось раз за разом принимать ни на что не влияющее решение, которое даже в сознании звучало абсурдно. Стоило мне лишь задуматься о необходимости выставить защитные барьеры, как интерес одерживал верх, и я в очередной раз своим молчаливым согласием принимала его в жилище.

– Опять я. А ты, значит, думала, что сможешь остаться одна в такой важный день? Это неправильно даже для такой отшельницы, как ты.

– Я устала, – начинало казаться, что вся моя жизнь превращалась в пугающую заикленность. Я чувствовала себя обесточенной. Если бы не такое отвратительное состояние, я

бы и не обратила на этого налётчика и всё происходящее никакого внимания. Обыденность, с которой приходилось соприкасаться каждому парапсихологу и эзотерику – не более того.

– Знаю, девочка. Я вообще удивляюсь, как ты всё ещё находишь в себе силы и ресурсы для существования на границе миров, являясь смертной. Это способно убить любого человека, но не тебя. Ты умудряешься выживать там, где нет ничего живого и где нет ничего, способного тебя подпитать, ведь все ресурсы сокрыты в нас – твоих подданных и близких.

– Иногда наша жизнь превращается в своеобразный квест, проходя который, мы, увы, не обретаем тех самых необходимых апгрейдов. Мы просто живём по наитию. Мы просто живём потому, что нам необходимо жить, даже не понимая при этом, для кого и чего. По сути, мы проходим хреново прописанный игровой уровень, после которого не может быть стоящего финала. Предсказуемые до тошноты персонажи, среди которых едва можно встретить достойного... Ни друга... Ни соперника... Скука и однообразие, – увидь кто-то из живых меня, говорящую с самой собой и пьющую бокал за бокалом, точно вызвали бы бригаду скорой помощи. – Интересно, а у тебя так же?

– Я тоже прошёл через многое и так же, как и ты, часто не видел смысла в жизни и во всём происходящем, но мне повезло чуть больше, ведь рядом всегда есть ещё шестеро...

Прости, что ты осталась совершенно одна. Прости. Мне так жаль, что ты проходишь через все эти ужасы в полном одиночестве, лишённая нашей физической опоры и осязаемой поддержки.

Уже месяц я не могла найти себе покоя. Мне не удавалось выспаться и отличить мир иллюзий от настоящего, в котором необходимо жить. Я добровольно позволила себе заблудиться среди многообразия вариантностей безысходности, чтобы иметь возможность видеть оправдание собственных неудач в заурядной лени и нехватке времени, ведь именно так принято человеку обозначать застаивание собственного несовершенства среди иных несоответствий навязанных окружающими идеалов. Возможно, и все эти «гости» стали симптоматикой измотанности.

– Увы, в нашей обыденности нет понятий «хорошо» или «плохо». Мы поступаем в угоду собственным желаниям и создаём необходимую лишь для нас реальность. Мы не знаем, что есть «зло» и «добро», ведь в нашем понимании это единое понятие получения желаемого результата.

Мы эгоисты. Все мы – эгоисты.

У меня нет ничего, если нет тебя рядом. Мне ничего не нужно из того, что я имею, если ты не разделяешь все эти блага со мной. Всё завертелось слишком быстро, и я даже не успел тогда заметить, как ты стала для меня такой важной. Ты посмела ворваться в привычную реальность, заставив меня переосмыслить всё и перестроить планы на буду-

щее. Теперь и всегда всё было связано с тобой – и в этом заключён весь мой эгоизм.

Мне жаль, что ты так сильно запуталась, но ещё больше я сожалею о том, что ты не понимаешь того, кто я есть.

– Через три минуты мне исполнится тридцать три года, – какая, однако, забавная ирония вышла даже с моим рождением.

Три часа ночи тридцать три минуты – и я перейду в новую фазу, не имеющую никакой значимости для всего того многообразия лиц, которыми я имела глупость себя окружить. Это просто цифры, не несущие за собой ничего. Для меня же через эти тройки открывался портал, который каждый год приводил к повышению магических навыков. Никогда не любила нумерологию, но и отрицать эту тварину не могла. Так уж вышло, что моя жизнь плотно переплелась с ней с самого зачатия. Тут уж мамочка с папочкой смогли постараться...

– Подумать только, но родился я на одну минуту позже, то была бы лишена всех тех способностей и навыков, что делают меня изгоем в мире, где так не посчастливилось родиться. Одна минута – и я была бы совершенно другим человеком. Ха! Возможно, даже мужчиной, – интересно стала бы моя жизнь при таких изменениях проще?

Нет. У меня не депрессия, но так уж сложилось, что, кроме бокала белого полусухого и любимого пушистика, в эту

ночь я не желала никого. В моём окружении не было ни единой души, с кем я бы хотела провести это время. Вот такая воистину незначительная хрень – в тридцать три года рядом нет никого, способного разделить твоё «счастье».

– Ну, разве что ты.

– И я рад, что мне позволили находиться с тобой в этот день. Пусть ты и не видишь меня, пусть не можешь услышать моего голоса... Плевать! Я никогда не перестану искать способы докричаться до тебя, моя Луна. Даже мои песни долетят до твоих ушей. Это всё равно произойдёт. Этого не может не произойти. И тогда ты узнаешь, что не была никогда одинока, что мы искали тебя всю нашу жизнь, что стремились к тебе и делали всё возможное, чтобы выполнить условия этого перерождения.

Глоток.Второй.

Треск восковых свечей, решивших вдруг возмутиться.

Я не из тех, кто любил притворство, но именно сейчас, конкретно в данную минуту и в этой ситуации, я была бы рада прикинуться душой и провести ночь в компании лизоблюдов. Не думаю, что это помогло бы, но хотя бы создало фоновую картину небезразличия. Хотя, нет. Это ложь. И в толпе я спокойно забила бы на всё и всех, уйдя в глубины сознания – тут мне комфортнее. И пусть телефон разрывался бы, ничего не имело смысла.

– Не смогла бы. Ты никогда не могла находиться в обществе тех, кто врал тебе и чего-то не договаривал. «Луч-

ше самое глубокое отравляющее одиночество, чем вымеренная линейка лжи, дарящая минутное спокойствие, укутанное удушающим притворством» – именно так ты всегда говорила, без сожалений расчищая круг знакомых и придворных. Истина, пусть и болезненная – единственное, что ты признавала.

Глоток. Ещё.

Сбиваюсь со счёта.

Это не имеет никакого смысла. Не знаю, как вообще предугадать те или иные события, но в одном я точно не сомневалась – у меня это получалось лучше, чем у кого бы то ни было. Я достигала всего и всегда. С трудом и перебитыми конечностями, но приходила к желаемому результату.

– У тебя это всегда получалось лучше всех, моя Луна. Твоя интуиция и стала прародителем многих даров. Именно ты всегда с лёгкостью считывала информацию даже с тех, кто назывался нашими родителями. Тебя боялись самые сильные из нас и восхищались самые достойные. Ты – единственная в своём роде, и даже не смей сомневаться в собственных достоинствах.

– Тебе грех жаловаться, девочка. По сути, ты имеешь всё, чего желала. Кроме одного, – мне противно от осознания того факта, что лишь одного в жизни мне всегда и не хватало...

– Мне нужен Он!

– И мне нужна ты! Я всегда был, есть и буду рядом с тобой, моя Луна. Знала бы ты, как сильно я хочу сократить

расстояние между нами и разделить это мгновение с тобой. Знала бы ты, как желаю разрушить все барьеры, что выстроены Высшими на нашем пути друг к другу. Но я всегда рядом. С момента моего пробуждения я стремился к тебе на уровне энергий, но лишь сейчас, впервые за десять лет, вижу тебя такой, какой ты пришла в это рождение. Лишь сейчас, в момент твоего восхождения на новый уровень силы я смог пробиться к тебе вопреки множественным препятствиям и, что самое главное, ты тоже можешь ощущать меня рядом с собой так открыто и ярко.

– Мне необходима родственная душа, но именно это и есть то единственное, чего я не имею на данный момент и никогда не обретала в этой жизни ранее. Я отчётливо ощущаю, что в моих прошлых рождениях я никогда не была одна. Меня любили, и я любила. Эта любовь была такой сильной, что уничтожала всё и всех, кто осмеливался встать на пути. Так почему в этой жизни я обречена на одиночество?

– Я готов отдать всё, чем обладаю в этой жизни, чтобы показать тебе всю ту значимость, что ты имеешь для нас. Мне так хочется обнять и уже никогда не отпускать тебя из рук, согревая и обозначая своё присутствие в твоей жизни. Не сдавайся, моя Луна. Умоляю, не сдавайся ради всех тех, кто так сильно любит тебя и ожидает возрождения, кто ищет лазейки и варианты для воссоединения Верховной луны. Пожалуйста, потерпи ещё чуть-чуть.

Глоток. Ещё.

– Имею право, – словно оправдываясь за выпитое количество алкоголя, я рассмеялась. – А что, ведь именно это одиночество и явилось основоположником моей незримой дружбы с твоей энергией, появляющейся из теней углов комнаты. Это уже стало настолько нормальным, что иногда я и вовсе не замечала твоего присутствия.

Это могло длиться часами, и я была рада, что сейчас способна ощущать его рядом, чувствуя подобие заботы и поддержки. Он как будто бы приходил именно для того, чтобы разделить со мной боль восхождения, и я была чертовски благодарна, что хотя бы эта незримая душа находилась рядом в этот значимый для моей души момент.

На мгновение стало тошно от того, что я пила одна, но меня тут же отпустило. Это давно стало привычным явлением, а портить себе и без того не лучшее настроение никому не нужными самобичеваниями я не намерена. Свечи трещали так сильно, что это уже напоминало мелодию. Раз рядом не было никого физического, никто не имел права осуждать. У меня всегда был талант собственноручно разрушать свою жизнь, и, я думаю, именно из-за этого не было смысла ни о чём заморачиваться. Надо просто научиться отпускать нежелаемое.

Глоток. Ещё один.

Хватит!

Я старалась отпустить все мысли. Одна минута. Сердце билось настолько сильно, что едва удавалось сдерживать

эмоции. Крик. Грудную клетку сдавило и получалось думать лишь о том, что я больше никогда не смогу дышать. Не в силах контролировать своё тело, я бессильно упала на пол, едва успев выставить вперёд руку и избежать удара головой. Боль поглотила, парализовав организм целиком. Мне хотелось проникнуть руками внутрь грудины, разорвав кожу и, раздвинув рёбра, вынуть сердце. Настолько болел орган, созданный для циркуляции крови по венам, и настолько он сейчас казался лишним.

Врата открывались, и в этот раз переход начинался куда болезненней, чем все предыдущие, взятые за единое действие. Мне не удавалось вспомнить, когда до этого так сильно сдавливало энергиями, мучая физическое тело.

Я не могла вспомнить ни одного раза, когда я думала, что умру.

1–2 МЕЖДУСТРОЧИЕ: ПОЖАЛУЙСТА, УСЛЫШЬ МОЙ ЗОВ

POV: КЁННЕСЕПАН

Так уж вышло, что ты – моё пламя,

Моя сила сокрыта в тебе.

Я восстал среди праха и стали

И нашёл лучик света во тьме.

Не для мести пришёл в этот мир я,

А для поиска правды среди лжи.

Крылья огненные с болью расправлю,

Возносясь прочь от тленной Земли.

Дата:

23 сентября 2023 года

– период смертного исчисления

Местоположение:

мир Праносталь, город Мэджик-Стил,

дом Анадж Ли Рэйвен Филс

Являясь незримым духом, способным лишь в качестве энергии оберегать её, мне пришлось научиться не думать о

себе. Я помогал ей просыпаться каждое утро, находясь за тысячами километров, и учил заново дышать. Мне нравилось заботиться о душе моей Луны, но это растрчивало все силы, что приводило к конфликтам в группе и постоянной усталости.

Она напоминала разбитую вазу, которую безжалостно разломали на сотни осколков. Сложно представить, как ей вообще удалось выжить в этом воплощении и не сдаться, учитывая всё то, что с ней приключилось. Анадж было тяжело открывать глаза, и каждое утро, поднимая веки, она заставляла себя вдыхать воздух и смотреть на мир, который не был готов её принимать.

С того момента, как мне открылся её истинный дух, я стал проводником этой хрупкой девушки в жестокий мир, желающий уничтожить заложенную в неё силу. Вместе с ней и мне приходилось учиться заново отстаивать границы, осознавая никчёмность и незначимость себя, как единицы этой огромной серой массы смертного мира Праносталь.

Анадж единственная дала мне понимание собственной несостоятельности. Я был уверен, что уже достиг многого, но все эти достижения находились в рамках общественного мнения, когда в границах собственного мира я уже давно топтался на месте. Менялись бутафорские декорации, но не антураж жизни в целом.

В свете новых событий и полученных знаний даже страшно думать, как долго я не понимал своих истинных желаний,

а лишь поддавался провокациям общественного мнения. Я был тем, кем меня хотели видеть другие, но я даже не имел ни малейшего представления, каким хотел быть для себя.

Сейчас я застыл в ожидании. Запах горящих свечей и треск поленьев в камине действовали расслабляюще, но я не имел на это права. Мне нельзя было терять концентрацию. До момента её восхождения на новый уровень оставалось несколько минут, и дрожь по всему телу в очередной раз напоминала мне о том, насколько отчётливо я чувствовал каждую её эмоцию.

Сейчас Анадж нужна была поддержка, но я не имел права навестить мою Луну на физическом уровне даже тайком. Я был готов превратиться в её тень, чтобы оставаться неузнанным до необходимого времени, но и тут имелась масса ограничений.

Это был уже десятый день рождения, который я, в той или иной форме, посещал, сопровождая её на очередное восхождение силы. Каждый раз это давалось мне легко, ведь я знал, куда это приведёт и чем обернётся лично для меня. Но сейчас я не мог перестать нервничать, ведь понимал, что, благословляя эту ступень её развития, я отдавал мою Луну в руки другого мужчины.

Это выводило из себя, и теперь она чувствовала мои эмоции так же чётко, как и я – её. Теперь мы были настолько близки в своём энергетическом развитии, что ощущения друг друга переходили на уровень физики. Этого я ждал так

же сильно, как и боялся.

Двадцать один день назад я и сам вошёл в новый этап, ведь мои двадцать три года стали мощным всплеском энергий, понёсшим за собой череду неприятных последствий. Я испытал невероятный прилив потока силы, но одновременно с этим получил полное истощение физической оболочки. Мне пришлось признать собственную слабость и позволить себе отпуск. Её же сила уже давно вышла за пределы дозволенной физической оболочки человека, и я переживал, как Анадж справится с этим.

*Её глаза больше не были путеводителем
в моём настоящем – они стали единственным доступным
освещением моего будущего...*

*Будущего, что наступало с каждой новой секундой.
Будущего, что, растворяясь в настоящем,
не позволяло даже толике прошлого напоминать о себе.*

Сегодня она была взволнованнее своего обычного состояния и выглядела неотразимо в надуманной безысходности её вынужденного одиночества. Не знаю, только для меня ли она виделась такой, но этот день рождения сделал Анадж какой-то другой. Я прошёл через каждое её восхождение и уже как десять лет видел одну и ту же картину в этот день и время: она сидит в полном одиночестве, погружённая в свои воспоминания об утерянной, как ей кажется, безвозвратно,

любви к тому, о ком она не помнит ничего.

Каждый год в эти минуты она напоминала потерявшегося между мирами призрака, не имеющего ни малейшего представления о том, где его ждут.

Мне же оставалось стоять в стороне, наблюдая за её одиночеством, не имея возможности нарушить границы договора с Высшими. Я улыбался, как идиот, ненавидя самого себя за беспомощность, ведь в моих силах было изменить всё прямо сейчас. У меня было всё необходимое, чтобы спасти Анадж от этого удушающего одиночества, но я не имел права проявить слабость и разорвать тонкую нить самоконтроля.

Слишком многое было поставлено на кон.

Я устал наблюдать за ней и не иметь возможности сказать, что я рядом. Мне не хватало сил, чтобы продолжать оставаться в стенах её дома на астральном уровне. Было больно, ведь я понимал, что позволял ей идти своей дорогой, которая может отдалить нашу встречу; что отпускал её, вопреки собственному желанию; что принимал её выбор таким, какой он есть, со всей его разрушительной силой.

Сегодня она должна открыться и распрощаться с материей, и я знал, что это случится лишь через несколько минут. Именно тогда она взойдёт на новый этап своего потенциала. Как же я ненавидел переходы по ступеням наших энергетических уровней. Это перемещение не поддавалось никакому описанию, ведь пережить его могла лишь душа высшего уровня.

Внезапно мою грудную клетку сдавило, и от неожиданности я упал на колени.

Откуда взялась эта боль?

Почему я начал плакать?

Глядя на Анадж, корчащуюся от боли, я вдруг осознал, что мне посчастливилось разделить её боль. Неужели Высшие услышали мои молитвы и связали нас физически, позволив на этих уровнях развития стать единым целым и ощущать друг друга на любом расстоянии?

Сейчас Анадж ломало, а я начинал видеть рядом с ней два схожих силуэта. Я совершенно не мог понять, была ли в её защите брешь. Моя девочка выросла до такого уровня, что создала аналоги самой себя?

– Не аналоги! – возмущённый голос застал врасплох. От неожиданности услышать рядом с Анадж кого-то я отскочил в стену и... ощутил боль. Стоп! Как это вообще возможно? – Давно не виделась, первый принц. – Я не мог увидеть лица. Казалось, что они попросту не успели проявиться, ведь смогли выйти в этот мир лишь сейчас – из-за слабости Анадж.

– Откуда ты? – в отдалённых закоулках памяти стали всплывать голоса прошлого, практически стёртого из воспоминаний. – Кто ты?

– Для уровня развития твоей души, Кёнке, ты знатно подтупливаешь, – силуэт знакомой незнакомки устало запрокинул голову назад, и я увидел, как проявляются её белоснежные волосы. Сердце пискнуло от испуга и вдруг пришло осо-

знание ужасающей правды, которую я бы предпочёл так и оставить в тайнике воспоминаний и никогда не вскрывать данный гнойник.

– Каким шибанутым Сагном ты оказалась тут? – я бы про-должил пятиться назад, если бы мог. Стена плотно сдавила, и мне не удавалось раствориться в ней.

Чёрт! Я даже не мог телепортироваться в своё физическое тело!

Что за...?!

– Ты не сможешь никуда исчезнуть, даже не пытайся, первый принц, – едва уловимая в интонации усмешка напомнила образ этой сумасбродной девицы в мельчайших подробностях.

– Что ты тут забыла? Тебе мало было того дерьма, что ты натворила, сука помешанная? – вся агрессия, скопившаяся за тысячелетия, была готова выплеснуться наружу, но я не имел права сделать нечто подобное в доме Анадж. – Ты заложила фундамент нашего проклятья! Ты – бессмертная тварь!

– Немного больше уважения, принц Кённе. Я лишь поставила вас в ситуацию выбора, а вы его сделали, создав то самое проклятье, о котором ты так любишь причитать вот уже пять сотен тысячелетий смертного времяисчисления.

– Ты убила своего потомка! Это никогда не был выбор, ведь позволь мы ей умереть, все созданные ею семьи и миры не смогли бы себя взрастить, а энергии не хватило бы на построение мира. Это не выбор. Это ультиматум! Ты застави-

ла нас поступить именно так, ведь иначе тебе не удалось бы спрятать свои осколки столь эффектно.

– Нет, Кённе. Вы могли сохранить любовь и построить на этой базе целую Вселенную. Да, мир бы был совершенно другим, чем предполагалось, но смерть одного Высшего никогда не стала бы концом. Напротив, возможно, получилось бы что-то менее структурированное, и в хаосе смогло бы самостоятельно возникнуть что-то интересное и достойное внимания. Анаджамун же пошла по самому простому, но вместе с тем, запутанному сценарию, требующему постоянного контроля. Но я понимаю, почему она поступила именно так.

– То, как она выстроила Димисар – филигранная работа профессионала. Возможно, благодаря дотошности Новолуния, именно эта вселенная смогла выжить в то время, как все остальные были уничтожены Хаосом.

– Не спорю. Вот только ведь все вы уже давно плачете кровавыми слезами, не так ли?

– Так, – сразу вспомнилось, как я впервые испытал ужас, увидев на щеках кровавые потёки. Это было очень страшно, но основной кошмар случился, когда мы осознали, что все внуки Вселенной теперь обрели данную особенность.

– Мы плачем кровавыми слезами в тот момент, когда теряем бессмертие в привычном понимании этого определения. А потому ваше проклятие не такое уж и страшное, каким вы его рисуете, ведь не уйдете вы в сансару, давно уже могли застрять в Пустоте.

– Ты хочешь сказать, это плата за создание Димисар?

– У всего свой прайс за создание чего-то, и иногда он чрезмерно завышен, – она усмехнулась, – и нам приходится отказываться от многих дорогих нашему сердцу вещей.

– Или созданных детей.

– Или наших детей, – я очень хотел поверить её словам, но не мог.

– Не оправдывай свою гнилую душу, желающую просто отомстить брату, – ярость к ней мне никогда не удавалось контролировать.

– Мои взаимоотношения с братом ничем не отличаются от твоих. Мы все соревнуемся за любовь несуществующих отца и матери, которые, сотворив нас, положили на всё большой и толстый, заставив детей барахтаться в куче дерьма, из которого необходимо сотворить величественную Вселенную, а то и несколько, – она сделала шаг ко мне, и я почувствовал, как тонкие пальцы сжали сердце. – Сердце смертного, – она разочарованно достала из меня руку и обернулась к Анадж. – Именно на вашей боли был выстроен Димисар, и уже не изменить того факта, что я с удовольствием наблюдала за всем этим, пребывая в своеобразной спячке. Это дитя по праву занимало место на троне, и я даже горжусь тем, что моя дочь превзошла меня.

– Ты поступила с ней так же, как твоя мать с тобой. Калия, ты предала свою дочь.

– Нет. Я позволила ей сделать то, что не удалось моей сест-

ре и братьям, – на некоторое время в этом холодном взгляде отобразилось что-то, напоминающее сожаление. – Я ушла, позволив моей дочери полюбить тебя.

– Какое благородство, однако, – я не мог принять мысль о том, что это было от материнской заботы. Внутри всё кипело, а физическая боль едва позволяла стоять на ногах. – Я повторю первостепенный вопрос, – мне удалось выровнять дыхание, – что ты делаешь рядом с Анадж?

– А ты ещё не понял? Я не просто рядом с ней, Пернатик. Она подходила ближе и, взяв за руку второй силуэт, прошла сквозь Анадж, растворяясь в ней. Она всё ещё моя, но в то же время уже совершенно иная. На руке резко появился порез, а линию жизни пересёк глубокий шрам. Я не сразу понял, что в момент прохождения ей пришлось испытать боль, и Анадж раздавила в руке бокал, а осколок проник в её ладонь.

Я попытался подойти к ней. Мне было невыносимо видеть, как кровь обагрила её кожу и каплями покрыла ковёр. Я, вроде, даже мог её коснуться. Протянув к ней руку, я осознал, что меня остановила защитная стена.

– Прошу, позволь мне помочь ей.

– Сейчас не её время, первый принц. Прости, но тебе придётся смириться с тем фактом, что мы внутри.

Дикая боль между лопатками, словно туда вонзили меч, разрезая позвоночник. Желание превратиться в камень, чтобы хоть как-то уменьшить эту пытку. Мне не сразу удалось

понять, насколько сильно возросла энергия Анадж и как это влияло на меня, наполняя и отравляя смертное тело.

Я помнил подобные энергии. Хорошо помнил, и это чертовски пугало меня. Мне не оставили выбора...

Снова нет вариантов, кроме одного очевидного – покинуть Анадж и оставить наедине со своим восхождением. С трудом, но я смог подойти к ней, а, взяв её на руки, сразу же ощутил знакомое тепло.

Моя Луна была живой, и это была её душа. Это – главное.

Стоило лишь положить Анадж на кровать, меня охватила тоска. Я мог видеть её и даже коснуться, но моя Луна всё ещё оставалась самой далёкой. Мы действительно, превратились в разные планеты, расположенные так далеко, что оставалось лишь наблюдать за сиянием друг друга. Такая хрупкая и беззащитная, но в то же время – такая могущественная.

Не хочу оставлять, но не имею права остаться.

Не хочу позволять ей испытывать боль,

но не вижу шансов излечить.

Нам обозначили новые правила игры.

Хорошо. Я принимаю их.

Снова.

Я привык играть по правилам, но это не означает, что я не предприму ничего для их нарушения.

1–3 Я ПРОПУСКАЮ ТЕБЯ ПО ВЕНАМ

POV: ОЛЬГУС

*Тебя слишком много в моём ореоле,
Да и в мыслях моих – концентрат.
Ты пришла в мою жизнь против воли,
Заклучив долгосрочный контракт.*

Дата:

23 сентября 2023 года

– период смертного исчисления

Местоположение:

мир Праносталь, город Мэджик-Холл,
квартира Ольгуса Торэ

Мы стремимся отыскать что-то нормальное в череде совершенно неподдающихся классификационной шкале этой самой нормальности событий мира, где нет никакого узаконенного определения данных симптоматик «нормального» проявления себя в обществе, где каждый, по своей сути, отходит от этой самой нормы.

Зачем-то мы так усердно пытаемся соответствовать

чьим-то понятиям правильности, что совершенно забываем о том, насколько круто быть единичным экземпляром в проявлении своей «ненормальности» и быть вне стандартизации того общества, где не принято никакое самовыражение.

Иногда становится трудно понимать собственные желания и хочется чего-то абстрактного, ведь конкретика перестает иметь значимость.

Этот месяц научил меня тому, что иногда приходится просто принимать жизнь и событийность такими, какими они предстают перед нами на данном конкретном этапе. Я устал сопротивляться. Я устал искать лучшие варианты в этих миллионных варианностях недоступного для меня будущего. Не спорю, что перестать видеть собственное будущее страшно, но незнание его составляющих позволило мне научиться расслабляться.

Я видел исход Битвы задолго до решения принять участие в этом шоу. Это помогло избавиться от паники, но также я видел рядом с собой незнакомый женский силуэт. Разглядев её тогда, я лишился покоя. Она стала сниться каждую ночь, но я не помнил деталей этих снов.

Мне запомнились остаточные явления от послевкусия вдыхаемых ароматов, что она приносила вместе с собой. Это были самые различные травы и благовония. Она умело миксовала эти древние атрибуты колдовства, пропитывая ими собственную кожу. Неудивительно, что никто не был спосо-

бен удержаться рядом со мной, ведь неосознанно я уже всецело принадлежал кому-то, но принять это – означало признать собственную зависимость.

Битва и все те испытания, что я проходил, лишь сильнее связывали меня с фантомом этой незнакомки. Я уже привык просыпаться обессиленным, но не мог смириться с причиной происходящего. Конечно же, я прекрасно понимал, что мои бессознательные скитания связаны именно с ней, но ничего, кроме её запахов, мне не удавалось извлечь из воспоминаний.

Это утро, вдобавок ко всему, выдалось достаточно пасмурным и чрезмерно суетным, ведь уже стали доступны первые обрывки эфира, а меня то и дело доставали расспросами. Месяц съёмов пролетел незаметно, и лишь физическое истощение доказывало, что всё происходящее было реальным. Весь день превратился в одну сплошную затянувшуюся суетную дискуссию с самим собой. Вся семья и друзья праздновали премьеру, обрывая телефон и заваливая меня похвалами, которых я не был достоин в полной мере.

Не знаю. У меня не было никакого настроения и даже предвкушения чего-то особенного. Обыденность. Я несколько лет уже знал, что окажусь в Битве и что стану победителем. Это не было для меня неожиданностью. Удивить меня смогла лишь она. Раньше я не знал никого, кто бы мог изменить ход моих видений, но ей это удалось.

К вечеру хотелось остаться наедине с собой. Я закрыл

квартиру, отключил домофон и выключил телефон. Не хочу. Появилось странное желание насытиться одиночеством и полумраком осенних вечеров через глубокое погружение в себя.

Пусть шоу и вышло в эфир, для меня это совершенно ничего не значило. Удивительно, но всё это уже сейчас казалось чем-то неважным, а я ловил себя на мысли, что впереди предстояло нечто такое, к чему я не был готов. Опустошение, поглотившее меня, становилось невыносимым.

На мольберте с призывом красовался чистый холст, и именно на этот вызов сейчас я был готов поддаться. Несколько минут непонимания и невнятного хаотичного движения кистью. Я всецело поддался магии вдохновения, а отстранившись понял – на меня смотрели чёрные проникновенные глаза с синим отливом безысходности. Густые ресницы. Бешеная энергетика, странным образом, знакомая мне. Давящее осознание присутствия. Кто-то находился рядом.

Чёрт! Я всеми силами старался прогнать незваную гостью, но она не уходила.

Она...

Я ощущал запах. Тот самый запах.

Это казалось чем-то невероятным.

*А я и не думал, что смогу испытать на себе
безумство, связанное с осуществлением тайных желаний.*

Какого хрена!

Резко повернувшись, я замер, не поверив собственным глазам, ведь столь яркого видения никогда ранее не наблюдал. На моём подоконнике сидела девушка.

Чёткий силуэт. Это не призрак. Нет, их я ощущал совершенно иначе. Она – живая. Я не видел лица, но мне известна её боль, одиночество, непризнанность, отчаянье. Она пропитывала насквозь и, проникая внутрь, вплеталась в мою душу.

– Кто ты? – вставая со стула, я чуть не потерял равновесие, спотыкаясь об упавшее полотенце и, смущаясь собственной неловкости, едва мог отвести от неё взгляд.

– Могу задать тебе тот же вопрос, – её лицо затуманено и размыто, но силуэт тела и одежда проявлялись всё чётче. На ней не было ничего, кроме достаточно большой футболки, стремящейся визуально сделать фигуру более хрупкой.

Мои мысли путались, и на мгновение показалось, что она была создана воображением, истосковавшимся по эмоциональной нестабильности.

– Вообще-то это ты ворвалась в моё частное пространство, – хотелось бы понять, что это за явление такое, но любая попытка выяснить была способна разрушить это чудесное мистическое видение. Я аккуратно пытался прощупать энергетику и понять, кем она являлась.

– Ты колдун? – она усмехнулась.

Я старался узнать в её голосе отдалённо знакомые нотки,

но был способен лишь чувствовать его на вкус. Он ложился на язык подобно перечной мяте.

– Я медиум, – сейчас это звучало как-то неуместно, и я чувствовал собственную незначительность. Это настолько несвойственно для меня, что хотелось кричать и материться.

– Странно, – кажется, она задумалась. Я хотел знать её мысли, но не мог ощутить вибрации сознания. Она закрыта от меня, а обволакивающая её защита куда мощнее тех, что встречались до этого. – Я не мёртвая. – Уверен, что в этот момент она приподнимала бровь и недовольно сжимала губы.

– Я в курсе, – усмешка далась с трудом. – Ты ведьма?

– Отчасти. Я парапсихолог, – она усмехнулась, – ну, типа того.

– Это ничего не объясняет. Каким образом ты оказалась в моём доме?

– Не знаю. Я не понимаю даже такой маленькой детали, как – кто ты есть такой, – она игриво спрыгнула с подоконника и приближалась ко мне. Я в полной мере ощущал аромат, который шлейфом следовал за ней, и от этого становилось не по себе. – Я не могу видеть твоего лица.

– Я тоже. Вижу только силуэт, – который определённо мне нравился и от этого я усмехнулся, на этот раз естественно и непринуждённо, – ...фигуру. – Всеми силами пытаюсь скрыть смущение, я зажал губы и отстранил взгляд.

– Иронично. – в этот момент незнакомка изучала про-

странство вокруг себя, соединив руки за спиной. Эта поза делала её такой хрупкой и беззащитной, что я буквально сходил с ума от невозможности увидеть её лицо. – Но твоя комната мне нравится. Уютная холостяцкая берлога.

– С чего ты решила, что я холостяк?

– Я не давала оценку твоему статусу отношений, а лишь сделала вывод о квартире, – судя по интонации она улыбалась. – Ни одна девушка не стала бы жить в такой... – раздражающая секундная пауза, – обстановке.

– Ты, вообще-то, в гостях, – мне хотелось обидеться, но даже этого не удавалось сделать, ведь эмоции к ней были совершенно другими. Я был очарован ею.

– Прости, – казалось, она меня передразнила. Сейчас мне хотелось увидеть мимику на её прекрасном лице. Да, я был уверен, что она красива. Этот голос завораживал. – Ты начал мне сниться несколько недель назад. Вернее, мне снились вибрации твоей силы, по которым тебя и удалось идентифицировать сейчас. Это странно. Максимально странно, учитывая тот фактор, что я ни призывала никого и ничего.

– Да, я чувствовал, что не высыпаюсь по ночам, но не помнил своих снов, – неужели я вскоре смогу понять, что происходило все эти недели. – Теперь многое встало на свои места, по крайней мере, теперь я знаю, что ты лишила меня здорового сна.

– А меня ты мешками под глазами одарил, – я чувствовал вибрации её смеха – именно они заставляли улыбаться и

меня самого, – я уже боялась, что ненароком призвала сущность какую-то, знаешь ли.

– Ну, – мне хотелось быть для неё таинственным и загадочным, но чёткое ощущение, что она читала меня как раскрытую книгу, не покидало ни на мгновение, – меня тоже можно считать своеобразной сущностью.

Она никак не отреагировала на мою неудачную попытку пошутить. Идиот! Грёбаный неудачник! В такие моменты хотелось провалиться сквозь землю и пожать руку сатане в надежде, что он исправит столь неловкий момент, за любую озвученную им цену. Я не мог быть в её глазах незначительным. Не хотел. Для неё мне хотелось стать самым ценным приобретением и силой, способной укрыть от всех невзгод. Это неожиданное желание ввело в ступор.

Она побуждала меня хотеть быть совершенно иным человеком.

– Всё ещё остаётся загадкой истинная причина всего происходящего, – она изучала мою комнату, и это заставляло меня чувствовать неловкость.

Я бегал глазами по помещению, желая убедиться, что не разбросал ничего лишнего. Но кроме магической атрибутики и... Чёрт, картины! Именно к ним она, конечно же, и направилась. Грёбаный «закон подлости»!

– Я не вижу ничего особенного.

– Серьёзно? – залиvistый смех незнакомки ласкал слух, и неожиданно для себя я остановился на мысли, что именно её

глаза были нарисованы мною, и сейчас, смотря на них, она улыбалась. – Даже моё появление в твоей квартире ничуть не странно?

– Ну... – самое забавное, я не мог назвать это странно-стью, – мне вполне нравится твоё присутствие здесь. Думаю, я был бы рад видеть тебя здесь как можно чаще.

– Ты одинок? – Вопрос застал меня врасплох.

Прямолинейность этой девушки заставляла смущаться ещё больше, а мне и без того было нелегко от внутренних желаний.

– Настолько же, насколько одинока и ты. – Она ухмыльнулась, но не решилась прервать, тем самым бросая вызов. Мне нравилась присущая ей игривость. – Ведь будь мы полноценными, едва ли судьба решила бы свести нас столь странным способом. Не думаю, что люди, имеющие в жизни полную гармонию, могут перемещаться подобным образом.

– А если это не судьба? Я не склонна верить в подобно-го рода фантастические теории хитросплетений жизненных линий. Что, если с нами решили позабавиться силы иного формата?

– Не о дьяволе же ты?

– Нет, – она вновь смеялась, – ему подобным разве может быть дело до смертных вроде нас? Я, скорее, думаю, что кто-то решил позабавиться с нами и создать какое-то... ну не знаю... заклятье.

– Я думаю, мы сами способны создать заклятье такой си-

лы, что будет притягивать нас раз за разом друг к другу. Только вот заклятье это характеризуется простым и неизменным желанием познать друг друга любой ценой. Мы от собственной скуки и одиночества, будучи не принятыми никем вокруг, сотворили это самое заклятье и притянулись на уровне энергий, – я не знал, откуда вдруг во мне зародилась эта теория, а главное, почему я был настолько уверен в том, что говорил. – Одиночество души способно на многое, особенно в момент своего отчаянья.

– Звучит интересно. Впрочем, всё так и есть. Вся сила – в нашем разуме, и мысли способны сотворить как самого яростного монстра, так и самого нежного друга и соратника.

– Как тебя зовут?

– Рано называть имена. Эта игра тем и чудесна, что окрашена пеленой таинственности. Назови мы сейчас наши имена, вся магия тотчас же растворится, и мы потеряем интерес.

– Не уверен, что способен потерять к тебе интерес, – сам не мог поверить собственным словам. Не так давно я строил отношения с другой, планировал будущее с ней и даже подумывал сделать предложение. Ещё совсем недавно для меня существовали совершенно иные варианты будущего. – Я уверен только в том, что своим появлением в моей жизни ты изменила траекторию движения, заданную в прошлом.

– Как ми... – она исчезла так же неожиданно, как и появилась. словно кто-то насильно вырвал её из моего энергетического поля. Она растворилась в пустоте, а я ощущал себя

связанным по рукам и ногам, ведь, казалось, я стал пропитан ею насквозь. Пронзительный взгляд с мольберта смотрел сквозь меня, излечивая душу и зашивая открытые раны достаточно грубыми стежками. Эта незнакомка совершенно не оставляла шанса выкинуть её из мыслей.

Зарождение энергии происходит на пустырях утраченного смысла.

*Неизвестно каким образом впервые началось исчисление уровней силы,
но понятно одно, что становление Высших произошло в момент
вращения первого Сада души.*

Чёрт! Я хотел вернуть её.

Желал узнать, как она выглядит, но не мог понять, что надо для этого сделать. Чувство безысходности поглотило настолько, что я резко сорвался с места и подобно загнанному зверю стал метаться по комнате. Что-то непонятное проникало внутрь и порабощало сознание, а эти пронзительные глаза стреляли в самое сердце. Не зная ничего о ней, я был готов на всё, чтобы она находилась рядом.

– Я должен что-то сделать! – докатился уже до того, что разговариваю сам с собой. – Точно! – я кинулся к шкатулке, в которой хранились материалы для создания амулетов и заговорённые камни. Не было времени думать, ведь предстояло довериться интуиции. Что-то, неизведанное ранее, про-

будилось внутри, и я чувствовал, как это меня напрягает.

Высыпав всё содержимое на пол, я достал ритуальное блюдо и начал искать нужные камни. Всё по ощущениям. Я мог слушать только вибрации. Они должны ассоциироваться с ней. Нежные и резкие. Поглощающие и защищающие. Обжигающие, но и излечивающие в тот же миг. Она сочетала в себе необузданную мощь всех стихий. Я не сомневался, что воссоздам её в этом амулете. Станным образом эта незнакомка усиливала мою самоуверенность и умножала и без того раздутое эго в разы.

1–4 ПОЗВОЛИВ СТАТЬ МОИМ ОТРАЖЕНИЕМ

POV: АНАДЖ

*Мистическим фантомом в ночной тиши явившись,
Стал для меня сродни провидению судьбы,
Взяв за руку её и с прошлым своим вмиг простившись,
Я побежал на зов тобой излеченной души.*

Дата:

23 сентября 2023 года

– период смертного исчисления

Местоположение:

мир Праносталь, город Мэджик-Стил,
дом Анадж Ли Рэйвен Филс

Резкий крик. Выстрел.

Я подскочила и с ужасом осмотрела пространство вокруг. Моя комната. Моя кровать. Всё хорошо. Я старалась дышать как можно глубже и успокоить сердцебиение. За окном слышались крики. Очередные районные разборки, не более того. Мне ничего не угрожало.

Как я оказалась в кровати?

Хоть это не имело сейчас никакого значения, но я не мог-

ла вспомнить.

Выдыхая горячий воздух, я откинулась назад и погрузила голову в мягкую перину. Как хорошо и комфортно! Коснувшись лица, я почувствовала влажность и заметила, что на ладони красовался глубокий порез. Кожа руки пропиталась кровью и на линии жизни всё ещё виднелся осколок бокала. Видимо, в момент моего переноса я так сильно сдавила бокал с вином, что незапланированно принесла дар крови.

Замечательное начало моего нового года!

Что это было?

Я совершенно неожиданно перенеслась к нему, а потом снова оказалась в своей постели. Вся мокрая и взволнованная, едва дыша и с трудом контролируя внутренний порыв кричать. Я не могла до конца идентифицировать место своего нахождения, ведь всё ещё ощущала особый аромат его комнаты и то энергетическое наполнение, что было присуще тому помещению.

Меня словно выкинуло в неизвестное пространство, и единственное, в чём я была уверена – он был реален, и это происходило в настоящем времени. Мне не скоро удалось прийти в себя.

Даже спустя десятки минут я всё ещё помнила те вибрации, что испытывала от его присутствия рядом, а кожа хранила прохладу от подоконника, на котором я сидела.

Это было впервые. Когда-то в детстве нечто подобное, по крайней мере мне так казалось, уже происходило. Я слов-

но путешествовала между мирами и видела различных существ. Самым ярким воспоминанием был Огненный замок, к которому подъезжали кареты, ведомые огненными лошадьми. То место казалось таким родным и совершенно не пугало.

Иногда воспоминания кажутся чем-то иллюзорным, но ничто не способно оставаться нереальным вечно. В один прекрасный день мы просыпаемся в той самой фантастической реальности, из которой нет возврата.

В детстве я часто оказывалась в том, незнакомом мне, мире и играла в золотом лабиринте с фениксами, что обитали в нём. Когда я выросла, мне думалось, что это были детские фантазии брошенного всеми ребёнка. Сейчас же не уверена, что это не было правдой. От воспоминания на душе вдруг стало так тепло, что стоило закрыть глаза, как я сразу же оказалась на прекрасной поляне. Теперь это совершенно точно было осознанным перемещением, а не сном. Яркий солнечный свет, пение птиц и шёпот листьев завораживали. Я могла бы вечно находиться во власти этих стихий, отбросив все переживания о насущном. Это неотъемлемая составляющая меня, без которой я медленно сходила с ума. Город и стены родного дома стали подобны тюрьме.

Его энергетика была до одури знакома. Никого, кроме него... Он сидел, окутанный дымом небольшого костра, и

треск поленьев еле слышно долетал до моего слуха.

– Жди меня, – его лицо оставалось размыто, – подожди совсем чуть-чуть. Я найду способ завершить этот ритуал и найду тебя.

– А что за ритуал ты совершаешь? – я с интересом изучала металлическую пиалу и кинжал. Они были покрыты прекрасной резьбой. Совершенно точно эта атрибутика была изготовлена на заказ.

– Я хочу завершить создание браслета. Его программа сможет притянуть нас и соединить, – он стал показывать мне хитросплетённые кожаные нити и разнообразные бусины из натуральных камней. – Повтори этот узор, и тогда мы сможем соединить наши энергии.

– Они красивые, – я наблюдала за проворством его пальцев и понимала, что он творит настоящую магию, пленяющую и манящую своим очарованием и простотой. О такой магии мы частенько забывали, отдавая предпочтение чему-то более сложному.

– Повтори всё в точности, – он старался успеть показать как можно больше, – добавив лишь немного своих ощущений. А после надень его на себя. Я скоро приду к тебе. Подожди меня там, – он указал на появившееся из ниоткуда каменное здание. – Там безопасно. Прошу, подожди меня там.

– Хорошо, я подожду тебя, – мне хотелось быть здесь, рядом с ним, но я понимала, что по каким-то причинам это было невозможно. По крайней мере, сейчас. Он стал для меня

чем-то настолько желанным, что всё остальное теряло значимость. – Это странно. Всё, что происходит сейчас, кажется таким запутанным, но таким...

– ...Правильным, – его голос становился всё роднее, а тембр казался знакомым и обволакивающим, – я знаю. Ищи меня. Я не сдамся. Я найду тебя.

– И я не сдамся. Обещаю, что сделаю всё для того, чтобы найти и узнать тебя. И я дождусь тебя.

Мне не хотелось от него уходить, но и оставаться рядом было невозможно. Неизвестные силы тянули в сторону здания, и, уже оказавшись у входных дверей, я обернулась. Он всё ещё сидел в самом центре поляны. Я всё ещё чувствовала его энергетику и энергии от того, что он создавал. Эти энергии соединялись и становились осязаемыми. Уже сейчас я могла их узнать по запаху.

Дверь распахнулась, и меня поглотил яркий свет.

1–5 СИНГУЛЯРНОСТЬ

POV: АНАДЖ

*Я совершила грубую ошибку,
Позволив сердцу вновь забиться для тебя.
Заполнил ты эмоций всех палитру,
Лишь о поклонении безропотном прося.*

Дата:

23 сентября 2023 года

– период смертного исчисления

Местоположение:

пограничный мир магической трансформации

Глаза с трудом привыкли к густой белой дымке.

Специфический запах вызывал желание закрыть нос рукой, что, собственно, я и сделала. Было страшно делать шаг, и я стояла неподвижно, словно опасаясь того, что пространство меня поглотит. Мне хотелось развернуться и вернуться на поляну к таинственному незнакомцу, но дверь уже исчезла. Не было никакой возможности покинуть это место. В отдалённых воспоминаниях удавалось откопать зарисовки данного пристанища. Странно, что всё начинало всплывать в памяти лишь сейчас. Словно кто-то нарочно извлекал эти

обрывки, отстраивая руины воспоминаний заново. Эти игры злили, но я не могла сделать ничего, чтобы облегчить свою участь.

Когда в детстве я поняла, что вижу больше остальных, то надеялась на вознесение себя до «особенных». В сказках и историях, рассказываемых детям всегда есть бедная брошенка, которую унижают и бьют, а она, вопреки всему, становится прекрасной принцессой, утирающей нос своим обидчикам.

Знала бы я тогда, что путь этих самых «обидчиков», чаще остающихся за кадром повествования является своеобразной искусственно созданной миссией, ведь «добрячка» не станет таковой, если на неё не будет оказано давление негативного воздействия. Надо быть осторожными с тем, что позволено дойти до детских ушей, ведь такие сказки рушат психику и вырабатывают неспособность критического мышления.

В детских мозгах появляются понятия «хорошо» и «плохо», но совершенно отсутствуют уровни градации этих самых определений. А что ещё хуже, чётко формируется убеждение: «Любое добро будет вознаграждено». Чужь собачья! Через такие приторно-фальшивые сюжеты, правительство – в общем масштабе, и семья – в более узком понимании общественной ячейки, взращивают рабов, не способных высказать своё мнение.

Происходившее со мной за последние годы превратилось

в срывание всех ярлыков и детских убеждений. Через клиентов, да и собственный опыт, я прошла путь взросления заново. Только на этот раз, не позволяя никому меня обучать. Моя душа возвращала эту оболочку и трансформировала сознание, основываясь на собственном опыте прошлых жизней. Это было куда приятнее, чем расти «брошенкой» в полной семье. Полагаю, именно это возвращение и привело меня ко всему происходящему, выкинув за пределы рациональности восприятия смертных.

Тело пронизывали нитеподобные энергии, и каждая из них была отлична от другой. Вот нить, что заставляла леденеть всю зону, которой касалась, и цветом она представлялась бирюзовым. Вот толстая нить, словно состоящая из мелких шипов, которые раздирали кожу и застревали под ней, подобно занозам. Эти мучительные линии казались мне красными. Но были ещё и те, что согревали немевшее тело. Они были самыми тонкими, и я видела их золотым свечением. Такие ощущения невозможно испытать, являясь человеком, но я испытывала.

Да, моё тело находилось в доме, расположенном на Мэйфер стрит сорок два, но... Здесь я как будто перемещалась в другую физическую оболочку, более крепкую и способную выдерживать магическое воздействие божественного уровня. Я бы хотела обладать этой физической оболочкой в том мире, где вынуждена жить.

Эти переходы стали совершенно иным опытом, позво-

лившим понять, насколько ничтожно моё существование в смертном теле. Подобно вольной птице, пойманной браконьерами, моя душа оказалась заточенной в тюрьме оболочки, не способной выдержать её истинные вибрации. Наверное, я даже была готова к тому, что уже не очнусь в своём доме, времени и реальности. Наверное... Я бы и не хотела туда возвращаться.

Всё моё тело состояло из сплетения этих ниток, а узор, что они создавали, ощущался каждой клеточкой организма.

Я смирилась с этим пленом и совершенно не понимала, что могу изменить в данной ситуации. Это начинало казаться чем-то мучительным и страшным, но я ничего не могла сделать.

Меня парализовало. Я чувствовала, как, сплетаясь в узлы, нити натягиваются, передавливая органы и не позволяя шевельнуться.

Только боль... и ничего кроме.

Плотность тумана становилась гуще. И вот, оказавшись как снаружи, так и изнутри, под прессом, я была готова принять неизбежное. Если честно, мне уже было всё равно на то, что могло случиться – я просто хотела остановить боль.

Невиданная сила потянула нити с такой мощью, что я едва удержалась на ногах и с ужасом, превозмогая боль, увидела, что напротив стоит силуэт. Человеческий силуэт выше меня сантиметров на двадцать, состоящий из множества разноцветных ниточек, которые ещё совсем недавно прони-

зывали всё моё тело, повторяя каждый изгиб и дублируя все органы. Я видела, как за этими сплетениями билось сердце, как формировались остальные органы.

Но это не пугало.

Казалось, что самое страшное я уже пережила. По крайней мере, на этот день.

С каждой секундой это создание обретало всё большую чёткость и начинало покрываться белоснежной кожей, которая образовывалась из пылинок этого самого тумана, что пленил меня в самом начале. Чем больше песчинок присоединялось к клону, созданному из меня, тем ярче и отчётливее становилась видимость, и уже стало возможным отличить деревья, окружающие нас, и узкую тропинку, всё ещё растворяющуюся в тумане. Судя по запаху, что проявился, сменив тот, что разъедал переносицу, это был хвойный лес. Стало легче. Не знаю, почему. Это невозможно передать, ведь всё происходившее в данный момент в целом не поддавалось никакому описанию.

Неожиданно я вздрогнула, ведь уже обросший кожей силуэт начал издавать какие-то звуки.

Нет!

Это были слова, но я не знала этого языка. Не понимая ни слова, я слушала тембр его голоса. Завораживающий и чарующий настолько, что ничуть не пугала даже его ужасающая внешность. Он напоминал пластиковый манекен. Радовало лишь то, что его органы уже были закрыты от взора, и лишь

пустые глазницы всё ещё заставляли сердце замирать.

– Как долго я спал? – эту фразу он произнёс на шести языках, прежде чем я смогла его понять.

Он сонастроился со мной.

Да.

Это было именно так.

Он искал в своих воспоминаниях язык, понятный мне. Это шокировало. Это удивляло. В конце концов, это восхищало, ведь я ощущала его желание выйти со мной на одну вибрацию.

– Я... – мне не сразу удалось вспомнить, каково это – говорить. – Я не знаю. Мне ничего не известно.

– Странное время, – его голос был едва уловим, но даже этот шёпот казался чем-то знакомым, – да и ты совершенно другая. – Это существо сделало шаг ко мне и, отшатнувшись в сторону, я потеряла равновесие и упала. – Я не узнаю эту твою энергию. Ты другая.

– Я в принципе не знаю тебя.

– Ошибаешься, – он склонился надо мной, и я заметила, как заполнялись его глазницы, – знаешь. И очень хорошо знаешь. – Он взял меня на руки и понёс куда-то в гущу леса. Он с такой лёгкостью поднял меня, что я ощутила себя пушинкой.

Я вцепилась в тонкую шею руками, опасаясь чего угодно, но не его самого. Наверное, стоило посетить психолога, ведь с чувством самосохранения у меня явно что-то не так. Это

совершенно ненормально, что пусть даже и осознавая нереальность происходящего, я позволяла себе рисковать и быть настолько безрассудной. Его кожа ощущалась твёрдой и холодной, молочного цвета и с лёгким серебряным отливом.

Мы стремительно удалялись вглубь леса, и я не видела ни единой тропиночки, но незнакомец проворно маневрировал среди раскидистых корней, так сильно не желающих находиться под землёй. Казалось, он наизусть знал каждый сантиметр этой прекрасной, но пугающей местности. Я восхищалась его ловкостью и даже не стеснялась этих эмоций.

– Куда мы идём? – этот вопрос следовало задать намного раньше, но разве у меня был бы хоть какой-то шанс сбежать, услышь я что-то неприятное?

– Домой, – совершенно монотонно ответил он, а между всеми этими паузами и скитаниями среди деревьев у незнакомца отрасли длинные белоснежные волосы, которые развевались в пространстве так, словно вокруг был ураган. Но ветра не было. Не было ничего, что могло бы так играть с его волосами, а значит, это была его индивидуальная особенность. Если, конечно, так можно выразиться.

– К тебе?

– К нам, – от каждого его слова моё сердцебиение ускорило, и, казалось, что это волнение. Но это было не так. Каким-то странным для себя образом я была совершенно спокойна. – Пора вернуться домой, – он резко остановился и поставил меня на потрескавшуюся землю. Его лицо всё ещё не

приобрело отличительных черт, а глаза были матово-белыми и пустыми в эмоциональном плане. Словно ему и эмоции забыли ещё прописать. Весь он напоминал собой эскиз. Чтобы завершить его детализацию, требовалось намного больше времени.

– Дети мои, – эхом пронеслось по пространству и деревья как будто бы стали сдвигаться, расчищая перед нами тропу, – вы снова соединились.

Я не понимала, кому мог принадлежать этот голос, ведь у него не было половой принадлежности, а звучал он словно со всех сторон и ниоткуда одновременно.

За несколько минут всё вокруг нас стало приобретать совершенно иные формы и лишь отдалённо всё ещё напоминало лес. Вернее, лес словно остался позади. Он в прямом смысле каким-то образом переместился за наши спины, оставив нас на голой, потрескавшейся земле.

– Что происходит? – я непроизвольно прижалась к незнакомцу. Сейчас я испытывала что-то, напоминающее страх. – Это не поддаётся никакой логике.

– Не ищи логику там, где отсутствуют какие-либо правила и законы, – он пошёл вперёд, не оборачиваясь ко мне. Там, где ступала его нога, сразу же вырастала трава и воздух постепенно заполнялся ароматом свежести. Я начинала чувствовать запахи и слышать отдалённое пение птиц. Местность пробуждалась и наполнялась жизнью. – Ты идёшь? – он двигался плавно, всё так же не оборачиваясь, потом на

мгновение остановился и протянул мне руку. – Нам пора.

Я не хотела думать. Я просто хотела поддаться зову и идти за ним. Не знаю, кем он был и не знаю, что он способен привнести в мою жизнь, но я совершенно точно уверена, что готова пойти за ним и принять всё то, что принесёт это путешествие.

– Ты идёшь? – он наконец-то повернулся, и я увидела сформировавшиеся голубые с белыми прожилками глаза. Яркие и чистые. Черты лица были словно выточены и не оставляли сомнений в его принадлежности к чему-то возвышенному и далёкому от всего, что известно обычному человеку.

– Да, – я взяла его руку и сделала уверенный шаг. – Я иду с тобой. – Мой ответ заставил его улыбнуться, и в этот момент нас закрутил в своих объятиях неизвестно откуда взявшийся ветер.

– Держись, – он прижал меня к себе так крепко, что я могла чувствовать фактуру его кожи, – и ни в коем случае не отпускай.

– Не отпущу. Ни за что не отпущу!

Нас оторвало от земли, и мы стремительно поднялись к облакам. Казалось, что вот-вот я совершенно перестану видеть землю, но даже это не пугало. Я была готова. Странно, но я была уверена, что всё происходящее в эти дни и было тем самым предназначением, наконец нашедшим меня.

1–6 БЕЛЫЙ САД СОЛНЦА ДНЯ

POV: АНАДЖ

*Мы этот мир создавали когда-то из пепла,
Выстраивая стены дворца на костях.
Никто не знал, что мы посланники тлена,
Живущие вне мира на пустых островах.*

Дата:

23 сентября 2023 года

– период смертного исчисления

Местоположение:

Белый сад Солнца дня

Хоть я понимала, что тут нет моего физического воплощения, тело трясло и мне не удавалось взять под контроль дрожь. Накопившаяся усталость сбивала с толку, и я не сразу поняла, что очередное перемещение оказалось чем-то иным и полностью отличным от всех предыдущих.

Не думала, что это восхождение окажется настолько сложным.

В прошлый день рождения меня через сны помотало по прошлому, где приходилось переосмысливать совершённые ошибки, пытаюсь поменять события и изменить свои реше-

ния. Это было неприятно, но не шло ни в какое сравнение с происходящим сейчас. Меня словно испытывали, заставляя перемещаться между измерениями, вырабатывая готовность к чему-то, чего ещё не происходило в моей жизни. Я уже давно перестала задаваться вопросами, ведь едва ли Вселенная способна предоставить желаемые ответы.

Лучше просто жить по течению, не провоцируя лишних волнений на глади. Но почему-то я была уверена – это восхождение всё изменит без моего на то желание.

Я чувствовала свежий воздух, пропитанный едва уловимыми мятными нотками. Мне нравились эти ощущения и даже, несмотря на слабость тела, хотелось погрузиться в энергии этого места. Думаю, мне хотелось поверить в возможность сказки, способной привести в кроличью нору, прыгнув в которую я разобью границы и выйду из матрицы. Ради призрачной надежды изменить рутину, я была готова на многое, и потому совершенно не переставала принимать любую трансформацию, которую предоставляли тонкие миры и их обитатели.

Переборков сопротивление, я открыла глаза. Всё вокруг было пронзительно белым. Не думаю, что когда-то видела нечто подобное. Чистота этого места ослепляла. Когда глаза смогли привыкнуть, я разглядела, что стою на поверхности замёрзшего озера, а подо льдом были видны плавающие рыбы самых разных размеров и окрасов. Лёд казался тонким, но на удивление крепким, и я не боялась, что могу

провалиться. Это была дорога протяжённостью метров триста, по двум сторонам которой располагались клумбы разных форм с кустарниками, напоминающими хрусталь. Кажется, я видела нечто подобное где-то, но мне никак не удавалось вспомнить, где именно и когда это было.

Внутри что-то разгоралось. Только я понимала, что не имела к этому отношения. Во мне было что-то или кто-то, способствующие активации происходящего с телом. Но это точно была не я. Место казалось холодным и одиноким. Мне не удавалось увидеть его границ, ведь туман словно съедал их. Но я совершенно точно ощущала его объёмность и безграничность. Воздух был таким чистым, что голова кружилась, и мне с трудом удавалось стоять на ногах.

Я впервые видела нечто настолько красивое и завораживающее своей необычностью. Объёмы и пространство восхищали, вызывали трепет и чувство спокойствия внутри.

Скорее всего, я вполне могла бы жить в подобном месте, оставив смертную жизнь и порядком надоевшие проблемы не имеющих для меня никакого значения людей. Я перенасытилась нытьём, жалобами и постоянным причитанием на несправедливость вокруг. Это выматывало, и я не всегда успевала восстанавливаться от такого взаимодействия.

Они словно жили за мой счёт.

– Где мы находимся? – на незнакомце появились свободные белые одеяния, подчёркивающее его талию и развевающиеся по появившемуся откуда-то извне ветру. Он напоми-

нал героя фэнтези драмы про Богов Китая.

– Это Белоснежный сад моей души, – он сложил руки за спиной и медленно пошёл вперёд, дожидаясь меня. – Ты разве ещё не посещала подобные места? – этот вопрос звучал как-то странно.

– Я живу в Мэджик-Стил всю свою осознанную жизнь, лишь иногда выезжая в Мэджик-Холл. Моя жизнь чрезмерно скучна и банальна.

– Разве это не было твоим собственным выбором? – он не смотрел на меня, но я всецело ощущала его интерес к моей жизни.

– Не знаю. Разве у ребёнка есть выбор перед решением его родителей?

– А ребёнок, вырастая, разве не приобретает это право? – мне показалось, блондин усмехнулся. – Слишком часто дети предпочитают забыть о том, что обладают своей судьбой, отличной от той, что для них желают родители, которые, зачастую, хотят придержать своё чадо рядом для собственного спокойствия. Но выбор дороги есть у каждого живого создания.

– Я... – все слова неуместны.

Он прав.

Думаю, я никогда не задумывалась о том, какой хочу жизни, ведь пребывала в ощущении того, чем не обладала. Только сейчас я вдруг поняла, что плыла по течению, даже не пытаясь воспротивиться направлению этой реки. Смешно, а

ведь я действительно превратила свою жизнь в стандартизированный механический процесс, отравивший меня и запрятавший стремления и мечты так далеко, что мне и вспомнить о них не удавалось.

– Ты... – тихий смешок. – Твой дух силён, и это выживание в безопасной зоне вполне объяснимо, ведь уже с этого дня у тебя не будет вариантов отсидеться в стороне.

– Звучит как-то жутковато, – неожиданно со всех сторон посыпались белоснежные и розовые лепестки. Теперь это место напоминало прекрасную картину с тонкой световой передачей множества оттенков, казалось бы, самого простого и понятного цвета. – Как красиво!

Меня переполняло счастье. Странно, ведь как раз это чувство для меня уже давно было под запретом. Я не позволяла себе испытывать каких-либо положительных эмоций, ведь после краткосрочных моментов подобного отдыха следовали мучительные дни, недели и месяцы. Чтобы избежать подобного, я и закрыла любое проявление чувств, ведь невозможно познать боль разочарования, не испытав счастья.

– Ты помогла мне вернуться, – блондин остановился и, направив взгляд в небо, расслабленно вдохнул свежий воздух, пропитанный ароматом цветов. – Теперь всё здесь пробуждается. Думаю, когда ты окажешься в этом саду в следующий раз, то не узнаешь ничего, ведь он преобразится до своего первоначального вида.

– Хотя я ничего и не понимаю, мне приятно быть причаст-

ной к появлению чего-то прекрасного, а этот сад потрясающе красивый. – Осматриваясь по сторонам, многое казалось знакомым, но ведь мне ничего из этого не должно быть известно. – Я устала не понимать того, что со мной происходит. Устала видеть то, что не должна и чего не способны узреть остальные. Мне и так надоело быть изгоем в мире, где находят понимание люди гораздо более странные, чем я. Это всё становилось чрезмерно болезненным, и, казалось, я не справлялась со своими эмоциями, желаниями и опасениями.

– Ты прекрасно справляешься со всем, Анад... – он почему-то не захотел заканчивать произносить моё имя и резко обернулся по сторонам, словно проверяя, не подслушивают ли нас. – Учитывая всё, что на тебя взвалили... Учитывая всё то множество непонятных для тебя на данный момент вещей... Ты хорошо справляешься. Ты не растеряла навыков, а, напротив, лишь расширяешь свои возможности и возвращаешь силу. В тебе сокрыт огромный потенциал. Он будет раскрыт и станет тебе понятен в необходимом для этого время.

– Какая мотивационная речь, – не думаю, что была готова поверить в его слова, но, совершенно точно, хотела попробовать. Мне нужно было иметь возможность поверить в вариант прекрасного или, хотя бы, приятного будущего.

– Это не слова подбадривания или поддержки, – взгляд Калиба стал серьёзен и как будто сканировал меня изнутри. Я ощутила дискомфорт и изменение в самочувствии. – Твой

сад ещё не расцвёл, и потому ты не испытываешь необходимой связи со всеми, а отсюда неверие и нежелание.

– Со всеми? О ком ты говоришь?

– Пробудись же скорее, Новолуние, – он подошёл ближе, и я начала чувствовать пульсацию, причиняющую боль. – Ты должна захотеть узнать всё и позволить глазам увидеть то, что предназначено тебе.

– Ты пугаешь меня.

– Разве есть в смертной жизни хоть что-то, чего стоит бояться? Смерть никогда не станет концом, пока душа желает познания истины и сближения с теми, за кем так сильно тоскует.

– Я всю свою жизнь тоскую по тому, кого не могу вспомнить. Это причиняет такую душевную боль, что ни одна физическая не способна с ней сравниться, – смотря в его практически прозрачные глаза я усмехалась. – Ты можешь представить, как это – сходить с ума из-за воспоминаний, которые не получается вспомнить?

– Твоя душа помнит, – его ладонь коснулась моей щеки, и я поняла, что хорошо знала эту энергетику. Я знала такие вибрации настолько, что могла вспомнить эхом раздающийся смех, отражающийся от холодных хрустальных стен и достигающий меня в просторной башне с витражным полумесяцем. – Когда душа помнит, воспоминания пробудятся, лишь стоит увидеть тех, кто живёт в твоём сердце.

– Кто ты такой?

– Я тот, кто всегда будет рядом с тобой, – откуда-то снизу раздались раскаты грома, и я вздрогнула от их мощности. – Сейчас тебе пора, но мы вскоре вновь увидимся, – на его белоснежном лице появилось подобие улыбки. – С днём рождения, Новолуние, – прохладные губы коснулись лба, и резкая вспышка заставила прикрыть глаза руками.

Чёрт!

Мне не очень-то хотелось возвращаться в ту жизнь, что ежедневно меня уничтожала, заставляя проживать одинаковый сценарий.

Однотипность – самый главный враг моего вознесения.

1-7 НЕПОНЯТНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

POV: АНАДЖ

*Душа, познав грех земной, превращается в камень,
И пробудить её, разве что, может родная душа.
Но спектр имён смертных так многогранен,
Как отыскать среди них всех тебя?*

Дата:

23 сентября 2023 года

– период смертного исчисления

Местоположение:

мир Праносталь, город Мэджик-Стил,

Наверное, в какой-то из своих жизней я сотворила нечто ужасное, что пропитало душу смертными грехами и обрекло это рождение на пытки искупления. А иначе как возможно объяснить всё происходящее? Я и раньше чувствовала себя умалишённой, но происходящее сейчас казалось чем-то совершенно не поддающимся объяснению. Думаю, где-то мне не посчастливилось сойти с намеченного пути и безумие решило взять в плен остатки здравого смысла, всё ещё сдерживающего это воплощение от погружения в пучину отчаяния.

Это было что-то, похожее на параллельную жизнь, проте-

кающую в то же время, но в другом пространстве. Мне очень нравилось такое погружение, ведь благодаря ему я приобрела что-то давно утерянное. Оно однозначно было тем самым, чего так сильно не хватало в настоящей жизни. Но это не было лишь моим приключением. Я отчётливо понимала, что помогаю чему-то внутри обрести утраченное когда-то, но и они мне в чём-то помогают.

Первый (темноволосый), и второй (практически альбинос) – появились одновременно, и это не могло быть случайным совпадением. Не думаю, что всё происходившее могло относиться к нынешней жизни. В них было что-то из прошлого, но мне как будто закрывали виденье, не позволяя узреть истину. Они оба были частичками каких-то воспоминаний, что помогали пробуждаться в реальности, но было ещё так много всего скрытого от меня. Я уверена, был ещё именно тот, воспоминание о любви к которому заставляло меня быть самым одиноким человеком во Вселенной.

Это всё было настолько правильным, что я переставала бояться новых трансформаций и знаний, а, напротив, была готова впитывать их в себя любыми доступными способами. То, что когда-то казалось обычными сновидениями, приобретало самую большую в моей жизни значимость. На этот раз я уверена, что это нечто большее.

Я была собой и ей же не являлась.

*Я, вроде бы, контролировала свою жизнь,
но именно доступа к управлению у меня и не было.*

*С каждым рассветом я всё меньше доверяла
собственному отражению, не всегда даже понимая,
кто именно в этот момент смотрит на меня.*

*Это должно было бы испугать,
но вместо этого я испытывала состояние катарсиса.*

Подскочив с кровати, я и не заметила сладко спящую рядом кошку:

– Прости, – возмущающий мурк от любимого домашнего питомца и заинтересованные глаза. – Надо кое-что сделать.

Встав на ноги, я поняла, что совершенно не контролирую тело, а затуманенное сознание превращало обычную стойку в пытку. Неужели я успела так сильно ослабнуть?

Я суетливо перебирала шкатулки и доставала наборы камней, не замечая, что везде оставляла капли крови. Вот оно! У меня оказалось всё, что было необходимо. Я ликовала. Не думала, что сохранила все эти мелочи, да и, если честно, не особо помню, откуда именно эти камни оказались в моём арсенале, ведь работать я привыкла с совершенно другими материалами. Словно подсознание без моего ведома закупило всё и отложило, спрятав в своём тайнике в ожидании момента. И этот момент наступил.

*Я понятия не имела, кто ты и что способен принести
в мою жизнь, но через ощущение твоих вибраций я стран-
ным образом научилась понимать саму себя. Твоя сакраль-
ная нежность окутала меня и заставила вспоминать по*

крупницам все те растворённые в неизбежности законов мироздания, подаренные в прошлом объятия.

Уверена, что и ты запутался во всех этих временных перипетиях и переплетениях оборванных воспоминаний из различных эпох воплощений наших душ.

Пусть моё сознание ещё и не раскрылось для тебя, но душа уже помнила свойственные лишь одному тебе вибрации.

До встречи с тобой я ощущала лишь пустоту, и только сейчас произошло осознание, что это не было никогда напрасным. Моё одиночество было закономерной необходимостью. Лишь благодаря данному жизненному этапу я в полной степени смогла осознать твою значимость. Разрушена тобой без права обрести вновь цельность, но именно в этом разрушении я и видела свою гармоничность. Спасибо тебе, что ворвался в мои сны и уничтожил все возведённые барьеры. Тебе удалось проникнуть в единственное место, где я всё ещё умела быть слабой – моё сердце.

В тот же момент я чувствовала плотное переплетение с тем незнакомцем, что явился из меня с такой мучительной болью. Мною и сейчас ощущались надрывы кожного покрова и все те раны, что сопровождали его явление. Всё это было странно, ведь ранее я никогда не сохраняла физического дискомфорта после пробуждения.

Его энергии были иными. Они ощущались более древними, и с ними меня связывало иное родство, чем то, что сплетало с тобой, мой Тёмный рыцарь. Но, вопреки всему, я хотела

познать суть его происхождения. Надо признаться, вся моя жизнь с этого момента превратилась в погоню за призрачным миром, о котором я не имела ни малейшего представления.

Переход в новый год жизни полностью уничтожил всё прошлое, которое так тяготило меня. Одно лишь воспоминание о пережитом только что покрывало тело мурашками.

Четыре часа тридцать пять минут утра.

Прошло чуть больше часа с моего погружения, а мне казалось, что я пережила целую жизнь, имеющую множество сюжетных линий. Но, главное, ещё до всего этого, мне удалось ощутить присутствие того, кто имел для меня столь высокую значимость.

Неужели он находился здесь?

ГЛАВА 2 УСЛЫШЬ МЕНЯ

*Какой бы ни пошли дорогой и образ не надели бы,
Застрали снова в междустрочиях. Изранены судьбою
мы.*

*Идём туда, где снова тленно, где нет подобия живых,
И в наших действиях поспешных теряем ход в шагах сле-
пых.*

Мы вытесняем из памяти истории, имеющие для нас когда-то значимость, стирая оглавления того, что должно было стать многостраничным рассказом. Мы как будто бы таким образом обнуляем свою жизнь. Только не пережитый в полной степени опыт едва ли способен подарить нам что-то новое. Скорее, это будет всё та же история, просто рассказанная слегка в иной интерпретации. Это добровольное создание цикличности, в которой душа будет метаться между стенами возведённой тюрьмы нерешительности.

Каждому из нас необходимо научиться доходить до логического завершения своей трансформации в прохождении даже самых сложных испытаний. Только так станет возможным вырваться из угнетающего бытия, погружающего в ужасы становления личности. Мы – подопытные Вселенных, ведь только наши энергии изменений способны преобразить вибрации и направления развития. Мы – учителя той Все-

ленной, которой принадлежим, и в чьих потоках зародились наши души.

Но насколько подобная сингулярность может поспособствовать неизведанному в череде заранее продуманных завихрений линий судьбы? Полагаю, что в подобном тандеме способно, действительно, зародиться множество прекрасного, вот только, как много жуткого проявится в результате сбоев, вызванных неповиновением?

2–1 ЧУЖИЕ НИКОГДА НЕ СТАНУТ КЕМ-ТО ВАЖНЫМ

POV: КЁННЕСЕПАН

Так много песен звучит для тебя о тебе...

Я их пишу, как безумный при свете луны.

Осколки улыбки твоей навсегда на небесном полотне

Освещают во мраке все наши пути.

Дата:

23 сентября 2023 года

– период смертного исчисления

Местоположение:

мир Праносталь, город Сеул, Южная Корея

Думаю, мы напрасно заикливаемся на тех достижениях, ради которых отказываемся от всего остального, ведь из-за лишений, недостатка обычных вещей и ценностей мы часто испытываем разочарование, и никакая победа не способна это впоследствии исправить. Отсутствие нормального детства и подросткового становления затронуло меня в полной мере, заставив повзрослеть так рано, что в свои двадцать пять я ощущал себя мужчиной лет сорока. Возможно, это

даже хорошо, учитывая, что мне предстояло пережить. Возможно, это даже правильно в контексте нынешнего возраста моей Луны. Возможно, это и вовсе не имело никакого смысла.

Я просто устал. Мы достаточно долго способны жить, существуя с обществом, при этом не впуская никого в поток своего сознания, чётко соблюдая границы душевного покоя. Это даёт нам возможность развиваться в сухом понимании хаоса безэмоционального вовлечения в процесс, просто постепенно развивая себя и навыки без барьеров, связанных с внутренним сопротивлением. Но стоит тебе только включиться эмоционально, как сразу меняется восприятие всего вокруг. Через чувства мы учимся развиваться с бешеным темпом, который не способен понять и осилить человек отстранённый.

Наверное, необходимо испробовать всю горечь и приторность любви на вкус, чтобы осознать, чего ты жаждешь больше. Мне всегда казалось, что мне будет достаточно рядом женщины, способной поддерживать меня и согревать, но с появлением Анадж оказалось, что это совершенно незначимая для меня вещь. Куда ценнее, чтобы моя женщина мотивировала, заставляя двигаться вперёд, чтобы становилась стимулом к моему развитию. Она была именно такой женщиной. Я стремился к ней всю свою жизнь, неосознанно создавая песни, посвящённые именно ей.

Я нарисовал картину собственной жизни

*под названием «всё хорошо»,
но с её появлением в моей реальности оказалось,
что у меня вообще – ничего хорошего.*

– Что случилось? – ко мне подбежала испуганная Санжа, глаза которой сейчас расширились настолько, что я оторопел от увиденного. Этот взгляд напоминал две чёрные дыры, способные затянуть в свою безграничность. – Ты... Тебе...

– Всё хорошо, – мне не нужно ничьё общество, а появление столь навязчивого незваного гостя и вовсе способно выбесить. – Ты каким образом тут оказалась?

Мне едва удавалось сдерживать гнев внутри, чтобы хоть как-то попытаться сохранить приличное лицо, столь привычное для всех. Эти совершенно никому не нужные маски, которые я был вынужден носить, стараясь казаться правильным и хорошим мальчиком в мире, где всё уже давно прогнило и приобрело статус извращённости и озабоченности. Это всё равно, что притворяться девственником среди открыто признанных грешников, прилюдно сношающихся на площадях.

– Мун попросил проверить, как ты. – она попыталась коснуться меня, но я отпрыгнул от неё, как ошпаренный.

Никогда не думал, что смогу испытывать открытое отвращение к той, которая в принципе не сделала ничего плохого. Санжа просто имела глупость любить и пытаться навязать свою любовь, не понимая, что я никогда не смогу ответить ей взаимностью.

– Мун? Или всё же моя мама? – оттолкнув её руку от себя, я пытался встать без поддержки, но это удалось не сразу. Я так сильно злился, что был готов рычать и, каждый раз кидая на ни в чём не повинную девушку яростный взгляд, чувствовал себя чудовищем. – Кажется, я уже просил тебя не вмешиваться.

– Хан... – шок во взгляде сменился тоской, а заполняющие глазницы слёзы раскрыли серый отлив не самых качественных линз.

Эта дура всё ещё пыталась называть меня так, считая, что сможет надавить на ностальгические воспоминания, когда в детстве мы звали себя семьёй, ведь обладали одинаковыми фамилиями. Думаю, уже тогда Санжа представляла себя женой, а не сестрой, каковой могла бы являться для меня, не перейди она границы.

– Мне не интересно ничего из того, что ты можешь мне предложить, – если бы я мог, то скорее всего запустил бы в неё потоком ветра, чтобы убрать с глаз, но силы стихий в этой оболочке ещё не были освоены. – Уйди!

– Почему ты так жесток со мной? – голос этой навязчивой марионетки в неконтролируемом потоке слёз звучал ещё более раздражающим.

Она и сама не понимала, что просто следовала материнской воле, которая в сговоре с моей решила, что пора соединить своих одиноких деточек, последовав старинным традициям страны, что так упорно отказывалась принимать совре-

менные правила всего остального мира.

– Потому что ты чрезмерно навязчива, Санжа. Я устал от твоих неуместных появлений, – меня выводило из себя одно только её присутствие, нервируя до дрожи в теле.

– Ты очень груб... – её надутые от обиды губы пробуждали во мне самые негативные эмоции.

– Мне плевать. Просто уйди! – я был настолько зол, что едва контролировал эмоции.

– Хан, прошу тебя, – все эти унижения, на которые эта наивная идиотка шла, выглядели настолько нелепо, что я буквально вскипал. Она пробуждала во мне самые отвратительные и мерзкие качества характера, о которых я даже не подозревал.

– Да свали ты уже! – не сдержавшись, я запустил в стену вазой, которая разбилась в десяти сантиметрах от неё. Осколки рассыпались по полу и холодным свечением отражали в себе мой равнодушный и пустой взгляд. – Исчезни из моей жизни!

– Хорошо, – меня не трогали её слёзы. – На этот раз я тебя поняла, Хан Чонин. Больше ты меня никогда не увидишь.

– Вот и славно! – я повернулся так резко, что испугал её ещё сильнее. Санжа буквально вздрагивала, словно ожидая удара. – Ключи от моего дома оставь здесь, – удивившись собственному хладнокровию я испытал ужас.

– Ты стал другим.

– Ты просто никогда не знала меня настоящего, предпочи-

тая видеть одну из масок, что каждый из нас надевает каждый день.

– А жаль, – кончики губ дрожали в попытке изобразить улыбку, – такого тебя я бы никогда не полюбила.

– Ну, вот и не люби! Я именно такой, каким являюсь сейчас.

– Я знаю, что тебе больно, Чонин. Я знаю, что ты любишь так же сильно, как и я. В том-то всё и дело. Ты просто не можешь быть с тем человеком, которого любишь.

– Нет. Мы в скором времени будем вместе. Ты когда-то решила, что твоя любовь – что-то невероятное, и позволила себе задушить этим чувством всех остальных. Мы с ней – иное. Мы любим иначе... Мы любим нашими душами.

– Ты так сильно обесценил мою к тебе любовь... – мне были не понятны все её попытки показать свои чувства.

Зачем продолжать унижаться уже зная, что ты не нужна и отвергнута? Все эти попытки надавить на жалость выглядели жалкими и лишь сильнее отвращали. Она привыкла играть в брошенного всеми котёнка, скитающегося под дождём и выпрашивающего внимания с детства, и, думаю, именно поэтому я никак не реагировал на подобные манипуляции.

– Нет, их проявление. Санжа, ты отказывалась принимать моё мнение и восприимчивость к твоим чувствам. Нельзя никого любить, требуя любви в ответ, если эта любовь безответна – это называется помешательством. Истинная любовь не требует...

– Хорошо. Я приняла твой ответ, – Санжа улыбнувшись перебила меня и несмотря на слёзы, дрожащей рукой положила ключи на ближайшую тумбу. – Хан Чонин, я больше никогда не потревожу тебя.

– Вот и славно. Прощай, Хан Санжа Ин, – произнося полное имя этой девчонки, я как будто разрывал остаточную связь.

– Прощай, Хан Чонин, – пятась назад, она переступила порог и закрыла за собой дверь.

Когда она, наконец, ушла, мне удалось почувствовать боль. Не сразу, но я вспомнил о ране, что получил в доме Анадж. Эта связь становилась такой сильной, что, казалось, я чувствовал все её эмоции. Словно она поселилась в моём сознании, став единым целым со мной.

– Я помню, как ты смотрела на меня и как сильно любила, каким взглядом одаривала, – не желая даже мгновений общения с Санжой, я с лёгкостью заговорил с той, которая не могла меня услышать. – Я любил тебя всегда. Я любил тебя любой. Для меня имела значимость лишь возможность твоей любви. Мы были всем друг для друга. Мы были единым целым. Мне никогда не стать тем, кого ты видишь на экране и кто пытается призвать тебя. Я на экране и я в жизни – это две несовместимые личности, но я буду делать всё, чтобы стать лучшей версией именно для тебя, моя Луна.

Когда-то мы все продали часть своего благополучия и свободы ради популярности в материальном мире.

Парни, у которых не было денег на рамён, сейчас думали о том, стоит ли им покупать новую модель мерседеса, ведь в доступности нечто выше по качеству и престижу. Оставаясь простыми ребятами, мы всё равно терялись в настоящем, которое не оставляло ни для одного из нас вариантов к отступлению. Наша жизнь – это цепочка бесконечных причин и следствий, которую, как и любой другой механизм, необходимо периодически смазывать. И в нашем случае, увы, обычное масло не подойдёт. Нам необходима любовь – самое сложное из всех проявлений эмоций и чувств.

2–2 ЗАМОК СЕСТЁР БОНТЕЛАНАС

POV: ДАЛТАС

*Как бы ярко Луна ни светила,
Она не способна стереть следы тьмы.
Как бы плотно тьма мир собой ни покрыла,
Ей не под силу стереть следы лунной тропы.*

Дата:

23 сентября 2023 года

– период смертного исчисления

Местоположение:

Папирусный сад сестёр Судьбы

– Я отказываюсь играть под дудку этой семейки! – Вилтас с размаху запустила в стену моим любимым рубиновым графином.

Ну вот, придётся вновь выискивать в мирах Мифисталь нечто подобное. Интересно, почему в такие моменты всегда страдают именно мои вещи? Я охотилась за этим хрупким сосудом так долго, а теперь частичка сада всадника Смерти буквально разлетелась на куски.

– У нас нет выбора, – кажется, что вместо слов вырвалось шипение. Мне до сих пор обидно за любимый графин и вино из слёз ангела лунных водопадов.

– В смысле? Мы – Сёстры судьбы! – я мысленно передразнивала истеричную сестру, но всеми силами сдерживала любое проявление эмоций.

Все мои мысли были заняты рубиновыми кристаллами, рассыпавшимися вокруг и повредившими хрустальный пол. Теперь предстояло произвести незначительные ремонтные работы, а это всегда взваливали на меня, вынуждая внутреннего перфекциониста проверять чуть ли не каждый миллиметр.

– Именно. Созданные для того, чтобы укротить эту семью и дать направление в наше совместное будущее, – всегда терпеть не могла объяснять прописные истины. – Мы были созданы гораздо раньше Верховной Луны и должны были иметь большую власть, чем нам досталась.

Мы сами виноваты. Анаджамун просто сделала то, на что остальные не решались. Смелость этой девчонки поражала тогда и восхищает до сих пор, ведь ей удалось переломить устой, выстроенный Высшими. Не без труда, но Новолуние перевернула всё с ног на голову и отстроила настолько величественное королевство, что даже наши родные творения приняли её сторону и присягнули, дав клятву, которую не способна нарушить ни одна сила.

Думаю, когда Хоуп встал на сторону Новолуния, я и при-

знала истинность власти этой девочки.

Одно из самых хрупких созданий Тримирия стала Верховной при живых Высших.

– Почему ты поддерживаешь их? – Алтас аккуратно закрыла книгу Сатху и повернулась в нашу сторону, проявив хоть какую-то заинтересованность в этом, по сути, не имеющим смысла, споре.

– Потому что они такие же наши дети. Мы – единое целое, и никто не способен этого исправить. Их судьбы неразрывны с нашими, даже Фортуна и Хоуп пошли за ней, поддерживав и вступив на путь перерождений.

– Ты сошла с ума!

Я могла понять Вилтас и её недовольство, ведь она была привязана к Удаче и Надежде так сильно, что едва не лишилась разума, когда они приняли путь сансары. Могла понять Алтас и её равнодушное восприятие всего, ведь Вера оставила нас без каких-либо объяснений и исчезла сразу после коронации Анаджамун, и никто не видел её все эти тысячелетия. Они потеряли детей, а я получила разрушенных до основания сестёр, не желающих признаваться в собственных чувствах.

– Нет. Я приняла правду. Это разные вещи, – и это было искренне. Мне удалось смириться со всем, что было создано и приобрело значимость. Димисар – великое творение могущественной королевы, и эта Вселенная будет защищена любой ценой, ведь там живут все наши дети.

– Сестра, ты позволила им управлять нами, – Вилтас звучала дружелюбней прежнего, и во мне зародилась надежда на понимание и принятие моих решений.

– Я позволила им думать, что мы на их стороне. Ни больше. Ни меньше. Я ничего не сказала, что могло бы противоречить нашей первоначальной позиции нейтралитета, – это звучало фальшиво, хоть и являлось правдой.

В глубине подсознания я понимала, что, когда придёт время, сделаю всё, что в моих силах, для изменения ситуаций, требующих моего непосредственного участия.

– Но зачем это тебе? Зачем это нам? – теперь Вилтас говорила медленно и казалась уставшей. Я знала, что она не хочет продолжать спор, но гордость не позволяла сдаться открыто.

– Только так мы останемся во вселенском уравнении.

– Сестра, ты с ума сошла. – Знакомая интонация.

Усмехаясь внутри, я ликовала.

Сестра наконец-то поняла, что у Бонтеланас хоть и нет прописанной судьбы, но иного пути тоже не существует.

– Не сошла. А вот ты, боюсь, забыла истинную принадлежность душ Анадж и Чонина. У нас нет ни одного варианта спастись самим, не спасая при этом семью Верховной луны. – На самом деле, в безобидном, пока что смертном воплощении все они напоминали скорее детей, нуждающихся в заботе и любви, чем воинов, способных повлиять на судьбу Димисар.

– Далтас, я против нашего участия в их сражениях, – Вилтас приняла облик своего молодого воплощения, и я, наконец, увидела давно забытую сине-коричневую радужку глаз. – Это никогда не было безопасным для нас.

– Не думаю, что при нынешних условиях игры у нас остаётся право выбора, – Алтас устало взялась за голову. – Мы – писари тысяч судеб, но никогда не были прописаны в судьбы наших близких, так же, как и не могли вписаны собственные судьбы. Мы – рабы, пусть того и не признаём, – в этих словах было скрыто так много боли, что будь у меня бьющееся сердце, оно точно защемило бы.

Мы всегда оставались вне основных судеб и событий.

Пока принцы стихий не сдружились с Хоупом, мы были в стороне, но после зарождения их связи что-то стало меняться, и это вовлекло нас в судьбу Верховной луны. Оно не могло быть спланировано, и стало большим шоком, поскольку разрушило привычный уклад.

– Сёстры, – я сняла маску старухи, испытав облегчение, – мы всегда держались в стороне, и это привело к тому, что единственная выжившая Вселенная может быть уничтожена. Все, кого мы знаем, либо давно исчезли, либо разбили себя на осколки, либо живут в Димисар. У нас нет другой реальности и нет иного дома, а потому мы обязаны помочь этим двум воссоединиться и спасти Димисар.

– Ты готова принять власть королевы Верховной луны?

– Если Анадж справится с условиями этого рождения, то

нам всем предстоит увидеть возрождение королевства Верховной луны. Принцы стихий уже и так нашли друг друга, а Кённе, вопреки написанному в книге Сатху, смог узнать душу Анадж. Мы уже отчасти проиграли, позволив всему этому случиться. – Интересно, почему мои сёстры отказывались замечать то, что и без усилий было различимо?

– Мы не проиграли. Разве можем мы отследить судьбы тех, кто уже или ещё не вписан в книгу?

– Ты думаешь, что мы настолько запутались из-за осколков души Калии и Тристаны?

– Осколок второго принца и всадника Смерти тоже нашли своё пристанище. Слишком много осколков в достаточно узком кругу взаимодействия.

– Когда появились осколки, я сразу понимала, что нам всё это аукнется многократно. Уже тогда мы должны были остановить эту тенденцию деления, но вместо этого допустили бардак.

– Наши судьбы связаны с каждым осколком. Что будет с нами, когда Кённесепан добьётся желаемого и освободит душу Анаджамун от влияния осколков, найдя для них пристанище? Что станет со мной, допустившей спасение этих самых душ?

– А со мной, позволившей Агрону заключить договор с Верховной Луной о своём возрождении?

– Вы напрасно боитесь того, что случиться, ведь необходимо опасаться лишь того, что этого может никогда не про-

изойти. Я жду возрождения Хаоса и верю, что оно закончит все Войны силы, поставив точку в борьбе за значимость в иерархии Тримирия и Димисар. Все пророчества уже осуществились... Все, рождённые для революции, выполняют свои функции, а та, которая возродилась для уничтожения лжи и проклятия сансары, набирается сил, чтобы исполнить своё предназначение.

– Мы слишком долго стояли в стороне... Что мы можем предпринять сейчас?

– Помочь... – знакомый мужской голос звучал взволнованно, и его появления я не ожидала.

– Принц Времени, мы не виделись уже достаточно давно. Эта эпоха тебе подходит, – он выглядел более хрупким, но при этом излучал силу такого уровня, что становилось дискомфортно в его присутствии. – Ты родился в милом теле смертного, но уже пробудил большую часть своей истинной души. Интересно.

– Мне пока что не удалось вернуть душе прежний уровень, – Кёнифан был сосредоточен и уверен в себе.

Надо признать, что выбранные для них тела выглядели привлекательно и статусно. Вся эта утончённость и грациозность, которой они были наделены, вызывала восхищение и напоминала их первые воплощения, которые, безусловно, сложно было скрывать за этими масками смертных оболочек.

– Сагн возродится в тебе, не сомневайся.

– Я полагаю, вам известны необходимые для этого условия, не так ли, Сёстры судьбы?

– Думаю, условия пробуждения Верховных стихий известны и тебе самому, принц Времени. Королевство Верховной луны стало основой иерархии Димисар, зародив Вселенную в том виде, к которому мы все привыкли.

– Полагаю, мы с братьями устали от бесконечных сражений и стали забывать. В памяти всё меньше важных деталей.

– Принц Времени, при перерождениях воспоминания и вовсе не должны возвращаться. В этом и суть вашего проклятья, но вы даже здесь смогли обыграть влияние судьбы. То, что вы помните... То, что вы вспоминаете... То, к чему стремитесь... Те, кого так сильно любите... Вы уже на несколько шагов впереди.

– Как можем мы быть впереди, если бессильны даже в обретении желаемого? Мы – как маленькие дети, стремящиеся найти утерянный комфорт родных объятий.

– Позволь мне кое-что показать тебе, принц Времени, – спускаясь с пьедестала, я подала сёстрам знак, чтобы они оставались на месте. – Когда королевство Верховной луны было разрушено, мы с сёстрами сохранили некоторые элементы, долетевшие в нашу атмосферу, – этот коридор казался таким забытым, но ведь мы сами предпочитали избегать этих воспоминаний. Когда-то мы сокрыли тут все остаточные упоминания о прекрасной эпохе процветающего царства, выстроенного на силе, боли, крови и слезах внуков все-

ленной Димисар. Великая семья, затерявшаяся среди собственных страхов и застрявшая в плену Проклятия Сансари¹. – Теперь наш дом чем-то напоминает музей, посвящённый вашему правлению.

– Не думал, что увижу когда-то остатки дома ещё раз, – Кёни касался картин, обломков хрустальных дверей и скульптур. Казалось, он нарочно сдерживал улыбку, опасаясь испытать давно позабытые чувства. – Не может быть... – принц Времени застыл у короны королевы Верховной луны. Я видела, как на его глазах проявились слёзы. – Амун.

¹ . Проклятье Сансари | проклятье сансары – это проклятье возложенное на семью Верховной луны, потомком по имени Сансари, отвечающей за перерождение душ и зародившей реинкарнацию.

2–3 ВЕРХОВНАЯ ЛУНА

POV: КЁНИФАН

Я был готов склонить колено,

Признав величие единственной достойной сестры на трон.

Мы так стремились закрепить всю власть за ней надёжно,

Что просчитались в мелочах, таких как плата и урон.

Дата:

342 тысячелетие (год 657) до Эпохи Димисар

Местоположение:

Тримирие, королевство Верховной луны

– Ваше Высочество, – вспотевшая Динь подбежала так быстро, что я растерялся, – все ждут только вас. – Розовато-фиолетовые пряди волос выбились из причёски и частично перекрывали лицо.

Она склонила голову, выражая своё почтение, но я мог лишь ощущать беспокойство и исходившие от неё энергии волнения.

– Прошу прощения, – меня смутило напряжённое поведение этой девочки, – у меня было важное поручение. – Она так часто дышала, что становилось боязно за её физическое

состояние.

– Не говорите ничего, прошу... – её пугливость настояраживала, но хотелось верить, что это было проявлением нервозности. Лиловые глаза быстро осмотрели меня, словно оценивая готовность внешнего вида к церемонии, что уже начиналась.

Я просто пошёл за Динь, которая так поспешно перебирала ногами, что напоминала неопытную феечку. Я не был в замке уже несколько недель, а видеть его настолько украшенным не доводилось и вовсе. Со всех сторон свисали разноцветные глицинии, пропитывая своим нежным ароматом ещё холодный и не обжитый замок.

Нам надо было остаться всем вместе здесь, а не разбегаться по трём мирам. Так бы у всех было больше возможности оберегать королевство Верховной луны и, возможно, при таком раскладе Анаджамун не пришлось бы надевать эту тяжёлую корону. Она бы смогла побыть обычной принцессой, не познав тягот ответственности такого масштаба.

Мы подошли к тронному залу, и всё, что меня отделяло от той, за кем я успел истосковаться – трёхметровые алмазные створки острых дверей, созданных из остаточных энергий Хаоса в знак благословения эпохи правления Новолуния.

Что ж... Толкнув холодный камень, я замер.

Анаджамун стояла у трона, созданного из тысяч хрустальных осколков, собранных в садах Белой луны и лунного кам-

ня, специально возвращённого королевством Стихий. Не думал, что эта конструкция получится настолько прекрасной и столь пугающей одновременно, ведь все эти осколки были рваных форм и казались острыми. Мне хотелось увести Новолуние подальше от этого устрашающего строения, но это было проявление иного страха – я не хотел её восхождения на трон, ведь боялся того, что принесёт за собой это действие.

– Наконец-то! – Кённе встретил меня у входа в зал и, схватив за руку, потянул за собой. Он был взволнован, но других эмоций не считывалось.

Я действительно опоздал. Все уже собрались и в нарядных костюмах и платьях занимали свои места на ступенях. Семь ступеней – семь уровней приближённости к королеве Верховной луны. Увидев меня, присутствующие почтительно кивнули и улыбнулись, но я видел только грустные глаза Анаджамун. Она смотрела на нас с Кённе, поднимающихся к ней, и едва заметно улыбалась, но мне было хорошо знакомо это её выражение лица. Каждый шаг к ней отображался порцией свинца в ногах, делая движения невыносимо тяжёлыми.

– Мои принцы, – Новолуние слегка склонила голову, когда мы поравнялись с ней, и взяла наши руки в свои. – Вы всегда будете стоять по левую, – она улыбнулась Кённе, – и по правую стороны... – улыбка мне и слезинка, скатившаяся по щеке, заставили вздрогнуть, – ...от меня, являясь моими

крыльями.

– Моя королева, – склонившись, я поцеловал холодную руку. Её тонкие пальцы дрожали, и это состояние начинало пугать. – Мы прошли вместе ни одно сражение, а через сколько ещё нам предстоит пройти, не способен предугадать никто. Даже Сёстры судьбы не могут предсказать, как много всего мы преодолеем в будущем. Но это всё не имеет никакого значения, ведь ты можешь быть уверена в одном – я всегда найду способ быть рядом и, совершенно точно, не остановлюсь ни перед чем, чтобы защитить тебя, Амун. Для того, чтобы призвать меня, тебе необходимо просто позвать. Помни, что я – твоё правое крыло, и, какие бы ранения мы не пережили, я всегда буду касаться твоего плеча и поддерживать, чтобы обрести власть над временем и взять событийность под контроль. Чем бы ни обернулось для всех нас возвышение Верховной луны над Тримирием, ты всегда будешь сильнее всех, и только ты будешь способна вести нас за собой, ведь мы всецело вручаем тебе контроль над нашими судьбами. Я – твоё личное время, которое никогда не остановится и сделает тебя воистину бессмертным духом, не прекратившим своё существование ни в одном из измерений, миров и созданных Вселенных. Ты – моё заземление, не позволяющее затеряться в вариациях настоящего, прошлого и будущего. Сегодня я даю клятву своему другу, своей сестре, своей родственной душе, – так хотелось сказать что-то более значимое, но я не мог подобрать слов – своей королеве. Ты –

всё и ты – единство всего. Я клянусь, что в любом своём состоянии всегда найду дороги к тебе и помогу тебе найти свой истинный путь, не позволив отклониться от верной траектории. Да здравствует Верховная Луна! – поцеловав её руку в этот раз я ощутил тепло. Новолуние начала успокаиваться. Выдохнув с облегчением, я встал по правую сторону от моей королевы.

– Да здравствует Верховная Луна!

– Моя королева, – старший брат взял руку Новолуния и едва заметно улыбнулся, – я клянусь, что буду с тобой вопреки всему, что встанет на пути. Вне времени и вне пространства я всегда буду тем, кто поддержит и передаст все необходимые тебе знания, материалы и средства. Ты всегда сможешь услышать мой голос и увидеть образ, лишь стоит тебе этого захотеть, и даже если нас разделят по разным мирам и жизням, помни, что я – твоё левое крыло. Анаджамун, тебе просто нужно повернуть голову в мою сторону. Моя Жизнь, – Кённе встал на колени, и мне сразу же передалось всё его волнение – королева, моё будущее и моё единственное настоящее, ты стала для меня всем, что позволяет мне быть мной. Ни принцем Воды. Ни королём трона Стихий. Ни воином. Ни старшим братом и ни сыном, на которого возложили так много того, к чему я не был готов. Ты сделала меня мной. Ты показала, кем я являюсь и кем могу быть. Ты стала путеводной звездой, которая всегда указывает истинный путь, и я всегда буду продолжать стремиться к твоему свету,

ведь ты единственная способна сиять столь ярко. Клянусь, что научусь под стать тебе отдавать всего себя во благо тех, кто нуждается в тепле и заботе. Клянусь, что всегда буду понимать поступки других, а не судить и обвинять. Ты научила меня многому, и я обещаю, что буду делиться этими знаниями с теми, кто готов их принимать. Ты всегда найдёшь меня по левую сторону от тебя, держащим твою руку и излечивающим раны. Я всегда буду частичкой твоей души, как и ты – частью моей. Эта связь не исчезнет, несмотря на возражения Высших и их попытки отстранить нас друг от друга. Мы – единое целое, так или иначе, притягивающиеся в любом воплощении и на любом уровне вибраций, в любом измерении и при любых обстоятельствах. Я клянусь, что никогда не сдамся и не позволю сдать себя тебе. Я клянусь, что никогда не потеряю веру и не остановлюсь, ведь знаю, что ты поступишь так же. Да здравствует Верховная Луна!

На глазах брата блестели слёзы, которые ему удавалось сдерживать, но, находясь рядом с ними, казалось, что все мы лишние на этом празднике и только их сердца бьются в унисон. Возможно, так оно и было, ведь я чувствовал ускоренное сердцебиение этих двоих. Их энергии при соприкосновении образовывали нечто невероятное и неопишное, но главное то, как они чувствовали друг друга... Думаю, даже если их раскидают по разным концам Вселенной, они с лёгкостью почувствуют один другого. Их притяжение сбивало с толку.

– Да здравствует Верховная Луна!

– Моя королева, – Карийосити первый склонил колено и голову, – как принц Воздуха я клянусь быть всегда тем, кто станет поддержкой и окажется рядом, даже если будет находиться совершенно в другом месте. Одна часть меня всегда будет с тобой, даже если другая уже не имеет физического воплощения. Я всегда найду способ насытить тебя энергией и кислородом, чтобы ты могла сиять. Ты стала той, кто объединил разрозненных и отстранённых друг от друга мальчишек, превратив нас в истинных правителей и представителей своих стихий. Я всегда, как и все мы, буду благодарен тебе за это. Ты в любое время сможешь почувствовать меня в дуновении ветра и в частичке печати, что мы с братьями сделали для тебя. – Карий протянул Анаджамун широкий браслет, сплетённый из наших печатей стихий. Это украшение он задумал ещё в первые дни сотворения Верховной луны. – Мы навсегда едины, и мы навсегда с тобой. – Амун приняла браслет, и в этот миг её энергетика мощными волнами и яркими вспышками заполнила тронный зал. Кённе помог королеве защёлкнуть застёжку, и браслет сразу же проник в кожу, превратившись в едва заметный узор. В это мгновение я почувствовал, как всех нас связала золотая энергетическая цепь. – Моя королева, моя сестра, помни о том, что у тебя есть шесть братьев, готовых ради тебя на всё, и которые ни перед чем не остановятся ради твоего счастья. Да здравствует Верховная Луна!

– Да здравствует Верховная Луна!

– Моя королева, – к коленопреклонённому Карийосити присоединился Кайонамфер, который выглядел таким растерянным, что я автоматически пытался понять, что послужило причиной этого, – с первых дней моей жизни я уже слышал о твоём величии и доброте, спасающей обездоленных, и щедрости, насыщающей нуждающихся. Даже не являясь полноправным правителем, ты делала так много, что заслужила уважение подданных не только королевства Белой луны, но и королевства Стихий, которое ты окрасила новыми оттенками и подарила каждому из нас надежду и веру. Ты скрепила то, что не хотело быть вместе, и научила стихии пониманию и сочувствию. Я клянусь, что навсегда буду гореть для тебя и освещать любую тьму, что окутывает тебя. Где бы ты и в какой местности ни была, я найду способ и разгорюсь для тебя даже на водной глади. – Малой красиво намекнул на старшего брата, но Кённе и так знал, что его Луну любили несколько братьев, и он был готов причинять эту боль, ведь в подобном соревновании не могло быть никакого сочувствия к другим. – Я клянусь, что защищу, согрею и выведу из самой глубокой и тягучей темноты. Ты – навсегда единственная королева, признанная моим сердцем и душой. Да здравствует Верховная Луна!

– Да здравствует Верховная Луна!

Как же мы все повязли, и после этих клятв уже ничто нас не разделит, ведь мы буквально переплетали души, и тот

факт, что вокруг выстраивалась новая реальность, немного пугал, ведь никто не мог предугадать, где мы окажемся и чем выльются все эти клятвы. Одно я понимал отчётливо – настоящее, будущее и петли прошлого для нашей семёрки будут переплетены навечно. Мы никогда не сможем разделиться, не испытав боли, и даже в беспомощности будем тянуться познать друг друга.

– Моя королева, – Кёррифер настолько резко склонился, что от неожиданности я вздрогнул. – Я никогда не смогу познать иной мудрости, кроме той, что насыщает меня благодаря тебе. Ты стала моим учителем, другом, сестрой и... – он запнулся, – частью души. Я клянусь, что последую твоему примеру и, став последователем твоей истины, покажу всем, как важно видеть красоту во всём, что нас окружает, и насколько необходимо находить самовыражение в творчестве. Я клянусь, что буду нести через всю жизнь своей души память о том, кем ты стала для меня и моих братьев. Я всегда найду тысячи дорог, чтобы прийти к твоей душе, в каком бы воплощении и виде она ни находилась. Я всегда буду тем, кто поможет тебе найти истину и выйти из любого лабиринта, даже если ты добровольно заключишь себя в этот плен. Ты создала так много нового, что изменила нынешнее восприятие мира, и я всегда буду стоять рядом, помогая и в будущем тебе трансформировать нашу реальность. Даже если когда-то я посмею с тобой в чём-то не согласиться, я всё равно буду оставаться рядом и поддерживать. Да здравствует

Верховная Луна!

– Да здравствует Верховная Луна!

– Моя королева, – Кафинер был завершающим на втором уровне приближённости, и то, насколько серьёзным он был в данную минуту, вызывало гордость, – я стал твоим физическим щитом, как когда-то ты стала моим энергетическим. Это останется неизменным, чем бы ни обернулись наши жизни. Не знаю, почему ты выбрала именно меня, но я с честью буду нести эту миссию, являясь воплощением того, что ты пожелаешь. Мы связаны на уровне вибраций, и я клянусь, что буду защищать тебя от всех невзгод и неприятностей, которые будут взвалены на твои плечи извне, и даже тех, которыми ты сама наградишь себя. Я знаю тебя и твои желания, а потому лучше всех понимаю груз ответственности, возложенный на тебя с этого момента. – Я и забыл, что они переплели свои энергии в момент атаки замка Белой луны. – А потому, целью моего существования становится оберегание твоей души и её защита любой ценой. Куда бы ты ни пошла и где ни оказалась, я всегда найду способ оказаться рядом и закрыть тебя, обернувшись щитом. Я клянусь быть твоей опорой и барьером от невзгод. Я клянусь стать фундаментом любого твоего творения. Да здравствует Верховная Луна!

– Да здравствует Верховная Луна!

Второй ярус засиял голубо-жёлтым свечением, соединяя четырёх братьев и переплетая энергии, которые, объединившись тонкими нитями, потянулись к Анаджамун. Шестеро

из нас теперь навсегда соединили свои души с этой девчонкой, осмелившейся взять на себя ответственность за Три-мирие, в то время как остальные пытались удержать власть лишь в своём мире.

Я всегда поражался силе характера и смелости, которой была наделена её душа. Она не была старшей, не была единственной и не являлась самой могущественной, но она стала той, которая в одиночку смогла объединить всех, сделав нас непобедимыми.

Воистину – Верховная Луна!

2–4 САД БОНТЕЛАНАС

POV: КЁНИФАН

*Всё опять совершенно точно повторится.
Следуя судьбе, мы идём на свет.
Что предначертано, то и случится,
Ведь за любым вопросом доносится ответ.*

Дата:

23 сентября 2023 года

– период смертного исчисления

Местоположение:

Папирусный сад сестёр Судьбы

Холодный ветер обдувал со всех сторон, заставляя вздрагивать от каждого нового порыва. Странно, но я даже и не заметил, когда мы вышли в Папирусный сад. Всё вокруг имело пастельные тона, а множественные папирусы образовывали цветы необычных форм. Редко кому позволяли увидеть Папирусный сад Сестёр судьбы, и я был горд тем, что меня впустили сюда. Едва ли это сейчас имело какую-то значимость, ведь воспоминания о коронации настолько взбудоражили сознание, что я напоминал наркомана. Клянусь, я чувствовал, как мои зрачки расширились, а сердце вырывалось,

словно ему было тесно в грудной клетке. Это было пугающим чувством.

– Ты вспомнил клятвы, что были даны каждым из вас? – Далтас хорошо понимала моё состояние и выглядела обеспокоенной. – Теперь ты понимаешь, насколько сильно то единство, что вы по непониманию создали тогда? Стоит одному из вас пробудиться, все остальные мгновенно притягиваются и начинают ощущать знакомые вибрации силы. Именно это и произошло с вами в момент создания группы, – я уже смог догадаться о способах и условиях нашего пробуждения, но не думал, что хотел их принимать.

– Если честно, – слова с болью скользили по горлу, словно несколько лезвий прокладывали тонкие дорожки, – сейчас мне многое стало понятно. – Я хотел сказать совершенно другое. Я хотел кричать от собственной беспомощности. Мне хотелось разорвать своё лицо, чтобы никогда более не видеть в отражении того, кто уже тогда отказался от всего, что так сильно любил.

– Мне знакома твоя боль.

– Я не понимаю... Почему я вспомнил все перерождения и, собственно, все события жизни принца Времени, но клятва возродилась в воспоминаниях лишь сейчас?

– Разве ты забыл?

– Забыл что?

– Анадж исполнилось тридцать три года и началось её восхождение. Принц Воды уже рядом. – эта фраза, подобно се-

ребрянному кинжалу, проткнула сердце, застряв в нём и отравив холодным металлом.

Я совершенно забыл, что не один я в этом воплощении мог всё вспомнить. Пусть мы никогда и не говорили друг с другом о воспоминаниях, возможно, опасаясь реакции, мы писали тексты о ней. Мы уже несколько лет пели о ней и для неё, но скрывали это, прикрываясь любовью к фандому.

Идиот! Как я мог упустить такой важный момент?

Чонин уже месяца два вёл себя как совершенно другой человек. Значит он смог её найти раньше меня. Ему удалось понять, в ком сокрыта душа Новолуния... Усмехаясь, я едва сдерживал слёзы. Это знание способно лишь усиливать душевную рану, и я не мог представить, что способно уменьшить эту боль.

– Ты в порядке? – думаю, я не ожидал от Далтас проявления заботы и такой открытой демонстрации эмоций. Мы так привыкли видеть сестёр суровыми и отстранёнными, а они были матерями тоже... Ну, в доступном для них понимании данного определения.

– Я... – только было собрался ответить, как меня схватили за ворот и потянули на себя, едва позволив устоять на ногах.

– Какого чёрта ты припёрся сюда! – разъярённый Мун буквально искрил яростью и дышал так часто, что казалось, он в любой момент ударит меня.

– Прости, – рядом в синем свечении материализовался Кёомэ, – я не смог его остановить.

Парень растерянно искал в моём удивлённом взгляде прощения, но я не был зол. Напротив, думаю, именно появление Муна было ожидаемо. Он запретил вмешиваться в её жизнь, полагая, что я послушаю эти наставления лишь из-за того, что он являлся старшим в нынешнем рождении, что, конечно же, являлось не имеющей значения условностью.

– Ты думал, что я ещё не понял твоей фишки со сном? Надо идиотом быть, чтобы не догадаться о твоих путешествиях, – таким злым я не видел его очень давно, но, как ни странно, хорошо понимал причину такой реакции. Он переживал, что, будучи не пробуждённым, я мог застрять в одном из состояний, так и не вернувшись в тело.

– Я не думал об этом вообще, – зачем-то я начинал дерзить.

Это защитная реакция и привычная манера поведения, позволившая мне стать тем человеком, которого в Праносталь знали многие, и практически никем в Тримирии, превратившись для нынешнего поколения Сагнитов в историю.

– Да как можно быть таким иррациональным идиотом? Как ты мог поступить так опрометчиво? – Мун сомкнул руки на груди, словно успокаиваясь.

– Ребят, не надо ругаться, – Хёнки выглядел растерянным. Меня всегда смущало, когда этот высоченный парень с тонкими чертами лица превращался в неуверенного в себе ребёнка.

– Не выгораживай его, – лидер явно не хотел идти на по-

воду нашей опрометчивости, всем своим видом показывая, как сильно был разочарован происходящим. Интересно, он будет припоминать моё непослушание теперь при каждом удобном случае?

– Хоуп, ты пришёл... – на Далтас было невыносимо смотреть. Я не думал, что когда-то смогу лично увидеть трясущегося Высшего и чувствовать на собственной коже вибрации от этого волнения. – Как ты?

– Я? Думаю, хорошо. Сейчас уже всё хорошо, – Хёнки так сильно растерялся, что едва выговаривал слова. Бонтеланас были создателями Надежды, но никто из них так и не смог, или не захотел, стать родителем. – У нас с парнями вполне успешная группа, но, думаю, эту часть моей судьбы ты хорошо знаешь.

– Знаю и искренне горжусь тобой.

– Не думал, что гордость за кого-то имеет место быть в нашей семейке.

– Ты считаешь нас настолько эгоистичными и безразличными?

– Да, считаю.

– Мне жаль, что у тебя сложилось такое мнение.

– Мы оставим вас, – становилось неловко быть свидетелем подобного разговора, ведь этим двоим многое предстояло обсудить.

Я коснулся плеча Муна и, на удивление, не испытал никакой неприязни или агрессии.

– Мы подождём тебя у озера Мудрости, – он понимающе посмотрел на Хёнки и перевёл взгляд на меня, едва заметно кивнув.

Думаю, Хёнки не ожидал, что ему придётся разговаривать с Далтас, и даже не думал, куда именно перемещается, ведь первостепенной задачей была попытка остановить Мунна. Мы аккуратно ступали по хрупкой земле Папирусного сада, словно опасаясь помять бумажную брусчатку. Смешно, как человеческое восприятие жизни уже одерживало верх над хорошо известными нам правилами миров, через которые мы привыкли перемещаться, и которые сами же когда-то и отстроили. Это ведь никогда не было даже подобием бумаги. Когда создавался сад Бонтеланас, были использованы магические, не поддающиеся никакому воздействию листы Вечного древа жизни Хаоса и, естественно, им невозможно навредить ни одним известным нам способом.

– Осторожно ступай по кромке воспоминаний, не торопи того, что и так вскоре собьёт тебя с ног, уничтожив почву под ногами, – Мун замедлил шаг, наслаждаясь закатом трёх лун, окрасившим небо в трицветие когда-то родных нам миров.

– Мы привыкли жить в незначительном проценте от нашего максимума, брат. Вдыхая еле уловимый запах чувств, мы совершенно забыли всю гамму отвоёванных когда-то в боях эмоций. – Думаю, мы просто устали истощать свою истинную сущность, не понимая в каком направлении двигаться, чтобы обезопасить пробуждение и возрождение Верхов-

ной Луны.

– Давно мы не говорили друг с другом и не погружались в мысли о счастливых мгновениях той нашей жизни, которые окутывают мягким облаком ностальгии... – Мун усмехнулся и повернулся ко мне. Его глаза передавали все оттенки неба, и это делало его таким мистическим, что я невольно вздрогнул, вспомнив наше прошлое в королевстве Стихий.

– Только в такие мгновения мы особо остро способны понять, что ничто не уходит бесследно... Я ни о чём не жалею, ведь всё осталось сохранено в сокровенных уголках души. Мы не забыли ничего по-настоящему. Мы лишь позволили памяти тихонько затаиться, чтобы выждать необходимое время и обезопасить неокрепший разум, – какое-то время я пытался понять, являлась ли эта речь попыткой обмануться, но понимал, что я был уверен во всём сказанном. Я помнил Новолуние и помнил все события, связанные с Верховной луной, все принятые решения и все сделанные выводы. Нет, это всё было правдой. Я не сумасшедший, который создал фантастический мир, чтобы избежать суровой реальности.

– Прости, что был так резок с тобой, – Мун внимательно изучал узоры, создаваемые на небе вспышками Тёмной луны. – Мы не так-то и давно смогли понять, что с нами происходит. Признаться, меня до сих пор пугает вся эта масштабность. С самого детства я видел прекрасные красочные сны о мире, оказавшемся нашим домом. Эти воспоминания иногда

возвращались стайкой мыслей, окутывая лёгкой грустью, а иногда парализовали, не позволяя шевелиться. Я до сих пор помню тот случай на концерте, когда думал, что уже никогда не смогу встать. Это страшно. Это опасно. Это способно уничтожить нынешних нас, но по иронии судьбы эти «мы» существуем лишь для того, чтобы быть уничтоженными во имя высшей цели.

– Я хорошо тебя понимаю. Не один ты испытываешь столь смешанные чувства. Мы с головой погрязли в том, что всё ещё не до конца способны понять. Я был рад проснуться однажды с щемящей в сердце радостью и пониманием того, что мы всё помним. Но тогда же я и осознал, что всё, созданное нами в этой жизни, не имеет значения. Вся эта жизнь, все пережитые трудности и вся та адская боль – ничто. Мы просто сделали необходимое для того, чтобы иметь возможность вспомнить то, что и так навсегда живёт в нас.

– Думаю, нам пора всем открыто поговорить о том, что каждый из нас вспомнил.

– Это не имеет смысла, – всё ещё не хотелось признавать этот факт, а ещё меньше я желал проговаривать подобное вслух. – Чонин уже нашёл её.

– Что? – увидеть второй раз за день разъярённого и испуганного Муна было пугающей роскошью. – Я не понимаю.

– Глупо было забывать о том, что эти двое всегда находили путь друг к другу.

– Да, ты прав. Это было настоящей глупостью.

Очередное молчание.

Очередная пугающая тишина перед бурей, которая совсем скоро уничтожит нашу прочную дружескую связь данного рождения, вернув братское единение тех, кто не умел ценить подобный дар. Эта жизнь сделала нас братьями, собрав из разных уголков страны, которая когда-то появилась в мире людей, созданном нашим кровным братским единением прошлого воплощения.

Всё так просто и одновременно так сильно запутано, что хотелось в гневе разорвать кожу и оголить нутро, которое не должно показываться смертному миру. Вся наша смертная жизнь этого рождения была гонкой на вершину, с которой мы с трудом научились смотреть на не принимающий нас мир, а теперь нам предстояло самое страшное – научиться смотреть вверх, всё ещё оставаясь недостойными уже более значимого мира. Вечно всеми отвергнутая семёрка, создавшая такие же никому не нужные творения. Смешно от всей абсурдности данной ситуации.

– Нам нельзя говорить Чимми, – Мун резко повернулся ко мне, и я заметил, как мелкие хрусталики катились по его щекам. – Ему пришлось пережить так много всего в этой жизни, что он может не выдержать ложной надежды на воссоединение.

– Знаю и полностью согласен с этим. Пока мы во всём не разберёмся и не поймём, как правильнее будет поступить, оставим всё происходящее между нами. – Закат Тримирия

практически утратил свои краски, и лишь Тёмная луна продолжала пускать изумрудные волны, по всей видимости создавая очередных бездушных существ.

2–5 КЛЯТВАМИ СКРЕПЛЁННЫЕ

POV: КЁОМЭ

*А что, если мы, упав с вершины, разобьёмся,
Так и не познав на вкус признание заслуг?
Что, если в своих клятвах ошибёмся,
В безмолвном страхе потеряв ещё и слух?*

Дата:

342 тысячелетие (год 657) до Эпохи Димисар

Местоположение:

Тримирие, королевство Верховной луны

Я всегда восхищался принцами стихий и тем королевством, что братья смогли создать. Помню, как и сам мечтал стать одним из них, чтобы обрести то, чего никогда не имел – семью. Жаль, что Кунейосити оставил нас, но уверен, что у него были на то весомые причины.

– Моя королева, – из нашей семёрки третьего яруса Йе-ниус первым решился заговорить, и когда склонил колено, от него мгновенно пошли энергетические волны, связывающие всех нас между собой, – я был создан благодаря тебе, и моя преданность будет лишь возрастать. Никогда не померкнет сила, дарованная тобой, как и навыки, приобретён-

ные во имя твоего вознесения. Клянусь, что буду твоей опорой и всегда материализуюсь рядом, когда буду необходим, ведь соединяющее нас зерно силы притянет меня к тебе в любой жизни и воплощении. Я всегда почувствую тебя. Я всегда узнаю тебя. – Его трясло, но я не понимал из-за чего. – Есть близкие и чужие; есть важные и совершенно не имеющие значения; есть те, кто косвенно идёт с нами по жизни, не особо влияя на события, но, тем не менее, присутствуя по неким причинам; есть приходящие и уходящие; есть те, кто приближается настолько, что меняется полностью весь ход событий, переворачивая всё с ног на голову, – Йен посмотрел на Новолуние и троицу рядом с королевой. Этот взгляд изумрудных глаз был способен растопить сердце любого, но сейчас он как будто бы умолял их сражаться за то, что они имели. – Одни за мгновение оставят штамп на сердце, другие, присутствуя тысячелетиями рядом, не затронут ни единой струнки души. Никогда невозможно предугадать, кто, в конце концов, останется рядом, ведь даже самые близкие способны отпустить нашу руку оказавшись на краю обрыва. Но на этом же месте может оказаться незнакомец, который подаст руку и отведёт от опасности. Можно идти по одной дороге долгие годы, но смотреть в разные стороны, а можно идти разными дорогами, но внезапно сойтись на перекрёстке судеб. Никому, даже Высшим, не дано узнать, что произойдёт, и даже Бонтеланас не способны сказать, что нам всем уготовано. Все мы – странники, тесно или частично связан-

ные друг с другом в переплетении судеб. Все мы – творцы своего настоящего и создатели незримого будущего. Я клянусь тебе, Верховная Луна, что выполню все функции, возложенные на меня. Я – тот, кто навсегда останется всем и ничем для тебя одновременно, ведь только так ты сможешь обрести меня в любом своём проявлении. Ты – моя истинная и единственная королева. Да здравствует Верховная Луна!

– Да здравствует Верховная Луна!

Клятва Йениуса тронула меня до глубины души. Почему-то эти слова казались сейчас такими важными и значимыми, что я и сам был готов полностью переосмысливать свои приоритеты.

– Моя королева, моя сестра, – Арсан с улыбкой склонила голову, а после – и колено, – моя мать. Ты являешься для меня всем, ведь так сложилось, что именно тебе удалось окутать всех теплом и заботой, подарив всё то, чего тебя самую лишили. Ты так рано повзрослела, и когда я родилась, то узнала тебя как человека чести, доблести и отваги. Ты подарила всем нам трепетную заботу. Когда о тебе заботятся, то возникает ощущение, что твоё сердце завёрнуто в лунное одеяло, являющееся одновременно и бронёй и самым мягким успокоительным. – За Голубую луну я переживал сильнее всего, ведь Анаджамун была ей, пусть и не физической, но истинной, матерью, ради которой мелкая была готова на всё. – Только ты умеешь заглянуть в душу так, чтобы не встревожить своим вмешательством, а подарить умиротво-

рение. Я клянусь, что пройду с тобой через все необходимые испытания и сделаю всё возможное для твоего комфорта и здоровья. Твоё место – на вершине любой иерархии. Ты и есть – вершина всего, что имеет значимость. Новолуние, сотворившее новую реальность для каждого здесь присутствующего, – на глазах Арсан блеснули слёзы. Мне хотелось подбежать к ней и поддержать, но я не имел права покинуть своё место. – Анаджамун, я клянусь, что всегда найду способ принести магию в тот мир, что ты решишь благословить своим присутствием. Являясь редким природным явлением, я заключу в свои визиты максимальную силу и в моменты восхода Голубой луны все здесь находящиеся будут наиболее остро ощущать присутствие друг друга. Я стану вашим маяком, и в моём свете все мы будем притягиваться друг к другу вне времени и пространства. Моя королева, знай: несмотря на то, что я самая младшая, во мне – твой дух и твоя сила, а потому позволь защищать тебя. Ты – моя путеводная звезда, и я сделаю всё возможное, чтобы озарить твои дороги. Да здравствует Верховная Луна!

– Да здравствует Верховная Луна!

– Моя королева, – Викалия вступила, не дожидаясь замолкания голосов, – я пришла в этот мир, не зная того, чем должна являться. Заря появляется на рассвете, и она же встречает закат. Ты помогла мне познать все грани дарованных мне способностей и научила управлять энергиями, о которых я не имела ни малейшего представления. Никогда не

понимала, где ты находила в себе силы заботиться о нас и воспитывать, заменяя родителей. Лишь благодаря тебе мы с сёстрами познали разнообразие чувств и эмоций. Мы не были потерянными и чувствующими себя ущербными именно потому, что ты взяла за каждую из нас полную ответственность. Я клянусь, что буду твоим заревом вопреки любым обстоятельствам. Ты всегда увидишь меня в красно-оранжевом отблеске закатов и рассветов. Каждый раз становясь с тобой единым, в эти мгновения я буду наполнять тебя силой. Прими мою клятву, Верховная Луна, и надели способностью узнавать тебя в любом обличии, чтобы иметь возможность опережать любые неприятности. – Её красные волосы хаотично спали на плечи, прикрыв часть лица, а рубиновые радужки умоляюще смотрели на Верховную Луну. – Я стану светящей звездой для каждого, кто пожелает познать истину, и никогда не погасну. Я клянусь появляться в жизни каждого здесь присутствующего в моменты необходимости и становиться связывающей всех нас красной нитью, несущей в себе функцию соединения. Единое никогда не станет чужим. Единое всегда обретёт утерянные части себя и воссоздаст цельность. Ты – наше единение. Да здравствует Верховная Луна!

– Да здравствует Верховная Луна!

Кённе сжимал руку Анаджамун с такой силой, что это становилось заметно. С каждой клятвой Новолуние, Кённесепан и Кёнифан впитывали в себя новые энергии, и это пере-

полняло их, увеличивая силы в реальном времени. Думаю, все мы сейчас за них переживали, ведь это был один из опаснейших этапов – мы создавали то, чего никогда ранее не существовало.

Мы все были слепыми в понимании нашего творения и доверялись лишь ощущениям, нащупывая необходимые вибрации.

Замок Верховной луны постепенно окрашивался в оттенки голубого и розового, создавая в своих хаотичных соединениях приятные глазу цвета. Сложно даже представить, как много минут мы находились здесь, ведь внутри замка для всех нас ход времени потерял значение.

– Моя королева, – Стрисас широко улыбалась и казалась такой счастливой, – спасибо, что всегда была нашим всем и тем, что становилось значимым. Я стала закатом и по незнанию принесла за собой множество неприятностей и боли, которую никогда не пожелала бы никому испытать. Ты единственная была рядом, когда меня ломало как физически, так и эмоционально, помогая принять истинную сущность. Каждый вечер мне приходится умирать, забирая за собой этот день со всеми его невзгодами и моментами счастья, погружая всех в неизвестность перед ночью. Именно ты возрождаешь меня в каждую полночь, позволяя жить полноценной жизнью ещё одни сутки. Ты помогла мне не стать бездушным разрушением и стала истинной матерью, являясь лишь сестрой по праву рождения. Спасибо тебе, Анаджамун, что

уберегла меня и Тримирие от той силы, что сокрыта внутри меня. Я клянусь, что буду способствовать уничтожению всех тягот, которые тебе придётся переживать в различные жизненные этапы. Ты учишь всех нас быть лучше и принимать решения во благо мира, а не личных интересов. Только благодаря тебе большинство Сагнов смогли побороть свой эгоизм и стать чем-то большим. В закате сокрыто множество различных красот, а краски, которыми он одаривает небо, подобны шедевру. Именно ты – тот самый творец, превращающий каждого в этом зале в нечто чарующее и многогранное. Мы все перестали чувствовать себя одинокими, ведь ты объединила нас в семью. Да здравствует Верховная Луна!

– Да здравствует Верховная Луна!

После слов Стрисас мне стало больно. Являясь Надеждой, мне приходилось становится солнцем, дарующим всем тот самый день, который ей приходилось забирать. Никто из нас не испытывал себя полноценным, пока Анаджамун не указала иных вариантов восприятия себя и происходящего с нами.

– Моя королева, – Висанс незамедлительно опустила на колено и склонила голову, – как и мои сёстры, я считаю тебя большей матерью, чем ту, которая привела меня в Тримирие, создав из крови Высших. Я помню всю ту боль, что пережила, испытывая постоянную трансформацию, как физическую, так и духовную. Мы первопроходцами были, будем и всегда ими останемся. У нас попросту нет выбора, ведь мы – твои дети, Новолуние. Все мы, в той или иной

степени, – твоё продолжение, и каждого из нас сделала такими, какие мы есть, именно ты. Спасибо тебе за то, что не побоялась потерять наше доверие, ломая характеры и первосущность, дарованную Высшими. Спасибо, что даже понимая, что мы возненавидим тебя, ты сделала всё необходимое, чтобы раскрыть наши способности и даровать внутреннюю силу. Я клянусь, что Кровавой луной являясь миру, буду пробуждать давно утерянные воспоминания. Даже если память будет стёрта перерождениями и любыми другими воздействиями, я всегда найду способ вернуть утраченное. Да здравствует Верховная Луна!

– Да здравствует Верховная Луна!

– Моя королева, я стою здесь лишь потому, что ты умеешь убеждать, – Идала усмехнулась, но это было как-то по-дружески, по-доброму. Богиня лжи не особо умела проявлять эмоции, и даже такая реакция делала её дружелюбной. – В этом зале стоит три родословных ветки, что доказывает твоё умение вести грамотные беседы, – она, наконец, склонила колено, всё ещё смотря в глаза Новолунию. – Но в тебе есть то, что я ценю как никто другой – честность. Ты не умеешь лгать и разрушаешь любое притворство, что пытается возрасти вблизи тебя, а значит, ты сможешь всегда быть полезна мне, – на этот раз Идала склонила голову. – Ты помогла мне уничтожить большой объём лжи, накормив меня, а значит, я отдам этот долг, стирая со страниц твоей жизни всякое притворство. Я буду той, кто откроет тебе правду на любом

этапе воплощения Верховной, не позволив никому затуманить твой разум. Моя клятва проста в своём воплощении, но именно наш с тобой тандем уничтожит любое проявление лжи в мирах и внешних. Я клянусь освободить тебя от пут притворства, но и прошу разрушить все судьбоносные узлы лжи после твоей трансформации.

– Я обещаю тебе, – голос Анаджамун звучал тихо, и было видно, как тяжело ей стоять на ногах, – что уничтожу любое проявление лжи, наносящее тебе вред.

– Благодарю, моя королева, – голос Богини лжи теперь звучал довольно, и от неё исходили совершенно мне незнакомые вибрации силы. – Я клянусь, что буду твоим проводником во всех воплощениях, являясь истиной, дарованной тобой самой себе. Да здравствует Верховная Луна!

– Да здравствует Верховная Луна!

– Моя королева, – я дрожал, будучи растерянным и потерявшимся в потоке мыслей, – ты показала мне тот мир, о котором я не смел и мечтать, являясь потомком Бонтеланас. Благодаря твоей заботе и доверию, я обрёл семью и стал намного сильнее. Моя благодарность тебе безгранична, а за твою доброту я буду платить тебе вечно. Новолуние, спасибо, что превратила меня из безликой Надежды, не имеющей семьи и пристанища, в верного друга, брата и преданного союзника. Я клянусь тебе, что как Хранитель историй тщательно сохраню все важные детали и нюансы, ведь всё имеет значение и только скрупулёзное хранение всех мелочей приведёт

нас к необходимому результату. Отныне я – часть Верховной луны и буду служить всем, кто является частью нашего единения, не преследуя корыстных целей и не стремясь получить что-то для себя. Прошу вас, Анаджамун и принцы стихий, навсегда стать единым целым, несущим спасение и дарующим умиротворение всем причастным. Я клянусь, что пронесу наши истории через века и даже тысячелетия, всегда находя достойного этих знаний рассказчика, способного поведать всем истину творцов. Клянусь, что всегда обрету всех вас, даже если нам будет запрещено соединиться. Я не позволю никому вмешиваться в наши планы и разрушать то единство, что создаётся здесь в эти мгновения. Мы – Верховная луна, и в нашей власти – управлять всеми стихиями и всеми формами энергий, образуя новые уровни силы. Клянусь всегда поддерживать начинание любого из нас в желании познать новые знания, в каком бы воплощении это ни потребовалось. Я – тот, кто всегда осветит путь Верховной Луны. Ты – моя единственная семья, и именно твоя истина становится и моей. Да здравствует Верховная Луна!

– Да здравствует Верховная Луна!

Стоило мне закончить свою речь, как зелёные столбы света пронзили весь третий ярус. Я чувствовал волнение каждого из нас, понимая, что теперь все мы ощущали друг друга на уровне вибраций. Это было странным для восприятия и тяжёлым для понимания. Наверное, я даже боялся нового дара, ведь ощущал свою ответственность за каждого присут-

ствующего в этой комнате.

ГЛАВА 3 ВСПОМНИ МЕНЯ

*Хочу писать, творить и снова быть любимой,
И создавать миры... реальность, что съедают на корню.
Хочу кричать, что я устала быть притворно сильной,
Но в этой маске я всё время и живу.*

*Хочу в тебе признать желанья, слабость, силу
И раствориться в ласках тех, что только ты способен
подарить...*

*Но я улыбку натяну и предпочту холодную могилу
Тому, что сможешь ты при жизни мне внушить.*

Воспоминания – это то, что приходит к нам в момент полного отречения от реальности и готовности столкнуться с тем прошлым, что казалось для нас чем-то похожим на миражи. Мы впускаем знания о прошлых жизнях лишь тогда, когда наше сердце преисполнено тоской по жизни настоящей.

Пусть это и кажется чем-то сюрреалистичным, я всегда считала, что понимание себя в прошлых рождениях принесёт гармонию в осознании своих нынешних комплексов, страхов и опасений. Невозможно начать новую жизнь, не осознав ошибок жизни прошлой. Мы все заточены в лабиринте неразрешённых трансформаций предыдущих рождений, и эти хвосты не позволяют нам оторваться от кармических связей в нашем настоящем. Каждому из нас необходи-

мо найти в себе силы, чтобы открыться скрытым знаниям о своей душе и пройти через все этапы её становления, а иначе мы раз за разом будем испытывать незавершённость связей и перерождаться с одной и той же задачей – обрести себя.

Только душа, принявшая все свои грани безрассудства, отчаянья, любви и отречения, способна родиться с точной целью и уже понятным ей предназначением. Все остальные же будут рождаться для того, чтобы понять свои желания, и проживут в попытках не заплутать и не свернуть с пути, что уготован им высшими силами.

3–1 НЕРОДНАЯ РОДНЯ

POV: АНАДЖ

*Наверное, нам всем так необходимо иногда
Познать болезненный провал с последствием в лишениях.
Я в череде падений неожиданно спокойствие нашла,
Ведь поднимаясь вновь, я словно возрождалась.*

Дата:

24 сентября 2023 года

– период смертного исчисления

Местоположение:

мир Праносталь, город Мэджик-Стил,

дом Анадж Ли Рэйвен Филс

Даже через плотные шторы было понятно, что сегодняш-
ний закат искрил красками. В Мэджик-Стил редко можно
было увидеть столь яркие оттенки, ведь вся архитектура го-
рода была подобна искусно выстроенной тюрьме, правда, с
некоторыми нотками дизайнерского сюрреализма, со всеми
свойственными ему абсурдностями. Именно эти особен-
ности строений и уровней не позволяли никакому многоцве-
тию проникать на просторы этого цербера, нагло поглощаю-
щего все оттенки, буквально съедая цвета, обесцвечивая всё

до приглушённых серо-голубых тонов.

Когда выстраивали улицы, почему-то приняли решение делать всё из серых и холодных материалов с преобладанием различных металлов. Этот город можно было смело разделить на три части, где в одной всё заполняли тонкие улочки со множеством надстроенных друг над другом квартирок, напоминающих коморки, но стоящие как слиток золота, а в другой высоченные небоскрёбы, растворяющиеся в облаках, где и восседала вся элита и знать. Такое разнообразное жильё контрастировало с обширными арками и мостами, возвышающимися на сотни метров и являющимися обычными прогулочными зонами.

Мне же досталось место в третьей зоне. Эти районы пестрили разнообразными постройками и давали возможность обзавестись частными домами и виллами, но правда, вид на небо был подпорчен передвижными отелями и курортами, что располагались на полусферах и каждый раз напоминали о занимаемом месте всех тех, кто жил на земле.

Наверное, кто-то бы и мог увидеть в подобных сооружениях и классовых разделениях, выраженных через архитектуру, нечто чарующее, но я никогда не любила этот город, ведь его наполнение казалось безжизненным, а холод, исходящий от зданий, причинял дискомфорт. Когда-то мне хотелось изучить историю этого города, чтобы попытаться его понять, но сейчас я просто хотела жить, чтобы меня никто не трогал.

– Анадж, твоя мать... – но, чтобы меня не трогали, я не смела и мечтать. Как минимум один раздражитель в лице Алисии ежедневно находился рядом.

– Я же просила не соединять с ней, – сложив карты таро в серебряную шкатулку, я осмотрела рабочий стол.

– Я и не соединяла, – недовольная гримаса медленно сменялась на ехидную улыбку.

– Тогда что?

– Она ждёт тебя внизу.

– Ты её впустила? – я была в бешенстве и едва сдержалась, чтобы не разбить что-то.

– Конечно! Это твоя мать.

– Алисия, ты снова перешла границы.

– А, по-твоему, я должна была выпихивать её? Ты не давала указаний на случай личных визитов, Анадж. Я поступила, как посчитала правильным в данной ситуации.

– Иди уже...

В последнее время Алисия действовала на нервы всё сильнее, создавая множество проблем. Даже сейчас она не посчитала должным извиниться и просто направилась по своим делам. Но она была моим добровольным обучением самоконтролю. Мне необходимо пройти через всё это и зафиксировать опыт. Раньше я вполне могла даже врезать за такое поведение, но добровольная дрессировка на этой мелкой высокомерной истеричке давалась мне легко. Относительно легко.

Ладно, нужно было спуститься и поговорить с ещё одной психованной женщиной, а то я думала, что хуже моих клиентов этот день уже не подарит больше негатива.

Но даже экстрасенсы способны ошибаться в отношении собственной жизни. Забавная закономерность – чужие судьбы считываются на раз-два, а свою даже частично сложно просканировать. Иногда мне хотелось побыть своим клиентом, чтобы я пришла к себе и за меня наладили все струны души, исправив ошибочные направления жизни.

– Давно не виделись, дочка. – Дарина стояла у камина, рассматривая картину. – Ты совершенно забыла о своих родителях.

– Кажется, у меня были на это причины, мама.

– И какие могут быть причины у дочери не общаться с матерью?

– Ну, как минимум, ты назвала меня проституткой дьявола, а потом сама же напрашивалась на приём. – я старалась держаться как можно холоднее, но внутри вскипала.

– Ой, нашла на что обижаться. То были эмоции.

– Тогда считай моё игнорирование общения с тобой теми же самыми эмоциями.

– Значит, ты решила обижаться?

– Я ничего не решала. Я просто избавила себя от ненужных мне проблем.

– Дожила. Родная дочь считает меня проблемой. – Дарина скинула пиджак и, усевшись в кресло, принялась что-то

искать в сумке.

– К чему весь этот цирк, Дарина?

– Теперь ты ещё и обращаешься ко мне, как к чужой, значит. – она театрально схватила себя за лоб и начала качать головой, словно произошло разочарование вселенских масштабов. – А я стараюсь тут ради тебя.

Она протянула мне фотоснимок невзрачного мужчины, на вид лет сорока пяти:

– Что это?

– Это ни ЧТО, а кто. И ты идёшь с ним сегодня на свидание. Считай это подарком на день рождения.

– Ты из ума выжила? – разорвав фотоснимок, я откинула его в сторону. – Я никуда не пойду!

– Пойдёшь, Анадж. – меня удивляла её наглость, но я не понимала, откуда вдруг в ней взялась вся эта смелость. – Ещё и как пойдёшь!

– С чего это вдруг ты так решила?

– С того, что я твоя мать, а ты неуважительная стареющая дочь, решившая, что выше всех мирских забот. – Дарина перешла на крик, напомнив все ужасы моего детства, когда я забивалась в угол в надежде избежать побоев. – Ни я, ни отец больше не будем терпеть твоего образа жизни!

– И каким образом ты решила повлиять на меня и решения, что я принимаю? С чего ты подумала, что я вдруг начну тебя слушать?

– С того, что Владимир приедет за тобой через тридцать

минут, – опережая мои замечания, она резко выпрямилась – а если ты откажешься, я соглашусь на парочку интервью, где расскажу то, что ты не хотела бы озвучивать.

– Ты так легко опустилась до шантажа...

– Анадж, ты не оставила мне выбора. По-хорошему или по-плохому, но ты изменишься.

– Знаешь, я скорее разорву все виды связи с тобой, Дарина. В какой-то момент мне станет плевать на то, кто ты такая и что с тобой происходит.

– Тебе и так плевать на всех, кроме себя.

– Именно! Потому что это моя жизнь и ничто, кроме моего благополучия не может меня интересовать.

– В этом-то и разница между нами, дочка. Меня твоя жизнь волнует больше собственной.

– Не стоит притворяться.

– Так что же? Мне, получается, надо согласиться на интервью?

– Если ты откроешь свой рот, то, поверь мне, я найду способ подпортить тебе жизнь.

– Вот видишь, ты угрожаешь собственной матери, а ещё обвиняешь меня в шантаже.

– Я встречу с твоим Владимиром, но с этого момента ты не переступишь порога этого дома. Ни-ког-да.

– А как же семейные посиделки?

– Ты самая ничтожная женщина из тех, что я знаю, – меня тошнило от нахлынувшей ярости и я едва держала дыхание,

чтобы не показать Дарине эмоциональной вовлечённости. – Если ты не прекратишь искать встреч со мной и лезть туда, куда не имеешь права, я закрою твой счёт.

– Ох, ещё и мать лишит денег хочешь. Не такую дочь я воспитывала.

– Ты никогда меня и не воспитывала. – я согласилась на это тупорылое свидание с Владимиром только чтобы выгнать эту суку из дома. – Вали из моего дома и не смей возвращаться.

– Как грубо, дочка.

– Убирайся! Буду готовиться к твоему свиданию.

– Готовься, дочка. Мне жаль, что ты так меня воспринимаешь и предпочла сделать своим врагом, чем просто жить по принятым в обществе правилам.

– Выход там. – указав на дверь, я с трудом сдерживала дрожь ярости. Эта женщина с самого детства умела выводить меня из себя. Ей было достаточно одного слова и взгляда, чтобы довести меня до точки кипения. В ней было сосредоточено всё, что я ненавидела в людях.

Полагаю, я и Алисию взяла на работу именно потому, что в ней была, как минимум, половина качеств от моей матери.

– Я поняла тебя, дочка. Не переживай за меня. – медленно взяв пиджак, Дарина тщательно осмотрела меня. – Надень только что-нибудь не столь мрачное.

– Без тебя разберусь, что мне надевать.

– Какая же ты не благодарная. Не думала, что выращу та-

кую хамку и социопатку.

– Дети – зеркало родителей. Наслаждайся плодом своих удобрений, мамочка. – я выставила её за порог.

Захлопнув за ней дверь, мне едва удалось восстановить дыхание. Внутри всё кипело и хотелось крушить, уничтожать и кричать. Огромное количество негативных эмоций переборолло и растворилось в крови, поглотив рассудок.

3-2 СВИДАНИЕ СО СНОМ

POV: АНАДЖ

Для неё он не был угнетением и страхом,

И не нёс разрушения, оживив её дух.

Но любовь эту стали считать Боги вздором,

Проклиная их чувства, заключив в плену тяготеющих мук.

Дата:

24 сентября 2023 года

– период смертного исчисления

Местоположение:

мир Праносталь, город Мэджик-Стил

Наверное, я очень старательно нарушила границы, и сама того не заметив, разругалась со стихией времени. А иначе как можно объяснить постоянные потери минут?

Стук в дверь, который я рассчитывала услышать минут через двадцать, уже сейчас нарушил планы собраться на незапланированное свидание.

– Пунктуа... – распахнув дверь, я опешила. На пороге стоял совершенно не тот увалень, что был изображён на предоставленном матерью фото. – Ты кто такой?

– Моё имя Майто. – красивый и дорого одетый парень корейской внешности самоуверенно улыбнувшись протянул огромный букет синих роз с красным напылением блёсток. – Я чуть обманул тебя с фоткой. Там немного другая версия меня.

– Мне всё равно! – я была резка, надеясь, что он уйдёт. – Ты пришёл раньше. – неохотно приняв букет, я вдруг поняла, что всё ещё одета в спортивный костюм и совершенно не соответствую его люксовому виду. – Теперь я останусь в этом.

Мне хотелось спугнуть его, но Майто лишь улыбнулся в ответ и показал в сторону припаркованной теслы.

– Тогда и у меня есть шанс переодеться в комфортную одежду.

– Типа не из пугливых? – пытаюсь его просканировать, я понимала, что не могу пробить защиту. Барьер, оберегающий темноглазого шатена, был гораздо мощнее моего.

– Ваще нет. После всех стеснённых обстоятельств, в которых мне пришлось побывать...

– Прости, но я не самая дружелюбная девушка.

– Да плевать, Анадж. Главное, будь той самой.

– Какой ещё «той самой»?

– Той, кто не испугалась раскрыть шкатулку Пандоры. – его смех казался действительно знакомым, но этот тембр и глубина пугали.

– Давай без загадок. – захлопнув дверь дома, я просто хо-

тела побыстрее их вновь открыть и разжечь камин.

– Так ты забыла? – всматриваясь в мои глаза, Майто нарушил границы и схватил меня за плечи. – Ты не помнишь произошедшего... Грустно.

Не сразу, но он разжал пальцы, позволив мне отойти от него на несколько шагов.

– Я не хочу пытаться тебя понимать и не буду.

– Окей. Мы просто весело проведём время и не будем говорить о том, что сейчас не имеет для тебя никакой значимости.

– Спасибо. Это мило с твоей стороны.

– Ох, Анадж. Я не милый.

Естественно, он не мог быть милым, ведь его энергетика пестрила чернотой и энергией разрушения. Но внешность, признаться, радовала. Майто без стеснения, подойдя к багажнику, снял рубашку и оголил татуированный торс с прокаченным прессом и множеством мелких шрамов.

– Нравится? – он знал, что хорош и не обделён внешностью. – А шрамами меня наделила одна сумасшедшая, желая запереть в неудобной тюрьме. – Его энергетика искрилась, но я не могла никак понять, к какому виду он принадлежал.

– Не думаю, что меня интересует твоё прошлое и игры с бывшими. – наблюдая за тем, как он натягивал спортивные штаны, стоя в центре многолюдной улицы, становилось смешно. Реакция прохожих на Майто была разной, но никто не проходил мимо, оставив его представление без вни-

мания. Полагаю, мало кто мог предположить, что среди белла дня увидит татуированного мужика в трусах, переодевающегося у всех на глазах. Но это было забавно.

– Смотрю, тебя вообще сложно чем-то заинтересовать. – наконец-то одевшись, Майто рассмеялся. – Но меня в тебе, определённо, интересует многое.

– Это только твоя проблема, – закинув букет на заднее сидение, я нагло уселась на водительское место. – Какой пароль?

– Ха, значит, хочешь поиграть? – садясь рядом, он даже на мгновение не воспротивился и, передав карту, сам ввёл пароль, подтвердив отпечатком пальца. – Эти машинки умнее большинства людей.

– Самый никчёмный робот и дворовая собака умнее людей. – я никогда не скрывала своего отношения к окружающему миру. – Куда едем-то?

Резко тронувшись с места, я наслаждалась плавным движением авто и просто кайфовала, стараясь взять от навязанного свидания максимум.

– Да кто его знает. Куда сама хотела бы? – Майто пытался быть непредсказуемым и, надо признать, мне нравилось то, что я не могла прочесть его.

Мне надоело знать наперёд, что произойдёт и чем завершится встреча в первые мгновения соприкосновения с чужой энергетикой. То, что он оставался закрытым, начинало даже нравиться, и я была заинтригована тем, что он знал обо

мне так много, а я не помнила про него ничего...

– Я? – это было ошибочным допущением с его стороны. – Ну тогда держись крепче.

Разогнавшись, я даже не думала о реакции Майто, но он, к моему удивлению, даже не пристегнулся. Его доверие поразило, но и вызвало желание устроить испытание.

Пейзажи сменялись с такой скоростью, словно мы оказались внутри кинофильма, заключившего нас в плен режиссёрского виденья кадра. Майто улыбался и выглядел по-настоящему счастливым мальчишкой несмотря на суровый образ brutального мужчины.

Интересно от кого он убегал, когда забивал своё тело многочисленными татуировками? Когда я начинала набивать первые тату, то точно знала, что не хочу быть замечена силами, меня призывающими. Хм, забавно, ведь вышло всё с точностью до наоборот – в своём побеге я обрела безумие, пробудившее истинное знание и виденье Вселенной.

– С чего усмехаешься? – заметив мою погружённость в мысли, Майто положил руку на руль, слегка повернув. Он не испугался моей невнимательности, а просто решил немного проконтролировать процесс вождения.

– Прости, – странное затуманивание действительности, – что-то...

– Всё в порядке. – он был расслаблен. – Сколько измерений ты сейчас видишь? – его рука обжигала холодом, но я не хотела прерывать этого слияния энергий.

– Надо остановиться. – перед глазами смешалось два пространства, ослепляя контрастным свечением. – Я...

– Ничего. Смотри. – Майто легко и совершенно неощутимо контролировал руль, внимательно всматриваясь в пролетающих синих птиц, похожих на смесь птеродактиля и колибри. – На скорости раскрывается новый тип виденья. И он прекрасен, Анадж.

– Я не понимаю, что это...

– Это реальность, которую ты боялась раньше увидеть. – его бархатный голос становился приторным и отражался внутри моего сознания, словно был заключён в плен зеркального лабиринта. – Тебе понравится то, куда приведёт эта дорога.

– Видимо, правду говорят – открыв однажды эту дверь, другая сторона поглотит тебя. – слияние синего и красного измерений ослепляли, но я больше не волновалась за дорогу, ведь почему-то доверяла сидящему рядом улыбающемуся парню. – Ты тоже это видишь?

Дорога уходила в бесконечность, а два однотипных визуально по архитектуре, но совершенно различных по энергетике и цвету, пространства становились для меня похожими на 3D изображение. Голову сдавливало и было ощущение, что я оказалась в вакууме.

– Я не просто вижу это, Анадж, – он легко, как бы успокаивая, похлопал пальцами, и из кожи словно проросли иглы. – Я живу, видя все вариации реальности с самого рождения.

– Это тебя я выпустила из шкатулки Пандоры. – внезапно я осознала цепочку произошедших событий, и мне стало легко. Действительно легко. словно с плеч наконец-то был сброшен груз ответственности за незнания, что поглотили всё существо моего происхождения.

– Ты думала о своём происхождении? – яркое свечение от пролетающих огромных рептилий на мгновение ослепило и, резко нажав на тормоза, я поняла, что машину закружило, но дороги как будто дальше не было.

Происходящее больше не казалось реальным, а в сознании мелькали болезненные вспышки воспоминаний. Скорость вращения была огромной, но Майто лишь смеялся. Он был настолько доволен происходящим, что это шокировало. Я видела его, сидящим рядом, но ещё здесь был призрачный силуэт мужчины с рубиновыми глазами, чья улыбка отзывалась в сердце, растекаясь обволакивающим теплом по всему телу. Эти рубиновые кристаллы смотрели на меня с такой любовью и заботой, но одновременно удушающим отчаянием.

Припоминаю.

Этот сон когда-то виделся мне в детстве. Тогда я только начинала чувствовать другую сторону нашей реальности, я умирала тысячи раз, но этот сон не обрывался...

– Останови это! – сорвавшись на крик, я вдруг ощутила паническую атаку, накрывшую тяжёлым прессом. Оцепенев от непонятно откуда взявшегося страха, я зажала ла-

доть Майто в руках, ища соединения с действительностью. –
Останови.

– Только ты можешь остановить происходящее с тобой.
Реальность каждого из нас эфемерна и то, что ощущаешь ты
едва ли доступно к восприятию другими.

– Меня не реальность пугает...

– Знаю. Тебя пугают воспоминания.

– Которых не было и не могло быть в моей жизни.

– А что такое жизнь, глупышка? – мило улыбнувшийся
Майто коснулся щеки и на этот раз меня обожгло высокими
температурами. – Ты уверена, что то, что ты считаешь жиз-
нью, является этой самой жизнью? У?

– Я дышу, ем, сплю...

– А просыпаешься ли?

От такого простого и, казалось, абсурдного вопроса, я
неожиданно пришла в себя, а машина резко остановилась.
Меня трусило на физическом уровне, но я была совершенно
спокойна внутри, словно это и не могло лишить меня жизни;
словно это событие не имело никакой критической значимо-
сти для всего, что предстояло познать впереди.

– Я же говорил, – довольно потянувшись, Майто вышел
из машины, не закрыв дверь, – всё зависит только от тебя.

– Надо ли мне спрашивать, что всё это значит? – я хотела
выйти за ним, но ноги не слушались.

– Аккуратней тут! – подбежав ко мне за мгновение, Майто
подхватил непослушное тело на руки. – Тело слабее разума.

– Я ничего не понимаю, – обвив руками его шею, я изучала сине-красный мир, в котором горы искрились золотым свечением, а вода переливалась серебристо-синими вспышками.

Эту дорогу я помнила, но в моей реальности, это была заброшенная горная тропа, не знавшая асфальтирования и чистоты... А здесь она напоминала вылизанные алмазы.

– Не надо ничего понимать, – хоть я и не видела его лица, но уверена, что Майто улыбался в своей фирменной усмешке. – Чем больше мы подключаем логику, тем меньше воспринимаем действительность. Иногда нужно просто довериться первобытному чутью, ведь в конечном счёте именно инстинкты оберегают нас от дерьма, а разум чаще всего способствует саморазрушению.

– Твои речи звучат слишком знакомо. – я всеми силами пыталась понять, откуда могу помнить все те ощущения, что возникали в его присутствии.

– Когда-нибудь все пазлы соберутся, и ты сможешь узреть картину целиком, Анадж.

– Почему-то, когда ты произносишь моё имя, я чувствую дискомфорт.

– Возможно потому, что это не твоё имя? – слова, которые причинили самую мучительную боль за все года моей жизни.

– Я росла с этим именем, а значит, оно моё.

– Думаешь, имя определяется таким простым способом? Просто живёшь, и имя становится твоим?

– А разве не так?

– Имя – это отображение души и у каждого оно своё. С каждым перерождением оно может трансформироваться и переводиться на язык нового рождения, но никогда душа не получит имени, принадлежащего иной энергии. – посадив меня на капот, Майто едва ощутило коснулся лица. – Ты куда наивнее в этом рождении, – кажется, он что-то стирал с моего лица, но я не могла воспринимать происходящего, ведь совершенно не ориентировалась в пространстве.

– Я не способна воспринимать информацию, Майто. – назвав его по имени, я испытала комфорт. Он напоминал забытого друга, тепло которого возвращало воспоминания о далёком прошлом.

– Тогда давай просто насладимся временем, что, наконец-то, нам позволено провести в измерении Эфемерной реальности. – материализовав в руке синюю розу с золотыми прожилками, Майто и сам засветился.

– Можно ли назвать странным то, что я не удивилась открытому проявлению магии?

– Какая разница? Да и имеют ли значение странности, когда можно просто наслаждаться дарованным мгновением.

– А потом я просто проснусь, – роза пахла свежемолотым кофе и корицей – ничего не вспомнив.

– Не думаю, что тебе удастся и дальше пребывать в неведении, – проведя розой по моему лицу, Майто погрузил внутрь незнакомую энергию... Энергию боли и тоски.

Меня оглушил поток криков... Моих криков, в горле об-

разовались кровоточащие раны, напоминающие о каждом невысказанном слове приступом горечи.

– Что ты сделал со мной?

– Я просто пришёл навестить тебя... Не более. – мне мерещились десятки, сотни образов, что одевал на себя Майто. Где-то в глубинах памяти, я даже могла вспомнить его предпочтения в еде, одежде, девушках и... – Ты ведь уже начала вспоминать, не так ли?

– Повторюсь... – к моему удивлению, меня ничуть не злила его напористость. – Невозможно вспомнить то, чего с тобой не происходило.

– Как бы я хотел избавить тебя от необходимости проходить через всё это и просто раскрыть все карты, не оставляя ни единого манёвра для блефа.

– Но ты не можешь этого сделать.

– Не могу.

– Знаешь, во мне живёт множество личностей. Я знаю это, ведь чувствую переживания каждой из них. По началу это пугало, но в какой-то момент стало обыденностью. Было ли это смирением или чем-то типа подавления, я не знаю. Когда ты борешься со своим безумием на ежедневной основе, ты в какой-то момент становишься частью этого безумия. Или оно попросту тебя поглощает? Не знаю. Не думаю, что в этой незначительной разнице формирования определений есть хотя бы какой-то смысл, ведь не имеет значения сложность пути и его развилки, когда пункт назначения остаёт-

ся неизменным. Неизменным, несмотря на множество безуспешных попыток сделать его хотя бы чуточку отличным от уже известного тебе.

– Меня всегда считали «не от мира сего» и в этой травле мне приходилось расти, становясь самодостаточной личностью, притворяясь нормальным в мире утрированных ненормальностей. – Майто подпрыгнул и начал пританцовывать: – Так что... Если у кого-то в головах живёт понятие какой-то там призрачной «нормальности» пусть с этим и живёт, а мы продолжим сосуществовать со всеми теми личностями, что живут в нас, ведь иногда лишь благодаря этим сожителям мы способны на то, на что в состоянии «трезвости» едва решимся. – В миг оказавшись позади, он положил на мои плечи кофту – И если тебе проще считать свои воспоминания, как переживание личностей, живущих в тебе – считай так. Насрать на все определения! Не существует ни одного определения или же диагноза, созданного во благо, ведь всё это обычное ограничение – нарочно выстроенные рамки, призванные контролировать поведение трусливых индивидов.

Разговор ни о чём и обо всём. Разговор, который едва сможет понять не испытавший подобного. Это разговор двух людей...

Двух существ, выбивающихся из толпы.

– Ну... – мне нравилась забота и комфорт, что дарила его энергетика. – Учитывая, что мы находимся на несущест...

– Существующей, просто не в твоём измерении, – он пе-

ребил меня, но сделал это с такой милой улыбкой, что я не смогла сдержать смех. – Не смейся. Это всё настоящее. – спрыгнув с машины, он улёгся на дорогу и, учитывая, что его кофта была на мне, я испугалась, что Майто исцарапает кожу о поверхность этого странного асфальта. – Если тебе не открывалось это до момента в «сейчас», то зачем же придавать статус нереальности тому, что просто не успело раньше тебе открыться?

– Майто, над нашими головами летают рептелоидные колибри...

– Это топокии, – обиженно надув губы, он упёрся локтями об асфальт, и я увидела, как алмазная крошка вдавилась в кожу. – Они милые.

– Топокии? – не знаю, чему я удивлялась больше – его реакции или названию колибри переростков.

– Да. – он напоминал ребёнка, лучезарно улыбающегося всему, что его окружало. – Одно из самых прекрасных творений Пурпурного сада королевы Верховной луны. – нахмурившись, он задумался. – Странно, а ведь я даже не подумал, как им удалось выбраться и просочиться в Эфемерную реальность.

– А что, есть какие-то препятствия?

– Пересекать миры обычные существа не умеют. Должно быть, кто-то их перенёс специально.

– Бесполезно объяснять. – аккуратно спустившись с капота, я даже через кроссовки чувствовала, насколько горячий

этот асфальт. – Я, так или иначе, не принадлежу этому миру. – осмотревшись по сторонам, я старалась запомнить яркие краски и красоту кружащихся топокий. – Хоть он и красив.

– Принадлежишь, как и все застрявшие в Праносталь. – Майто казался беззаботным, но его душа была пропитана тоской. Мне хорошо были знакомы все оттенки этого чувства, ведь испытывший его однажды, уже никогда не забудет, как меняется интонация и взгляд того, кто познал тоску. – Не лучшее свидание вышло.

– А оно уже закончилось? – почему-то мне хотелось провести с ним больше времени, но я не понимала природу этого желания.

– Нет. – вскочив на ноги, Майто хлопнул в ладоши и одна из топокий приземлилась рядом, возвышаясь над довольным парнем метра на три. – Оно только начинается. – по его хитрой улыбке я поняла, что ничего хорошего планы Майто мне не принесут.

– Даже не думай.

– Я что, зря разделся, утеплив тебя? – я и не заметила, как вновь оказалась у него на руках, а затем и среди изумрудно-жёлтых перьев послушной птицы... Если её можно, конечно же, так назвать.

– Я тебя убью. – сама не знаю, зачем это сказала.

– Не сможешь, слабачка. – рассмеявшись, Майто свистнул и топокия поднялась в небо.

3-3 ПАДАЯ В БЕЗДНУ ПРОШЛОГО

POV: АНАДЖ

Он – мой герой. Он – мой наставник.

Он – сила, данная извне.

Он ангелом мне дан, Посланник,

И только с ним ад не в огне.

Дата:

18 мая 1764 года

– период смертного исчисления

Местоположение:

мир Праносталь, город Дарк-Хард,

помесье графа Вэльмос

Нас редко навещали друзья графа Вэльмос, что сначала было неловко, так как наше сожительство совершенно не складывалось из-за сложности во взаимопонимании, но вскоре отсутствие третьих и четвёртых лиц стало отражаться на нашем общении, и оно стало более лёгким и непринуждённым. Я перестала чувствовать тот напряг, который не покидал меня всё это время. Дом графа, наконец, принял свою

пленницу и смог стать моим настолько, насколько это было возможно.

Уже прошёл целый месяц как я находилась у него в плену. Его характер почти перестал меня бесить, и я практически прекратила реагировать на перемены его настроения.

Он даже стал мне немного дорог.

В те минуты, когда он был добр и вежлив, я вполне могла спокойно с ним общаться. Иногда он делал одолжение и переставал быть занозой в заднице, а порой даже преподносил подарок в виде своего молчания. О-о-о... Это были воистину счастливые минуты в моей жизни пленницы. В эти мгновения я могла побыть наедине со своими мыслями, а не с его философскими изречениями, которые преследовали меня, как тень, куда бы я ни пошла.

«Хозяин-барин» – граф умел пользоваться этой мудростью во всех нужных и ненужных проявлениях, что совсем не было во благо моему спокойствию. С того момента, как он забрал меня в свой замок, для якобы моего же спасения, я перестала олицетворять себя с личностью, имеющей право на какое-то своё пространство и даже мысли. Граф был повсюду, и его слуги преследовали меня, куда бы я ни пошла.

Сегодня он ушёл на охоту без меня. Вернее, я сделала вид, что не успела ещё почувствовать жажду. Конечно, это было обманом, но не большим, чем его, а он мне лгал во многом. Это я понимала даже своим скудным, как он считал, умишком. Граф вообще никогда не упускал случая принизить ме-

ня, зная, что я слабее его и не смогу дать сдачи. Хотя грызнуть и перекусить артерию было мне под силу.

Я целый день скиталась по лабиринтам его замка и, наконец, добрела до башни. Какая же она просторная и светлая! Три огромных окна делали её просто светлицей какой-то, ну на логово зверя это место не тянуло точно. Конечно, я знала и помнила, что этот замок принадлежал ему ещё тогда, когда он был человеком, но не думала, что мститель может быть так сильно привязан к месту.

Сейчас, в свете новорожденной луны, вся башня переливалась серебряным светом и наполнялась музыкой ночи. Так красиво! Так маняще... Тут было приятно находиться одной, вернее, делая вид, что я не слышу дыхания слуг, скрывающихся в тени колонн.

Пока я разглядывала в одно из окон ночной лес, ко мне сзади подкрался граф. Я, конечно же, заранее прочитала его мысли и совсем не испугалась, но сам факт попытки остаться незаметным меня позабавил. Он иногда забывал, что не только он является потомком Тьмы.

*Во избежание нежелательных ситуаций
мы способны совершать много глупых поступков,
ведь инстинкт самосохранения уводит
нас от любой опасности,
а желание докопаться до правды так и заманивает
в пути безумных противоречий.*

– Как охота? – я старалась сохранять свой голос рав-

нодушным и холодным. Показать ему свою заинтересованность мне хотелось меньше всего.

– Она тоже любила наблюдать из этой башни за происходящим на улице, – граф Вэльмос проигнорировал мой вопрос так грубо, что я даже опешила. Став рядом, он замер и в этот миг напоминал скульптуру.

– Она? – я не сразу смогла понять, о ком он говорит.

– Моя графиня, – его голос звучал грустно и обеспокоенно.

Именно сейчас мне не хотелось ничего говорить. Я прекрасно понимала, как ему больно и одиноко без неё. Его тоска была пропитана многовековым одиночеством. Для этого не надо было читать мысли, всё было отражено в его пустых серых глазах.

– Она всегда приходила сюда, когда я отправлялся на охоту или уезжал по делам графства. Стояла около этого окна. Именно этого, – он усмехнулся, – и смотрела мне вслед. Моя графиня могла простоять так несколько часов, конечно, если наши дети не прибежали к ней, – граф смотрел в окно так, словно видел в нём её отражение, – а по возвращению бежала изо всех сил навстречу, чтобы, опередив детей, поцеловать меня первой. – На лице графа появилась нежная улыбка. – И ей всегда это удавалось. Каким-то образом она всегда обгоняла наших сорванцов и кидалась на мою шею, крепко обвивая руками. Я всегда чувствовал, как сильно она скучала.

Воспоминания о жене сделали его намного нежнее и чело-

вечнее. Тот зверь, которым он любил казаться, куда-то исчез, и на его месте появился вполне нормальный юноша, способный на весь спектр эмоций.

– Моя графиня умела всегда быть нежной и ласковой, и это несмотря на свой скверный характер. О-о-о... знала бы ты, как порой она меня злила, – это прозвучало с такой любовью, что моё внимание окончательно отдалось в руки его рассказа. – Я не находил себе места в своей ярости, хотел забыть её навсегда, уйти и не возвращаться. В своём упрямстве равных ей не было. С самого детства, когда нас лишь пообещали друг другу родители, желая соединить воедино два графства, она делала всё, чтобы этого союза не случилось. Графиня, тогда ещё Стилз, была хуже любого мальчугана, стремящегося навредить и напакостить. Её характер был несносен, но именно из-за него я так сильно и полюбил её. Моя графиня была неподражаема в своём гневе и ярости, так забавна и беззаботна в проявлении своей любви. Я не помню ни одного случая, когда она бы мне уступила без спора. Это было невозможно. Всегда, исключения не имели место быть, она пыталась склонить меня к своему мнению, и, самое смешное, ей это удавалось. – Граф посмотрел на меня. – Моя графиня была самой мудрой женщиной из всех, кто когда-либо жил на этом свете. Она сочетала в себе детскую непосредственность и многовековую мудрость. Всё в ней было прекрасно и совершенно.

Мне становилось дискомфортно. Чем дальше он углуб-

лялся в свой рассказ, тем сильнее я чувствовала боль его сердца. Никогда раньше я не могла представить, что кто-то способен так сильно любить женщину, а тем более, что так любить может бессмертный.

Каждое слово графа о его графине теплом разливалось по моему холодному телу и согревало давно омертвевшие органы. В конце концов я отошла в другой конец башни, оставив всё пространство графу. Он слишком погрузился в себя, чтобы замечать кого-то ещё, и уж точно его не должны были сбивать мои мысли. Едва уловимые, отдаляющиеся шаги слуг прозвучали в полумраке, давая понять, что теперь мы остались наедине. Я понимала, что сейчас графу надо попросту выговориться, чтобы отпустить ту боль, которая терзала его душу. Если бы я не могла читать его мысли, то, возможно, и не относилась бы к этому потоку исповеди серьёзно, но с самого первого дня пребывания здесь мне было известно о его боли.

– С приходом графини в мою жизнь я впервые почувствовал вкус этой самой жизни – настоящей, а не той, к которой принуждали родители. Она смогла подарить мне несколько десятилетий неземного блаженства души и тела.

– А как вы познакомились? – ну вот, любопытство опять взяло надо мной верх, и, надо сказать, граф удивился тому факту, что я его всё-таки слушаю.

– Да на охоте мы познакомились, – он рассмеялся. – Она была очень непослушной дочерью своих родителей, да и да-

же больше сыном, к их досаде. Её привлекало всё то, к чему не было доступа, поэтому она попросту взбунтовалась. Сначала втайне, потом уже нагло и открыто стала сбегать на охоту в мужских костюмах, иногда даже и в женских. Её никогда не волновало, кто что подумает и скажет. Если захотелось, значит непременно нужно это сделать – вот её жизненный принцип. На одном из таких её «хотюнчиков» мы и познакомились. Она тренировалась в стрельбе из лука и случайно, или по неуклюжести своей, чуть не попала в меня. Стрела пронзила дерево, находящееся от меня всего лишь в пяти сантиметрах, можно сказать, прямо перед носом. Естественно, я был в ярости и кинулся искать того наглеца, который решил умереть раньше времени, да ещё и стрелять на моей земле. В итоге того смертника я так и не нашёл, но встретил в кустах роз прекрасные женские глаза, которые сразили своей красотой и лишили сна. Она надеялась скрыться, но я всегда был хорошим охотником.

Глаза графа сияли.

Он получал истинное удовольствие от своих воспоминаний.

От его рассказа веяло теплом, обволакивающим своими объятиями. Я могла во всех красках представить их знакомство и те эмоции, что были испытаны каждым из них. В те времена с теми законами и правилами, что царили тогда, сложно было найти истинную любовь, ведь все сосредотачивались на усилении влияния позиций.

– Я протянул ей руку, чтобы помочь выбраться, но она её оттолкнула и отступила назад, зайдя ещё глубже в кусты. Эти глаза, эта игривая улыбка... Меня покорило всё, что было в ней. Я просил её выйти, назвать имя, но она отступала всё дальше, а кусты розы не давали мне пробраться к ней. В итоге она исчезла, так и не назвав своего имени. Я скакал за ней, пытался разыскать, но она пропала. Как будто растворилась. Я места себе не находил – несколько дней не ел и не пил. Звучит как в детских сказках, но это было реальностью. Я сошёл с ума от её глаз – они стали моей навязчивой идеей, моим кошмаром и моим раем. Около месяца я метался из угла в угол, пока не решил, что, скорее всего, она живёт в моём графстве. Устроив бал, я пригласил всех девушек, женщин и даже бабушек с внучками к себе в замок. Я искал эти глаза. Искал эту улыбку. Искал её чёрные локоны. Но не нашёл. Совсем уже отчаявшись, я принял предложение о слиянии с соседним графством. Раз уж родители когда-то об этом договорились, раз уж мне не удалось найти ту, кто встретилась в лесу... Я просто сдался. В то время союзы скрепляли браком детей и это было нормой. Я принял волю отца и согласился жениться на дочери великого и отважного графа Стильз, чьи территории были гораздо обширнее наших, а войско превышало наше раза в три.

Граф Вэльмос коснулся рукой оконного проёма и невесомо провёл пальцем по тёплым камням, словно пытался вернуть в себя остатки нежности графини. Его лицо было улы-

бающим, мягким и располагающим к разговору. Впервые за такой долгий период общения с ним, я могла видеть его без притворных, угрожающих масок.

– В день свадьбы я даже смотреть на неё не хотел. И вот за час до церемонии в мои покои в свадебном платье влетела эта самая графиня Стилз. Такая злая и возмущённая. Я испугался, что придётся жить с какой-то истеричкой, но, посмотрев в её глаза, сердце забилося ещё сильнее, чем тогда на охоте.

Те самые глаза. Те самые губы. Передо мной стояла моя навязчивая идея и мой каприз. Но уже тогда я знал, что именно она – моя судьба. Она кричала так громко, что слуги сбежались и подслушивали под дверь. Сказав, что никогда не станет моей женой, она развернулась и почти открыла дверь, чтобы сбежать прочь, но я успел схватить её за руку и остановить, прежде чем она переступила порог. Эти глаза смотрели на меня с такой ненавистью и злобой, что становилось не по себе, но потерять её теперь, когда наконец смог найти, я не мог. Уже не помню, сколько времени мне понадобилось, чтобы убедить её, но она согласилась дать мне шанс. Свадьба в этот день не состоялась, но она позволила за собой ухаживать.

На мгновение, лишь на мгновение, он посмотрел на меня и, улыбнувшись, рассмеялся. Он был благодарен мне. Благодарен так сильно, что я чувствовала это на подсознательном уровне.

– Отец моей графини был очень недоволен, и эта злость довела его до инфаркта. Он умер через неделю после несостоявшейся свадьбы. Именно эта трагедия и сблизила нас с моей графиней. Через полгода мы сыграли свадьбу. Мне тогда исполнилось двадцать, а ей семнадцать. Я смог добиться главного – она любила меня так же сильно, как я её. Мы могли часами просто прогуливаться по замку или нашему парку. Просто молчать или говорить ни о чём. Ничего в нашем существовании нас не тяготило, мы были действительно дополнением друг друга.

Рассказ графа не мог не тронуть даже такое холодное и мёртвое сердце, как моё. Его трепет и волнение во время рассказа о графине заставили полюбить её так же сильно, как граф. У меня вызвал искренний интерес характер этой особы, хотя бы потому, что она смогла покорить этого несносного упрямца. Конечно, в то время, когда они жили, всё было иначе, но чувства остаются неизменными всегда.

Наблюдая сейчас за графом, я видела совсем другого, непривычного мне, мстителя. Он стал человеком. Пусть и на считанные минуты, но человеком, способным на чувства.

Я знала, когда он закончит рассказ, станет опять тем же «геморроем», который будет сводить меня с ума. Но сейчас я наслаждалась и получала истинное удовольствие от того, каким он был в данную минуту. Мы молча спустились с башни и направились по серому коридору в комнату графа.

Смотря на эти стены сейчас, я представляла в них графи-

ню. Почему-то именно сейчас всё в этом замке было, как никогда раньше – её, и принадлежало только ей.

Я чувствовала себя в гостях у графини, а не в плену у графа. Темнота и сырость стали так привычны и близки моему сердцу, что больше стены замка не отталкивали, а, напротив, обнимали и пропускали через себя.

Идя сейчас рядом с графом, нога в ногу, мне почему-то представилось то самое прошлое, рассказ о котором он начал. Я не могла представить прекрасного лица графини, но почему-то чувствовала, что именно так, слегка поодаль, она всегда шла за своим мужем.

– Она очень любила эту дорогу, – как-то слишком неожиданно раздался голос графа, прервав мои мысли, – каждый день она следовала этим путём, и ни разу он не надоел моей графине. Перед тем роковым днём она как раз собиралась украсить этот коридор картинами. – Он показал на пустые рамки, висящие на мраморной стене. – Именно здесь должны были висеть портреты наших детей. Она хотела сделать замок – все его части – более открытыми и приветливыми, ей он казался серым и мрачным. Как только она ни старалась его оживить! Постоянно что-то переставляла, меняла, выносила. Слуги то ненавидели, то восхищались ею. – Наконец мы подошли к его покоям.

Войдя в них, я была обескуражена. В свете луны они выглядели совсем одинокими и покинутыми, как будто здесь уже много столетий никто не спал. Кровать была аккуратно

заправлена очень старыми, но чистыми шелками.

Это меня удивило.

Неужели здесь кто-то убирает до сих пор, ведь он ни одного слугу не впускает в эту комнату. Напротив кровати стоял очень красивый и ухоженный женский будуар с огромным зеркалом и кучей тюбиков с кремами и флаконов с духами. По краям располагались готические торшеры и засохшие цветы. Не хотелось даже пытаться представить, сколько лет они уже здесь находились.

– Я помню аромат цветов, которые она любила, – он отвернулся от будуара и неохотно подошёл к окну, – даже сейчас. Единственное, что мне осталось от неё, это запах её любимых бургунзий. – Он усмехнулся. – Такое смешное название для полевого цветка. Когда я обращаюсь в мстителя, то всегда ищу их запах. Это единственное, что осталось мне от неё. Я могу часами сидеть в поле и нюхать эти, так раздражавшие меня в прошлом, цветы. Они стали отдушиной и той единственной ниточкой, связывающей меня с любимой графиней.

Сейчас в свете луны граф стал ещё прекрасней. Его черты были прорисованы лунным светом от и до. Печаль и боль в его глазах отражалась в стекле и расплывалась по комнате вместе с лунным светом.

– Я всегда думал, что моя любовь к ней была неопытностью и результатом бурной юности, – он посмотрел на луну с нескрываемой злобой, – но даже через века я продолжаю

её любить. Ни на секунду, ни на одно единственное мгновение я не могу забыть её образ. Силуэт любимой графини преследует меня повсюду. – Он сжал правую руку в кулак, а левой облокотился на стекло. – И чем дальше, тем он сильнее схож с этими чёртовыми бургунзиями! – Граф ударил по стеклу, разбив его, но даже не почувствовал боли, хотя я и заметила просочившуюся каплю крови. – Возможно, это просто последнее воспоминание о моей прекрасной графине. Я проклял свою душу, обрёк себя на вечные скитания и терзания, надеясь, что хоть на мгновения смогу забывать о ней, – граф Вэльмос не отрывал свой взор от луны, – но вместо этого, обращаясь в свою нынешнюю сущность, я лишь сильнее чувствую её присутствие. Я, как ненормальный, бегу на запах, который хоть как-то отдалённо напоминает мне жену, и иногда мне кажется, что я обретаю её вновь. Вот она сидит с детьми на лугу и играет с любимой собачкой нашей дочери, собирает букеты полевых цветов, – он улыбнулся, – даже сейчас не могу понять, почему она так любила именно полевые цветы – как по мне, так их запах отвратителен. Моя графиня могла нюхать их сутками напролёт и постоянно весь замок наполнялся их вонюю. – Наконец он отвернулся от окна и посмотрел на картину, на которой были изображены их дети. – Я не знал, куда от этого скрыться, но её улыбка заставляла меня смириться даже с этим. Разве можно было сопротивляться её прекраснейшей улыбке и глазам, в которых я мог скрыться ото всех бед и несчастий.

Слушая его рассказ, моё самочувствие ухудшалось. Такая боль и столь сильная любовь истощали. Мне было невозможно представить, насколько сильно он страдает, и я неосознанно начала перенимать на себя его эмоции.

– Только она могла подарить мне покой. Я был так юн и так влюблён, что просто светился от счастья. Тогда я был уверен, что это навсегда. В мире существовали лишь мы двое и наши дети. Никто и ничто не могло нас разлучить. Вот таким слепцом я был. Сейчас мне остаётся лишь протягивать руку к её образу в надежде, что когда-нибудь она возьмёт её в свою белоснежную ладонь и сожмёт тонкими пальцами. Вот тогда мы вновь пройдемся по нашему графству – такие же счастливые, такие же юные и такие же смертные, – последнее слово далось ему с явной тяжестью. – Это глупая надежда того юноши, каким я был прежде, и безысходные мысли бессмертного, коим я сейчас и являюсь. Скорее всего, если бы нам был дан шанс встретиться вновь, она возненавидела бы меня. Я стал монстром во имя любви и мести, но этого не сможет оправдать никто на свете. Теперь я обречён на вечные скитания в одиночестве, и никто не сможет согреть моё сердце, как это делала моя графиня. Нет теперь ни сердца, ни графини. Пустота. Безысходность. Жажда. Злость. Я – это копилка всего, что убило мою семью и того, что ненавидела моя... – он запнулся. – Так или иначе, мне остались только далёкие и наивные воспоминания, лишь призрачные образы, которые никак не могут скрасить моё существование.

3–4 РАЗРУШАЮЩИЕ ПЛАНЫ ИНЫХ

POV: АНАДЖ

*Я просто прошу, помоги мне,
Проникни в меня, своей силой наполнив сполна... до краёв.
Излечи и не дай мне погибнуть.
Лишь вместе начав эту Битву, в финал мы пройдем.*

Дата:

29 сентября 2023 года

– период смертного исчисления

Местоположение:

мир Праносталь, город Мэджик-Стил,

дом Анадж Ли Рэйвен Филс

Существует так много теорий про родственные души и фантомные привязки, что иногда хочется верить в возможность чего-то подобного и в собственной жизни. До встречи с Майто, моё мировоззрение ограничивалось общением с таинственными фантомами, и я никогда не задумывалась о допустимости всего этого, как не думала и о реалистичности этих теорий при всей той мистификации, что им сопутствовала. Но с его появлением даже мой, и без того не самый уравновешенный мир, превратился во что-то сюрреалистич-

ное.

Если подумать о моём провожатом, ставшим единственным «собеседником» в день рождения, которого так сильно опасалась моя душа, то его энергии обволакивали и даровали наполнение теплом в каждом моём вдохе. Он как будто бы стал частью моей сущности... Или всегда ей являлся?

Если говорить о фантоме наглого колдуна, то после моего восхождения мы стали неразлучны, если так, конечно, можно выразиться. Стоило мне подумать о нём, как он сразу появлялся, и я даже могла ощущать аромат его парфюма. Иногда мы говорили о каких-то случайных и малозначимых мелочах. Иногда молчали и просто насыщались энергетикой друг друга, сидя рядом. Найдя друг друга в проявлении фантомов, мы познали то, чего не находили в реальном мире – тепло и ощущение собственной значимости в энергии другого. Это было самое ценное приобретение и самый дорогой подарок, что я когда-то получала.

Сегодня я ждала его весь день, желая ощутить уже известные в деталях вибрации той силы, что будоражили разум и сводили с ума, не давая покоя. Мне с трудом давались консультации, и уже на втором клиенте я попросила ассистентку перенести всех оставшихся.

Меня не покидали хаотичные мысли обо всех снах, видениях и ощущениях, поглотивших сознание всецело. Сегодня мне, как никогда, было трудно сосредоточиться, а принимать людей, выслушивая все их тревоги и невзгоды, в подобном

состоянии стало бы непосильной ношей.

Да, конечно, я понимала, что на мне лежала некая ответственность, но могла же я подумать о себе хотя бы разок?

Но, по всей видимости, так думала лишь я одна.

– Анадж, – недовольное лицо Алисии, как и всегда, говорило само за себя, опережая сказанное и отражая суть всего, – то есть ты действительно считаешь, что из-за мужика, который, неизвестно существует в реальности или нет, стоит рушить свою карьеру?

Её интонация могла вывести меня из себя мгновенно, и каждый раз я с трудом находила силы преодолеть это раздражение. Сейчас это и вовсе казалось непосильной задачей, ведь на этот раз ассистентка перешла все границы допустимости.

– Блин, притормози на поворотах, – мне хотелось смеяться, но вместо этого я чувствовала лишь боль от очередного разочарования. – Я просто устроила себе выходной. Один единственный выходной за много месяцев непрерывной учёбы и работы.

– Меня волнует не сам выходной и перенесённые, надеюсь, не окончательно потерянные десять человек, – этот говор с намеренной концентрацией на моих ошибках в плюсе с её активной жестикуляцией едва позволяли выдержать данный натиск, и я хотела вlepить ей пощёчину, – а причина этого твоего состояния. Ты уже долгое время сама не своя. Это ненормально. И я искренне надеюсь, что ты понимаешь

степень своего безумия.

– Безумия? Али, я ещё раз предупреждаю, притормози! – Я не выдержала и направилась в сторону бара. Нервы на пределе. Я уже опустошила весь запас алкоголя и даже успела обновить его содержимое дважды. – Я поделилась с тобой моим секретом лишь потому, что ты моя ученица. Но у тебя нет никакого права отчитывать меня за принятые решения!

– Не спорю, но своё мнение я буду высказывать в лицо. Прежде всего, ты, помимо прочего, ещё и психолог по образованию. А ведёшь себя сейчас как псих, говоря о незнакомом тебе мужике, как о ком-то реальном.

– Он реален! – я сошла на крик.

– Вот видишь! – она победоносно усмехнулась. – Ты не способна контролировать себя. Стоит только заговорить о нём, так ты сразу готова разорвать глотку собеседнику. Вокруг тебя бесчисленное множество ухажёров. Ты красива и умна. У тебя есть то, о чём многие лишь мечтают. А о значимости твоей магии для людей я просто молчу. Вернись в реальность, прошу. – Я вновь схватилась за браслеты и увидела, что Алисия грустно вздохнула. – Не создавай себе путей к отступлению и не убегай от реальной жизни.

– Али... – мне хотелось тишины, но больше всего мне хотелось остаться одной.

Она всегда проявляла чрезмерную назойливость и бескультурье, но в последние дни это уже выходило за все рамки, а моё терпение было на исходе. Хорошо, что у меня хва-

тило глупости рассказать лишь об одном из...

– Ты убегаешь от действительности, Анадж, и всё глубже погружаешься в мир фантазии. Такое не может закончиться чем-то хорошим.

– Послушай, – устало потерев веки, я надеялась избавиться от головной боли, – ты пришла ко мне три года назад, умоляя помочь вывести из глубокой депрессии. Потом ты захотела научиться азам эзотерики, и я приняла тебя в ученики...

– Это тут не при чём, – она нагло перебила меня, чем смогла разозлить ещё сильнее. Самоконтроль никогда не был моей сильной стороной, и я не один год потратила на практики и разные штуки, помогающие подавлять агрессию. Но эта девчонка легко могла вывести меня из себя. Для этого ей надо было просто начать говорить.

– Нет! При чём! Ты самое неблагодарное создание из всех, что я встречала. У тебя нет никакого права поучать меня и высказывать своё мнение там, где его не спрашивают. Моя жизнь тебя не касается никаким образом. Запомни это раз и навсегда! Ты имеешь право высказываться только о работе. А вот свою настойчивость советую проявить в учёбе, Алисия Виллорд, а то в этом у тебя как раз огромные проблемы.

– Не отчитывай меня, как девочку!

– Ты и есть глупая истеричная девчонка, не способная разобраться с азами, совершая ошибки на каждом шагу своего обучения.

– Если я такая непутёвая, то что тут делаю?

– Поверь мне, я задаюсь этим вопросом каждый день, Али. – Её вопрос заставил меня задуматься: от чего я столь сердобольна? Вокруг меня уже не осталось людей, способных вызвать во мне хоть какие-то эмоции и чувства. Я разогнала всех и создала комфортный для себя мир. Алисия – единственная, кто задержалась рядом, но её присутствие уже становилось в напряг.

– Возможно, я единственная, кто способна вытерпеть твой скверный характер? – Алисия засмеялась, но, увидев мой уставший взгляд, вовремя поняла, что шутка не удалась.

– Мой скверный характер останется при мне, а вот тебе, совершенно точно, пора уходить.

– Я уйду. Только это не изменит того факта, что этого незнакомца не существует.

– Хорошо. Я максимально привяжу себя к реальности, раз это для тебя так важно.

– Это не для меня важно, а для тебя. – Она коснулась моего плеча и ушла. В доме, наконец, воцарилась тишина.

Только разве хоть раз в своей жизни я оставалась наедине с самой собой? Нет. Нас постоянно окружают те, в чьё присутствие трудно поверить. Естественно, я прекрасно понимала, что для людей это всё – проявления паранормального, или того же фантастического бреда. Да, с точки зрения психологии, у меня проявлялись слуховые галлюцинации. Сразу несколько симптомов – в копилочку к шизофрении.

*Я хорошо помню момент,
когда закрыла свою душу
под множеством печатей и замков.*

Любимое кресло. Бокал белого полусухого и попытка избавиться от всех мыслей. Я не хотела верить, что он – плод моих буйных и многоуровневых фантазий. Не хотела. Пусть даже это и шизофренический бред, но пока я способна находиться на границе этих двух миров, мне нечего бояться. Я не вредила людям и никак их не ущемляла. Единственный ущерб для меня – потерянная личная жизнь, но, если честно, лучше таинственный и манящий юноша, чем меркантильные и самоуверенные пустозвоны.

Я готова. Я не боюсь.

Все страхи остались в прошлом, в котором у меня ничего не было. В этой жизни мне не за что цепляться, и я вполне могу позволить себе хоть какой-то риск.

Я смотрела на собранный мною несколько дней назад браслет и словно ждала от него какого-то действия. Перебирая камни и крутя металлические разделители, я не сразу заметила, что проколола палец. Кровь как будто впиталась в песчаник, не оставив от себя и следа. Странное предчувствие неизбежности чего-то происходящего не покидало, а лишь нарастало. Я пододвинула ближе мольберт, ведь белое полотно манило с невероятной силой, заставляющей забыть обо всём.

Сейчас я могла лишь держать в руках кисть и, бездумно

вода по холсту, создавать незнакомые мужские черты. Это напоминало наваждение. Ощущения сводили с ума, а глаза, прорисованные в деталях, заставляли испытывать страх и волнение каждый раз, когда я в них смотрела. Серые и бездонные. Меня манила их глубина, но я не хотела туда проваливаться. Скорее, я стремилась поглотить эту засасывающую бездну. Мне было интересно приручить ту бурю, что он смог искусственно создать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.